

ЕВГЕНИЙ БЕРКОВИЧ

ПЯТАЯ ЖИЗНЬ

Евгений Беркович

Пятая жизнь

**Предварительные итоги
в вопросах и ответах**

**Составитель Владимир Плетинский
при участии Изабеллы Побединой**

Семь искусств
Ганновер 2015

Евгений Беркович

Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах

Составитель Владимир Плетинский

при участии Изабеллы Побединой

Семь искусств, Ганновер 2015, 200 стр. с илл.

ISBN 978-1-326-42682-8

© Евгений Беркович (текст)

© Изабелла Победина (оформление обложки)

© Владимир Плетинский (составление, предисловие)

Семь искусств
Ганновер 2015

*К 70-летию Евгения Берковича
от друзей и коллег*

Евгений Беркович, 2015. Фото Михаила Галяна

Содержание

Шесть ступеней вверх. Предисловие составителя	7
Часть первая. Шесть ступеней.....	11
Интервью первое – 1999 г.	
Леонид Резников («Горизонт», Денвер, США)	12
Интервью второе. 2003 г.	
Людмила Палисад («Еврейская Старина»)	36
Интервью третье. 2006 г.	
Елена Минкина («Еврейская Старина»).....	54
Интервью четвертое – 2010 г.	
Владимир Плетинский («Секрет», Израиль)	88
Интервью пятое – 2012 г.	
Аркадий Бейненсон («Голос России», Москва)	101
Интервью шестое – 2015 г.	
Ирина Чайковская («Чайка», США).....	131
Часть вторая. «Вопросы к Богу»	153
Интервью с профессором Вольфгангом Бенцем	154
Опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским:	
«И эллин и иудей»	177

Шесть ступеней наверх

Предисловие составителя

Первое интервью, вошедшее в этот сборник, датируется 1999 годом. Заключительное – годом 2015. Между ними лежат шестнадцать лет жизни автора, тот период, который он сам назвал своей «пятой жизнью», посвященной истории, литературе, журналистике...

До этого Беркович был математиком, окончившим престижный физический факультет московского университета и защитившим на факультете Вычислительной математики и кибернетики МГУ кандидатскую диссертацию по математическим проблемам выбора оптимальных решений.

Затем последовала жизнь разработчика больших информационных систем, отраслевых и республиканских. За заслуги в этой жизни он получил медаль «За доблестный труд», звание старшего научного сотрудника с дипломом ВАК, стал главным конструктором отраслевой системы связи Российской Федерации.

В перестройку состоялась третья жизнь – предпринимателя, создателя и директора успешных научно-производственных предприятий. А в 1995 году Евгений Беркович начал свою четвертую жизнь, уже в Германии, снова разработчиком информационных систем, но уже совсем в других условиях – в крупном немецком научно-исследовательском центре финансовой математики. Этот период продлится еще пятнадцать лет и закончится уходом на заслуженную пенсию в 2010 году.

Пятая жизнь, как мы видим, началась параллельно четвертой и продолжается и сегодня. В 1999 году, когда Евгений давал первое интервью редактору денверской газеты «Горизонт», еще не было никакого «портала Берковича», его заметки по еврейской истории публиковались в различных бумажных изданиях, газетах и журналах, от «Русской мысли» в Париже до «Вестника» в Балтиморе. И хотя статьи еще не стали книгой, которая выйдет в свет в 2000 году и будет так и называться: «Заметки по еврейской истории», автору

удалось получить неплохую известность у читающей публики разных стран как журналист и публицист.

Второе интервью состоялось через четыре года, в 2003 году, когда вышла в свет вторая книга Евгения Берковича «Банальность добра» и был создан его сайт, ставший в наши дни знаменитым «порталом Берковича», крупным издательским домом, выпускающим четыре самостоятельных издания по истории и культуре. В том же 2003 году выходили только два издания – журнал «Заметки по еврейской истории» и альманах «Еврейская Старина». Они быстро завоевали широкую аудиторию, обрели представительный круг авторов. Евгений теперь не только автор двух популярных книг по истории, но и успешный редактор сетевых изданий.

В третьем интервью 2006 года Беркович предстает в новом качестве – сценариста документального фильма «Вопросы к Богу», снятого московской киностудией. Фильм развивает тему книги «Банальность добра» и рассказывает о немцах, спасавших евреев в годы Холокоста.

Четвертое интервью, которое я сам взял у Евгения в 2010 году, относится к периоду расцвета «Заметок по еврейской истории», тематика которых становилась от номера к номеру все разнообразней и многогранней. Не случайно в конце 2009 года появился на свет новый журнал «Семь искусств», объединивший в себе всю «общечеловеческую» тематику, все, что интересно интеллигентному человеку. Новый журнал соединяет, казалось бы, несоединимые направления: он и научно-популярный, и литературно-художественный, в нем освещаются такие разные темы, как социология и театр, философия и музыка, психология и страноведение...

Пятое интервью 2012 года фиксирует то состояние издательского дома Берковича, которое мы наблюдаем сегодня: к трем прежним добавлен новый издательский продукт – журнал-газета «Мастерская». В отличие от своих старших братьев, новое издание отличается газетной оперативностью – ведь материалы здесь обновляются ежедневно. Но к этому оно сохраняет журнальную основательность – статьи в «Мастерской» не уступают по

своей глубине и серьезности статьям из журналов и альманахов. Просто у каждого издания свои задачи, своя аудитория, свои возможности.

Наконец, заключительное, шестое интервью, данное Евгением журналисту из американской «Чайки» в 2015 году, освещает еще одну сферу интересов Евгения – его собственные исследования в области истории науки и литературоведения. Надо отметить, что и в этой сфере он преуспел, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в серьезных «толстых» журналах: «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Нева», «Человек», «Зарубежные записки» и др. Предметы исследования разнообразны – тут и творчество Томаса Манна, и психологические портреты ученых, физиков и математиков, и спорные вопросы еврейской истории, верность которой Евгений Беркович сохраняет все годы его «пятой жизни». Две его последние книги – «Одиссея Петера Прингсхайма» и «Антиподы: Альберт Эйнштейн и другие люди в контексте физики и истории» - дают хорошее представление о высоком уровне проводимых исследований.

Все шесть интервью образуют как бы шесть ступеней вверх по лестнице духовного развития человека, взявшегося в зрелом возрасте за совершенно новое дело и успешно его осваивающего. Пройтись по ним вместе с автором не только интересно, но и поучительно.

Во второй части книги опубликовано интервью, которое сам Евгений взял у ведущего немецкого историка, директора Института исследования антисемитизма в Берлине профессора Вольфганга Бенца. Круг затронутых вопросов столь же широк, как и круг интересов Евгений.

Завершает книгу любопытный литературный эксперимент, поставленный Берковичем в самом начале его литературно-исторического периода. Из многочисленных интервью, которые дал поэт Иосиф Бродский, Евгений отобрал вопросы, связанные с отношением нобелевского лауреата к религии, евреиству, христианству... Получился вполне представительный текст, который не теряет актуальности и сейчас.

Этот сборник готовился к печати накануне семидесятилетия Евгения Берковича. Каждый юбилей – это своего рода остановка на жизненном пути, когда можно подвести предварительные итоги, оглядеться, задуматься... Евгений подошел к своему семидесятилетию с хорошими результатами. В конце своего шестого интервью он говорит:

«В последние два десятка лет я опубликовал немало работ по истории физики и математики, изучал историю антисемитизма в Европе, писал о жизни и трудах Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, других европейских интеллектуалов... Естественно, что с этими направлениями у меня связано множество новых задумок. Но, как известно, "если хочешь насмеить Бога, то расскажи ему о своих планах". Поэтому от рассказа о задуманном я воздержусь, а себе пожелаю, чтобы и дальше мне было так же интересно заниматься своим делом, как было до сих пор».

Нам остается только присоединиться к этому пожеланию.

Интервью, собранные под одной обложкой, представляют своеобразную биографию человека. Чтение жизнеописаний всегда было делом поучительным и полезным. В данном случае оно еще увлекательное и интересное.

Владимир Плетинский,
главный редактор журнала «ИсраГео»,
редактор еженедельника «Секрет» и
русского выпуска газеты Jerusalem post.

сентябрь 2015 г.

Часть первая

Шесть ступеней

Интервью первое – 1999 г.

Леонид Резников
(«Горизонт», Денвер, США)

Спасибо за то, что согласились ответить на наши вопросы. Мы уверены, что наша беседа заинтересует наших читателей. Спасибо и Вам за предложение рассказать о себе. Я считаю, что если мои воспоминания и могут кого-то, кроме моих близких, заинтересовать, так только потому, что они отражают некоторые типичные черты времени. Начнем, пожалуй, с начала. Расскажите, пожалуйста, где и когда Вы родились.

Своим рождением я, в определенном смысле, обязан Великой отечественной войне. Именно из-за войны мои родители оказались в Иркутске, где встретились и полюбили друг друга. Весной 1941 года папа, учась на последнем курсе московского института связи, стал работать на московском авиационном заводе имени Менжинского. Диплом папа защитил 27 июня 1941 года, а в декабре того же года завод со всеми работниками был эвакуирован в Иркутск.

До войны мама с родителями жила в Ростове-на-Дону. В 1941 году она была студенткой первого курса ростовского университета.

Осенью сорок первого родителям моей мамы с четырьмя детьми (мама среди них старшая) удалось с большими трудностями добраться из Ростова до Иркутска, где жила мамина тетя. Большинство маминых родственников, оставшихся в Ростове, погибли от рук фашистов. В Иркутске в 1942 году мои будущие папа и мама познакомились и в 1943 году поженились. Мама закончила исторический факультет иркутского университета в 1945 году (может, отсюда моя любовь к истории), а в октябре того же года родился я.

Можно сказать, что Вы сибиряк?

Стать настоящим сибиряком мне не пришлось – когда мне было шесть месяцев, родители переехали в Москву, где я прожил почти пятьдесят лет.

Михаил Беркович, отец Евгения
Из семейного архива

Так что всегда считал себя москвичом, пусть и некоренным. Биологи говорят, что поколение, родившееся накануне и сразу после большой победы, несет генетически переданный дополнительный энергетический потенциал, позволяющий успешнее справляться с жизненными проблемами. Ощущаете ли Вы это на себе? С этим мнением генетиков я согласен. Не берусь судить о себе, но среди моих сверстников и в школе, и в университете было, как мне кажется, особенно много ярких личностей и энергичных людей. Некоторых из них стали широко известными.

Чем запомнились Вам школьные годы?

Моей первой школой была школа номер 413, что и сейчас стоит на набережной реки Яуза в Берниковом переулке. Школа была самая обычная, и ученики самые обычные мальчики (совместное обучение мальчиков и девочек было введено только с моего третьего класса) – из типично московского района между Землянкой и Таганкой (район сначала назывался Молотовский, но впоследствии сменил название на более соответствующее – Пролетарский). Определенное своеобразие школе добавляла близость нескольких престижных домов – высотного на Котельнической набережной и пары домов на улице Чкалова, где жили известные физики.

Александра Сендерова, мать Евгения
Из семейного архива

Оттуда пришли в школу дети знаменитых ученых, артистов, военных. Моим самым первым и самым близким школьным товарищем был Боря Березовский, с которым мы сидели за одной партой до седьмого класса, когда он с родителями переехал из комнаты на Землянке в новую квартиру в Черемушках. И теперь, что бы ни говорили о нем журналисты и политики, он для меня остается тем самым

Борей, с которым мы делились самым важными секретами и даже были влюблены в одну девочку.

Ощущался ли Вами антисемитизм в то время?

Антисемитизм как государственную политику я долго не осознавал, хотя моя семья его остро почувствовала уже в 1952 году. Мой папа был ведущим разработчиком одной радиолокационной системы, которая была успешно принята в производство и поставлена на вооружение. Разработчики были представлены к Сталинской премии. Но вместо премии папа был неожиданно уволен «по сокращению штатов».

Илья Григорьевич Эренбург, Михаил Беркович,
Евгений Беркович. Новый Иерусалим, 1964 год.
Из семейного архива

Так реализовывалась в оборонных отраслях знаменитая борьба с «безродными космополитами». Папа долго был без работы, пока не улыбнулось счастье – его приняли на вновь созданный телевизионный завод, получивший впоследствии название «Рубин». Там он проработал еще сорок лет до выхода на пенсию в 1994 году (ему в это время исполнилось уже 77 лет!). После смерти Сталина, прекращения «дела врачей», после страшной угрозы сталинского «окончательного решения» еврейского вопроса для советских евреев наступили относительно

«вегетарианские времена». Бытовой антисемитизм, конечно, был, но к нему привыкаешь, просто как к определенным правилам игры. Открыто выступать против евреев боялись, можно было пожаловаться начальству – директору или в партком. Новый подъем государственного антисемитизма я впервые почувствовал в студенческие годы, особенно после Шестидневной войны 1967 года.

Студенты первого курса физфака
на Первомайской демонстрации 1963 г.
Из семейного архива

По Вашему диплому Вы физик. Когда Вы решили поступать на физфак МГУ?

В школе я учился легко, не слишком задумываясь о будущем. Интересовался разными предметами, однажды даже победил на Московской географической олимпиаде. Много читал, в том числе и по истории (мама преподавала древнюю историю в другой школе, и у нас было много соответствующих книг). Но больше всего, пожалуй, мне нравилась математика. Начиная с шестого класса посещал знаменитый математический кружок на мехмате МГУ. Нравилась мне и физика, правда, немного меньше. Решение поступать на физфак пришло довольно неожиданно, не без влияния моды, книги Гранина «Иду на грозу», в частности. Забегая вперед, скажу, что на первых курсах я понял, что

математика мне ближе и свою «ошибку» я исправил, выбрав достаточно экзотическую для физфака кафедру математики (математической физики). И в дальнейшем моя научная работа была больше связана с математикой, чем с физикой. Впоследствии я все же понял, как много дал мне физфак, насколько полезным было полноценное физическое образование, позволявшее лучше чувствовать конкретные приложения абстрактных математических моделей. Но в университет нужно было еще поступить.

Мои родители лучше меня понимали все трудности, с этим связанные, в том числе и негласную процентную норму для евреев, существовавшую для большинства вузов и факультетов. Особенно трудный барьер был поставлен для евреев на физфаке МГУ. Поэтому еще за два года до окончания мною школы родителями, прежде всего, мамой был выработан стратегический план поступления в университет. Как и во многих еврейских семьях, в нашей семье основные решения принимала мама. И моя мама имела достаточно мудрости и решительности, чтобы делать нетривиальные стратегические шаги. Именно так произошло с моим обучением. Впоследствии я не раз убеждался в верности выбранного мамой пути. В 1960 году неутомимый Никита Сергеевич Хрущев предпринял очередную реформу школьного и высшего образования. Все средние школы, кроме спецшкол, стали одиннадцатилетками. Кроме того, при поступлении в институт большие льготы предоставлялись так называемым «производственникам», лицам, имеющим трудовой стаж минимум два года. Перед школьниками и их родителями стала дилемма – или попасть в спецшколу, что было, понятно, непросто, или учиться на год дольше, что сильно увеличивало шансы попасть в армию. Я был «круглым отличником», попасть в спецшколу не представляло труда. Но мама смотрела дальше. На семейном совете было решено, что после восьмого класса я не наслаждаюсь законными школьными каникулами, а поступаю на работу на завод. Девятый и десятый класс я заканчиваю в вечерней школе рабочей молодежи (эти школы еще оставались десятилетками). А качество образования

восполняю самостоятельной работой. Так в 12 июня 1960 года начался мой трудовой стаж.

Откровенно говоря, необычное решение для «нормальной еврейской семьи». И как Вы оцениваете для себя эти студенческие, но уже не школьные годы?

Два года и два месяца работы на заводе радиомонтажником, учеба в вечерней школе и посещение лекций для поступающих в московский университет были очень напряженным и интересным периодом моей жизни.

Илья Григорьевич Эренбург, Александра Сендерова, Евгений Беркович, Александр Беркович, Новый Иерусалим, 1964 год. Из семейного архива

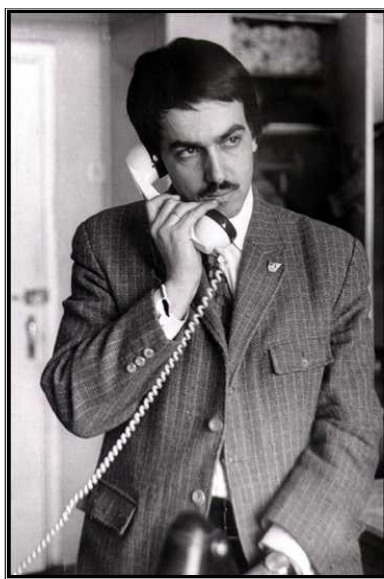
Студенческие годы, как правило, – самая светлая пора в жизни. Для Вас тоже?

Вне всякого сомнения. Все пять с половиной лет вспоминаются мне как праздник. Как я уже говорил, наш курс (довольно большой, кстати – более 550 человек) собрал много ярких личностей. Я не говорю даже про массу талантливых физиков, математиков, астрономов и биофизиков, получившихся из моих однокурсников. Многие раскрыли свои таланты совсем в других областях – музыке, кино, поэзии. Назову только Сергея Никитина, Вано Киасашвили, Бориса Шапиро... Я занимался увлеченно, кроме одной четверки на экзамене по физике на первом курсе все остальные отметки имел только «отлично». Кроме того,

«кипела» нормальная студенческая жизнь — летние стройотряды, студенческие вечеринки, переходящие иногда в студенческие свадьбы...

Ну, а как и когда началась Ваша научная работа?

Научная работа началась для меня сравнительно рано. Первые оригинальные результаты в теории оптимального управления были получены на четвертом курсе. К пятому курсу вышли из печати две научные статьи, еще три ждали своей очереди в редакциях. Распределение для меня прошло удачно, я был принят на работу в Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ.

Евгений Беркович в ВЦ МГУ
Из семейного архива

Оставалось оформить согласованный во всех инстанциях прием в заочную аспирантуру МГУ. И тут произошла осечка. Напомню, что дело происходило в 1967 году, сразу после Шестидневной войны. Отношение к Израилю, сионистам и ко всем евреям в официальной пропаганде становилось все агрессивнее и нетерпимее. Как

теперь стало известно, на самом высоком политическом уровне тогда было принято решение об «очистке» от евреев фундаментальной науки, оборонных отраслей и высшего образования. В моем случае это реализовалось в отказе под каким-то смехотворным предлогом (на Ученом Совете якобы потеряли мои документы) в приеме в заочную аспирантуру. Я был не столько огорчен, сколько поражен, так не соответствовало это всем нормам и правилам. Но мой более информированный научный руководитель посоветовал мне благодарить небеса за то, что удалось добиться приема на работу в ВЦ МГУ, а об аспирантуре лучше забыть.

Это Вас сильно травмировало?

Честно сказать, не очень. Работа в МГУ – это огромное счастье. И моя научная работа шла успешно. Мои статьи выходили в журналах и сборниках регулярно, я много выступал на конференциях, семинарах, побеждал в различных научных конкурсах. Диссертацию защитил в 1973 году, так и не поучившись в аспирантуре. К этому моменту у меня было опубликовано более сорока статей, многие переведены и опубликованы за границей. Одновременно я смог реализовать свою давнюю любовь – преподавательскую деятельность.

Я читал студентам спецкурс по основным результатам своих работ, а параллельно основной работе вел занятия в подшефной МГУ математической спецшколе.

Можно сказать, что начиналась перспективная научная и преподавательская карьера?

Однако моя научная работа практически в это время и закончилась. И не по моей вине или по моему желанию. После защиты диссертации мне было недвусмысленно сказано, что больше никаких перспектив в НИВЦ МГУ у меня нет и мне лучше искать другую работу. На банальное увольнение по сокращению штатов руководство не решилось, но сделало все, чтобы мое пребывание там стало невозможным. При этом не скрывалось, что единственной причиной этого является мой пятый пункт в анкете. После примерно года неравной борьбы в марте 1975 года я начал

работу в одном из так называемых научно-исследовательских институтов научно-технической информации. Свою десятилетнюю (с 1965 по 1975 год) работу в науке я вспоминаю как самый счастливый творческий период. Мне удалось получить некоторые результаты, которые и сейчас не потеряли значения. До сих пор ощущаю боль от того, что мне пришлось оставить науку и начать «новую жизнь». И хотя отдельные мои математические работы выходили в свет еще вплоть до 1980 года, истинно научная деятельность закончилась практически в самом начале.

Однако институт, куда Вы поступили, назывался «научно-исследовательским». Почему Вы говорите о прекращении научной работы?

Институты научно-технической информации, как и многочисленные отраслевые институты автоматизированных систем управления (АСУ – это был период, как тогда шутили, «АСУчивания всей страны») были, по существу, не научными, а проектными институтами. Ширма «научно-исследовательский» нужна была для получения более высоких окладов и более почетного статуса их руководителей. И хотя формально я еще двадцать лет занимал «научные должности» – старший научный сотрудник, начальник сектора, начальник лаборатории, начальник отдела, заместитель директора по научной работе – и даже получил от ВАКа диплом об официальном звании «Старший научный сотрудник», – настоящим работником науки я себя уже не ощущал. Забавно, что в ВЦ МГУ научной должности для меня не нашлось, я был просто инженером, которому даже надбавка за научную степень не положена, но ни на минуту не возникало сомнений в том, что я занимаюсь наукой. Кстати, именно отрасль научно-технической информации и АСУ оказалась чуть ли не единственной, куда могли устроиться евреи, вытесняемые из «запрещенных» отраслей – науки, оборонки, высшего образования. Так что там оказывались порой очень квалифицированные кадры.

Чем Вы занимались в институте информации?

Мы проектировали и внедряли автоматизированные системы НТИ. Первые три года я занимался созданием республиканской системы НТИ России. С 1978 года до 1995 года руководил разработкой отраслевой системой НТИ в области связи. Если верно, что человечество вступает в «информационное общество», то нельзя не признать, что мы занимались достаточно актуальными вещами, насколько, конечно, ими можно было заниматься в условиях «развитого социализма».

И как вы ощущали себя в «новой жизни» разработчика информационных систем?

Я глубоко убежден, что нет неинтересных сфер деятельности и очень мало областей, где нельзя было реализовать творческие способности, которые есть у каждого человека. Я погрузился в относительно новую для себя область информатики и убедился в справедливости мнения, что математическая подготовка служит хорошей основой любой деятельности. Кроме того, я нашел применение своей «неутоленной педагогической страсти», занимаясь обучением и повышением квалификации специалистов, в том числе и своего постепенно складывающегося коллектива сотрудников. После сугубо индивидуальной работы ученого-одиночки приходилось осваивать дирижерские обязанности руководителя команды. Оглядываясь назад, могу сказать, что наша работа была результативной в той мере, конечно, насколько позволяли обстоятельства. И дело не только во внешних атрибутах успеха – правительственных наградах и премиях (я награжден несколькими медалями и почетными знаками), а в том, что современные компьютерные технологии постепенно внедрялись в практику.

И вот пришла перестройка – новый этап в жизни страны. Начался ли новый этап в Вашей жизни?

Именно так я расцениваю горбачевские и последующие годы. Наступила эпоха экономических экспериментов, когда мы осваивали навыки работы в новых экономических условиях. В 1990 году я организовал свое научно-производственное предприятие «ИНКОР»

(ИНформация, Компьютеры, Оптимальные Решения), которое за пять лет вполне «встало на ноги», завоевало известность на российском компьютерном рынке. Через три года у «ИНКОРа» появилось и дочернее предприятие – «Интерлинк БиС». Так что этот этап жизни можно назвать предпринимательским. Хотя я все это время продолжал руководить отделом и быть замдиректора госпредприятия Минсвязи России.

А чем занимались «ИНКОР» и Вы в «ИНКОРе»?

«ИНКОР» специализировался на сетевых компьютерных технологиях. Мы поставляли на российский рынок современные модемы и другие компьютерные части. Но главным, «фирменным» нашим продуктом были электронные словари, справочники и энциклопедии, которые мы сами создавали и распространяли. Ряд книг мы издавали и в традиционном бумажном виде. Большой известностью пользовалась наша многотомная энциклопедия «Современные модемы». «ИНКОР» был постоянным участником компьютерных выставок, в том числе и знаменитого CeBit в Ганновере (с этой выставки в 1994 году началось мое знакомство с Ганновером). Фирменный знак и логотип «ИНКОРа», зарегистрированные в Госкомизобретений, были достаточно хорошо известны на российском рынке. Естественно, я был руководителем и активным участником большинства проектов. Должен сказать, что в предпринимательской деятельности есть очень много от истинного творчества. Эти пять лет моей деятельности дали мне много новых интересных впечатлений и были очень насыщенным и результативным периодом.

Ваша школьная дружба с Борисом Березовским помогала Вашему бизнесу?

Наши отношения с Борей не всегда были такими тесными, как в школьные годы. Иногда пути расходились, затем сходились. В годы, когда он руководил «Логовазом», а я «ИНКОРОМ», мы снова сблизились, даже, что называется, семьями (причем у обоих вторыми). Но деловые отношения

мы сознательно ограничивали, чтобы ничего не мешало нашей дружбе, которой оба дорожили.

Итак, мы подошли к августу 1995 года. Вы – замдиректора государственного предприятия, генеральный директор двух процветающих частных предприятий. И неожиданно для многих Вы прекращаете свою так удачно складывавшуюся деятельность и с семьей выезжаете на постоянное жительство в Германию. Чем это было вызвано? Уж, конечно, не материальными трудностями?

Безусловно. С материальной стороны мы жили вполне прилично. Ничего сверхъестественного, никаких причуд «новых русских», но хорошая квартира в престижном доме на Воронцовских прудах, красивая дача в Дорохово, машина – короче, необходимый «джентльменский набор» обеспеченного человека. И перспективы были достаточно радужные. «ИНКОР» год от года набирал обороты, расширял свое производство. Так что причины нашего отъезда смело можно назвать «нематериальными». Поверьте, мне трудно просто и однозначно сформулировать, почему мы все оставили и отправились «в неизвестность». Конечно, не последнюю роль играло беспокойство за судьбу нашего младшего сына, которому за два дня отъезда исполнилось тринадцать. Было еще желание опять испытать себя в абсолютно новых условиях, прожить, так сказать, еще одну жизнь. Может, это было неосознанное желание ощутить себя молодым. Ведь мне через два месяца после приезда в Германию исполнилось 50. А теперь я могу смело сказать, что ничто не дает человеку такое ощущение молодости, как рождение «позднего ребенка» и активная жизнь в новой стране. Только в младенчестве приходится получать и переваривать так много новой информации, как в первые годы эмиграции.

Были ли у Вас конкретный план действий в Германии? Каковы были Ваши первые шаги?

Никакого специального плана не было. Мне хотелось только жить в уже знакомом мне по CeBit Ганноверу. Это оказалось не просто, потому что нам было определено жить в

Шверине, столице земли Мекленбург-Форпомерн, входившей в состав бывшей ГДР. Наконец, через несколько месяцев нам удалось добиться желаемого. А дальше все определялось немецкой программой интеграции вновь принятых иммигрантов. Полгода изучения языка, затем я получил возможность в течение десяти месяцев освежить свои знания компьютерных технологий на специальных курсах, после чего должен был найти предприятие, где в течение двух месяцев буду проходить практику. Написал два десятка писем, но получал вежливые отказы. Наконец, меня пригласили на беседу с директором одного ганноверского предприятия. Честно говоря, волновался, идя эту встречу. После часовой беседы мне предложили вместо практики поступить на постоянную работу. Так примерно два года назад началась моя трудовая деятельность в одной из крупнейших на севере Германии фирме по производству банковских программных систем и исследований по финансовой математике.

Как Вы сами оцениваете свои первые годы работы в Германии?

Как очень трудный и очень интересный период жизни. С чисто профессиональной точки зрения мне было крайне приятно видеть реализованным и самому участвовать в реализации того, о чем я рассказывал на лекциях об информационных технологиях будущего. Да и работа в немецком коллективе помогла избавиться от многих неверных стереотипов, которые бытуют еще в российской среде. Но хочу еще раз подчеркнуть, что период этот был для меня и моей семьи очень нелегким.

Испытывали ли Вы ностальгию по России, по Москве?

Ни разу. Конечно, нынешняя эмиграция не чета предыдущим, когда с уезжавшими прощались навсегда. Связи с родными и близкими, оставшимися в Москве и в Питере, не прекращались у нас ни на день. Особенно хорошим средством от ностальгии является интернет. Переписка по электронной почте дает возможность забыть о

расстояниях. А сейчас и телефонные разговоры через интернет не фантастика, а реальность. Расскажу об истории, которая в нашей семье стала в некотором роде притчей. В первые дни приезда в Германию нам нравилось все, но из привычного московского быта мне не доставало трех вещей: кефира, фиолетовых чернил для авторучки и радио «Эхо Москвы». Кефир был найден в магазинах довольно быстро. Фиолетовых чернил в Шверине, почему-то не нашлось, зато в Ганновере они были обнаружены. Однако любимое радио «Эхо Москвы», ведущее передачи только на средних и ультракоротких волнах, оставалось долгое время несбыточной мечтой. И вот интернет дал, наконец, возможность и этой мечте реализоваться. Теперь из динамиков моего компьютера я могу слушать голоса давно знакомых и любимых ведущих «Эха». Практически все желающие в Германии могут смотреть многие программы российского телевидения, слушать российское радио, не говоря уже о «Свободе», «Голосе Америки», «Немецкой волне», вещающих на русском языке. Помимо российских газет, в киосках продаются несколько десятков русскоязычных газет, издающихся в Германии. Только еврейских русскоязычных газет выходит минимум пять на 60 тысяч еврейской общины Германии. Так что никакого информационного вакуума для нынешней эмиграции нет.

Вы довольно быстро нашли работу по специальности. Как Вы считаете, это счастливое для Вас исключение? Ведь говорят сейчас о большой безработице в Германии.

Безработица, действительно, существует, но не в информатике и других отраслях «высоких технологий». Многие из моих знакомых, проявив определенную настойчивость и упорство, получили работу, связанную с компьютерами, сетями и программированием. Система переобучения и повышения квалификации, действующая в Германии, дает шанс попробовать себя в этих областях людям, которые или многое забыли или никогда этим ранее не занимались. Причем в возрасте, который даже для немцев

считается уже критическим – когда человеку уже далеко за 50.

Понятно, что человеку, имеющему на Западе хорошую работу, открываются многие интересные возможности. Означает ли Ваш рассказ, что Вы бы посоветовали своим родным или близким, остающимся в России, повторить Ваш шаг и попробовать свои силы в эмиграции?

Этого не следует из моих слов, и я бы не стал никому такое советовать. Эмиграция – тяжелое испытание, и нужно обладать немалым запасом жизненных сил, упорства и настойчивости, чтобы преодолеть различные «барьеры» на пути к интеграции в новое общество. Очень важно иметь рядом надежного друга, крепкую семью. В привычной среде, прежде всего в среде родного языка, значительно проще реализовать себя, не испытывая страшных «перегрузок». По поводу благ, которые сулит эмиграция, мне вспоминается старый анекдот про Золотую рыбку, которая была готова выполнить любое желание. «Хочу быть Героем Советского Союза», – попросил человек. Рыбка махнула хвостом, и человек оказался в окопе, в руках гранаты, а на него шел немецкий танк...

Мы говорили до сих пор о четырех периодах Вашей профессиональной деятельности – научном, проектном, предпринимательском, наконец, условно говоря, «немецком». Но нашим читателям известны Ваши статьи, или, как Вы их называете, «заметки по еврейской истории». Как начиналось это Ваше увлечение?

Как я уже упоминал, историю любил всегда. Собрал довольно интересную библиотеку по античной, русской и еврейской истории (с собой в Германию, кстати, удалось взять лишь небольшую, но очень существенную часть). Писать что-то «гуманитарное» в России, честно говоря, не приходило в голову – хотя писал довольно много: по информатике и математике опубликовано свыше 150 статей, брошюр, несколько книг. Но заметки по еврейской истории появились только в Германии. А началось все с посещения

старого еврейского кладбища в Ганновере. Там на небольшой выставке, посвященной истории евреям Ганновера, увидел фотографии человека, носящего мою фамилию. Стал интересоваться его судьбой, собрал довольно много материалов, благо библиотеки и архивы в Германии прекрасно организованы и доступны всем желающим. Короче, когда я связно изложил результаты поисков, получилась заметка о большой семье Берковичей («Человек первого часа», в первой редакции она называлась «Не стоит земля без праведника»). Оказалось, что история эта интересна не только мне. Ее опубликовали несколько газет в Германии и США. Заметки по еврейской истории включают как очерки жизни отдельных выдающихся личностей (Моисей Мендельсон, Теодор Лессинг, Отто Майерхоф и др.), так и описание критических процессов и событий в многогранной еврейской истории («Реформы в иудаизме», «Грех антисемитизма», «Христос в Освенциме», «81 день страха» о «деле врачей», «Еврейская самоненависть» и др.). Не будучи связанным никакими профессиональными обязательствами, я пишу только о том, что интересует меня. Я не стараюсь через все заметки пронести какую-то единую мысль или идею. Но что их, как мне кажется, объединяет – это любовь и восхищение нашим великим, многострадальным и, тем не менее, никогда не теряющим оптимизма и веры еврейским народом. «Еврей – это звучит гордо!» – несколько перефразируя слова советского классика можно было бы коротко сформулировать это чувство.

Кстати о вере. Как Вы пришли к иудаизму? Ведь в советское время любая религия, тем более иудаизм, были под запретом.

Как я упоминал, я довольно рано начал интересоваться не только математикой и физикой (последней, правда, всегда меньше), но и историей, философией и религией. Религия у нас в семье не обсуждалась, что вполне понятно: для моих родителей, только-только переживших страшные годы сталинского террора, важно было выжить и сохранить себя и детей, а уж о религии, а тем более иудаизме, и думать, не то, что говорить, было смертельно опасно. И

сверстники моих родителей, в своем большинстве, волею страшной судьбы оказались «потерянным звеном» в цепи поколений. Традиции местечек, которые были еще живы для моих дедушек и бабушек, на них прервались, идиш и религиозные обычаи почти забылись, а для нас, их детей, и вовсе как бы не существовали. Подобный разрыв традиций был характерен не только для еврейских семей – и православные, и мусульманские традиции сильно ослабли, о чем много говорят сейчас российские интеллектуалы.

Но вернемся сейчас к Вашей семье.

Моя «зрелость» (в смысле «аттестата зрелости») пришлось на легендарные шестидесятые (я закончил школу и поступил в университет в 1962-м), когда духовные искания стали менее опасными и постепенно набирали силу в обществе. В конце концов, в это время и прорезались те ростки, которые привели к концу советского коммунизма и всего СССР. Я интересовался в то время религиями – именно во множественном числе – от буддизма и индуизма до христианства. Но христианством все активнее, благо в России оставалось еще немало возможностей все больше об этой религии узнать. После окончания университета я с друзьями много ездил по подмосковным церквям и монастырям, мы облазили Загорск, Можайск, Звенигород, были в Пскове, Псково-Печерском монастыре. Во время своих многочисленных командировок я хорошо узнал христианские церкви Ленинграда, Прибалтики, даже Средней Азии. Я хорошо помню Крестные ходы и Всенощные на Пасху в разные годы в Питере, Ташкенте, Владимире, Ярославле, Ростове-Великом. Я знал неплохо христианскую церковную историю, традиции, архитектуру, язык икон. Читал много соответствующей литературы, в том числе с трудом доставаемые «Богословские труды» Московской Патриархии. Христианство было для меня достаточно живым миром, среди моих друзей не было ни одного, кто бы придерживался другой религии. Об иудаизме я знал только то, что говорили о нем христианские богословы. Для меня он был «ветхим заветом», сделавшим свое дело – породившем христианство и по какому-то недоразумению

еще сохранившимся в небольшой группе ортодоксальных иудеев где-то в Израиле или Америке. Синагога была для меня чужим местом. Вокруг были диссидентски-христианские разговоры и книги. Множество примеров перехода евреев в христианство (Мандельштам, Пастернак, Галич), талантливые миссионерские книги Александра Меня – все говорило о том, что путь интеллигентного еврея, живущего в России – это принятие христианства. Были, правда, варианты конфессии. Например, недавно скончавшийся замечательный человек, информатик и философ Юлий Шредер, которого я хорошо знал по работе в одной области (он тогда работал в ВИНТИ), принял католичество и стал в последние годы преподавателем богословия в католическом колледже в Москве. Другой известный человек, ведущий сейчас передачу «С христианской точки зрения» на Радио «Свобода», Яков Кротов, с которым я был знаком по дискуссиям в Релкоме (так назывался российский интернет), стал членом группы «Православных, признающих Римский Престол», т. е. тоже какой-то вариант католичества. Но иного пути, как принять христианство, чтобы реализовать духовные запросы, я просто не видел.

И что же Вас остановило?

То, что остановило меня, не было результатом логических рассуждений или какого-то прозрения, ниспосланного свыше. Я просто в какой-то момент стал думать о моих еврейских предках, о своих бабушках и дедушках, об их родителях и о длинной цепи других родственников, которые жили сто, двести и тысячу лет назад. Я почти ничего не знал о них, но они представлялись мне очень достойными людьми – они были евреями и остались ими, несмотря на преследования и погромы, на гонения и притеснения, которых они могли бы избежать, приняв христианство. Многие крупные и мелкие проблемы были бы решены, согласись они пройти крещение. Причем не только материальные проблемы. Например, «наш родственник» (согласно долго бытовавшей в нашей семье легенде) Исаак Левитан смог бы спокойно жить и работать в Москве, откуда

некрещеных евреев выселяли. Крещеные евреи могли получить образование, могли приобщиться к культуре господствующего большинства, сделаться «своими» в обществе, избавиться от «черты оседлости». И все же большинство моих предков не сделали этого шага, остались евреями. Что им помешало? Ведь они не были глупее или примитивнее меня и моих товарищей-евреев. На протяжении двух тысяч лет многие евреи в прямом смысле слова жертвовали жизнью (крестовые походы или испанское изгнание), но не изменяли своей вере. И, чтобы быть честным по отношению к ним и к себе, я решил, что не откажусь от их наследия, пока не узнаю, чем они так сильно дорожили, в чем состоит суть иудаизма. Так я стал все больше интересоваться его основами, стал искать и читать доступную литературу, в том числе даже и художественную («Иосиф и его братья» Томаса Манна). Появились некоторые книги в киоске синагоги, что-то можно было купить у израильского посольства, в фойе еврейских театров, которые тоже стали открываться в то время. Мне становилось все более понятно, что мои друзья-евреи, принявшие христианство, люди порядочные и серьезные, оказались просто недостаточно информированными, не очень образованными, плохо знающими культуру, историю и религию своего народа. Духовный голод был, а утолить его, кроме как крещением, они не умели. И многие заплатили за это разрывом связей с родными. В еврейской традиции всегда было принято оплакивать крестившихся евреев – по ним даже справляли поминальную молитву, как по умершим.

Каково Ваше отношение к другим религиям?

Я хочу еще раз подчеркнуть: религия – не спорт или конкурс. Это глубоко личное, интимное дело. Здесь не уместно ставить оценки или давать советы. Иудаизму вообще глубоко чуждо всякое миссионерство. Как писал еще Моисей Мендельсон – выбор веры – дело индивидуальное. Или, как сказал поэт – наш современник, «каждый выбирает для себя, женщину, религию, дорогу...». Я с искренним уважением отношусь к вере всех людей. Мой самый близкий и самый верный друг – христианин. Все, что делает человека чище и

лучше, помогает подняться духовно – достойно уважения. Мне просто больно, когда евреи отказываются от религии своих отцов либо по конъюнктурным, материальным соображениям, либо, что происходит чаще, просто потому, что недостаточно знают свою историю и свою религию. Большинство людей отпадает от еврейства потому, что у них никогда не было возможности толком узнать, что такое еврейство. Талмуд называет этих людей «детьми, воспитанными в рабстве», таким образом снимая с них вину за отступничество.

А что Вы можете сказать об идеях ассимиляции, т. е. полного растворения евреев в народах, среди которых они живут в диаспоре?

Я считаю эти идеи очень опасными. Внешне ассимиляторство не кажется движением, ибо по своей природе оно не имеет ни храмов, ни школ, ни оформленной доктрины. Однако бывали периоды, когда подобными идеями была охвачена добрая половина еврейства. Ассимилятор редко излагает свое кредо или открыто призывает к отказу от национальности. Просто он перестает каким бы то ни было образом подчеркивать свое еврейство. Проходит два – три поколения – и семья перестает причислять себя к евреям. Для того, чтобы в свободном обществе оставаться евреем, требуется прилагать определенные усилия. Без них еврейство исчезает. Быть евреем – это труд! Нельзя забывать и об ответственности перед своими детьми. Мне нравится определение раввина Штейнзальца: «Еврей – это тот, у кого внуки евреи!».

Еврею есть чем гордиться, думая о вкладе своего народа в общечеловеческую цивилизацию...

Совершенно с этим согласен. Величайший вклад евреев в мировую цивилизацию состоит в «открытии» единого Б-га. По своему значению в духовной области это открытие можно приравнять к открытию колеса или приручению огня. Наш современный, так называемый, европейский мир, западная цивилизация внешне построены на греко-римском наследии (архитектура, государственность,

право, искусство и т.п.). Внутренне же она (цивилизация) базируется на духовном наследии Библии, на морально-этических категориях, выработанных и осмысленных еврейскими мудрецами. Как мы не замечаем воздух, пока не начинаем задыхаться, так не замечаем фундаментальных категорий (благотворительность, любовь к ближнему, молитва и другие), «открытых» евреями и впитанных последующими поколениями европейских народов, в том числе с помощью отпочковавшихся от иудаизма других мировых религий – христианства и мусульманства.

И последний вопрос, возможно, самый трудный для Вас. Как Вы относитесь к распространенному мнению, что после Катастрофы Холокоста евреи никогда не могут простить немцев, тем более жить среди них?

Это мнение мне хорошо известно. В самой Германии проблема вины немцев во времена гитлеризма широко обсуждается. Горячие дискуссии прокатились по стране после выхода в свет книги Гольдхагена «Добровольные помощники Гитлера». Не утихают они и сейчас, особенно после выступления писателя Вайцеля, заявившего, что нельзя «инструментализировать Освенцим» и говорить с нынешним поколением немцев, как с потенциальными преступниками. Тема, поднятая Вами, очень непростая и требует большого и откровенного разговора. В рамках нашей и без того затянувшейся беседы сформулирую лишь основные соображения. Вину всего поколения немцев, участвовавших в страшной Катастрофе уничтожения европейского еврейства, невозможно отрицать. Но ставить в вину всем немцам извечный, прирожденный антисемитизм, по-моему, несправедливо. Антисемитизм, как бактерии опасной болезни, существовал во все времена и среди всех народов. Так сложилось, что в течение двенадцати долгих лет с 1933 по 1945 год чума антисемитизма охватила практически весь немецкий народ. Для выздоровления немецкого общества в послевоенные годы были необходимы и запрещение законом всех проявлений нацизма, и жесткий контроль и руководство восстановлением демократии в Германии со стороны победивших союзников, в первую очередь, американцев, и

пришедшее затем глубокое осознание немцами своей вины, и соответствующее воспитание подрастающих поколений. То, что произошло в Германии периода нацизма, происходило, правда, не в таких масштабах, и раньше в других местах, например, во время безжалостного уничтожения евреев казаками Богдана Хмельницкого на Украине, когда число жертв исчислялось сотнями тысяч. Евреи Советского Союза в 1953 году находились на волосок от спланированной Сталиным тотальной депортации в Сибирь и Дальний Восток, и только смерть тирана спасла миллионы людей от гибели. Можно не сомневаться, что произойди эта трагедия на самом деле, она бы сопровождалась «единодушным одобрением» советского народа. Понятно, что не только немцы были виновны в преследовании евреев. И во время Второй мировой войны «добровольные помощники Гитлера» находились в большом количестве и в Польше, и в Прибалтике, и на Украине... Вопрос состоит в следующем: «Как должны евреи относиться к детям и внукам своих преследователей? Надо ли постоянно поддерживать память о причиненном евреям зле?» Сегодня раны Холокоста еще кровоточат во многих еврейских семьях. Но не в еврейской традиции культивировать память о причиненном нам зле. Когда-то существовала книга «МЕГИЛАТ ТААНИТ», список памятных дней, напоминающих о победах еврейского народа и его бедах. Но в Талмуде сказано, что «МЕГИЛАТ ТААНИТ» была упразднена мудрецами, и аргументировано это решение просто: «что было, то было». Наверно, мудрецы считали, что люди должны жить настоящим и будущим, а не вечно возвращаться к воспоминаниям о прошлом. Спросите себя и своих знакомых, что они знают о Богдане Хмельницком и влияет ли это знание на отношение к украинцам. Думаю, что ответы подтвердят правоту мудрецов Талмуда... А возрождение еврейской общины Германии свидетельствует о выздоровлении современного демократического немецкого общества.

На этом придется прервать нашу беседу. Мы и так попытались затронуть слишком много важных проблем. Надеемся к ним еще вернуться. Еще раз спасибо за Ваши ответы...

Интервью второе. 2003 г.

**Людмила Палисад
(«Еврейская Старина»)**

Расскажи мне, старина, про «Старину»...

***Н**е будем лукавить перед читателем: мы знаем друг друга еще с далеких университетских времен. Правда, виделись последний раз давно, несколько лет назад, еще до твоего отъезда в Германию. И вот я в гостях у тебя в Ганновере и не могу удержаться, чтобы не задать тебе кучу вопросов.*

Я читала «Опыт автобиографии в вопросах и ответах» – интервью, которое ты дал американской газете, – и знаю, что здесь ты почти сразу нашел интересную работу и очень ею увлечен. Ты и в Москве всем занимался с увлечением: математикой, информатикой, бизнесом...

А теперь у тебя еще одно поле деятельности: издаешь и редактируешь популярные сетевые издания по еврейской истории, вышла в свет твоя вторая книга по этой тематике. Хочу спросить о многом, буду стараться не перескакивать с одного на другое, сохранять порядок в мыслях и на бумаге.

Не бывает бывших математиков...

Сначала о твоей работе в «крупной информационной компании», как ты сказал в упомянутом интервью. Честно говоря, я всегда поражалась, как быстро тебе удалось найти работу по специальности в незнакомой стране, когда и язык еще толком не освоил, да и возраст для поиска работы не маленький: за 50. Ты вернулся к разработке больших программных систем. Раньше ты тоже этим занимался, правда, на более высоком административном уровне: был главным конструктором отраслевых систем, заместителем директора научно-исследовательского института. Не сожалеешь об утраченном статусе?

Один из знаменитых законов Паркинсона гласит: продвигаясь по административной лестнице, человек выходит на уровень своей некомпетентности. Мне удалось остаться на том уровне, где я знаю, что и как нужно делать, и работа доставляет мне удовольствие. Кстати, в Германии, как и во всем развитом мире, давно поняли, что для поощрения специалиста вовсе не обязательно назначать его на более высокую должность. Я руковожу определенным научным направлением в разработках нашей компании и не хотел бы променять эту деятельность на чисто административную.

Насколько я помню, первые свои программы ты писал еще в студенческие годы, в середине шестидесятых. Пишешь их и сейчас, спустя почти сорок лет. Наверное, в этой области произошли гигантские изменения?

Сегодняшним программистам просто невозможно себе представить, как мы начинали: ведь тогда даже языков программирования еще не было. Мы писали программы непосредственно в машинных кодах. Мало сказать, что за прошедшие годы сменилось несколько поколений вычислительной техники, появились десятки новых языков программирования. Более существенно, что сменилось несколько типов программистского мышления, не один раз в корне менялись подходы к разработке программных систем. А изменить мышление гораздо труднее, чем освоить новый язык. Вот почему сейчас практически нет действующих программистов, помнящих гигантские колоды перфокарт, подготовленные для ночной отладки, и утренние огромные «простыни» распечаток. Старые программисты либо давно ушли на покой, либо стали начальниками, которым не до программирования. Мой случай в каком-то смысле уникальный.

Хорошо, перейдем «от физики к лирике». В «Опыте автобиографии» ты рассказывал, как стал заниматься историей, писал статьи. Потом подготовил свою первую книгу «Заметки по еврейской истории», вышедшую в свет в ганноверском и московском издательствах в 2000 году. Я читала очень хорошие рецензии на нее в таких непохожих изданиях, как питерская газета «Ами – мой народ» и

балтиморский журнал «Вестник». Тебя даже приняли в американскую гильдию журналистов, пишущих на русском языке. Это что, вторая профессия?

Заметки по еврейской истории. М.: Янус-К, 2000

Говорят, что математика – больше, чем профессия, это порода: нельзя оказаться бывшим математиком, как невозможно стать бывшим пуделем. Профессиональным журналистом я себя не считаю, предпочитаю оставаться дилетантом в первоначальном смысле этого слова, т.е. любителем. Мне нравится поиск любопытных фактов и поучительных закономерностей истории, нравится рассказывать об этом людям. И я рад, когда вижу, что читателям интересны мои заметки.

Заметки о «Заметках»

Кстати, о заметках. Это слово стало фирменным знаком твоей «исторической» деятельности: твоя первая книга называется «Заметки по еврейской истории», так же

называется сетевой журнал, который ты издаешь, даже твоя страничка в интернете имеет адрес www.berkovich-zametki.com. Ты вкладываешь в это слово особый смысл?

Нет, мне вполне достаточно его основного значения. Я пишу именно заметки, не пытаюсь выстроить систематическое изложение истории. Каждая заметка интересна сама по себе, а собранные вместе они порой образуют такую причудливую мозаику, что возникает повод для новых размышлений. Кстати, моя новая книжка «Банальность добра» имеет подзаголовок «Заметки по еврейской истории двадцатого века».

Подожди, к новой книге мы еще вернемся. Расскажи, как ты вышел в интернет? Ведь сейчас твой сайт, твои интернетовские издания знают многие любители еврейской истории и культуры. Как это все начиналось?

Объединить свои заметки в интернете была моя давняя мечта. Своего сайта у меня еще не было, да и опыта работы в интернете тоже. Когда в 2000 году моя первая книжка была уже готова, случайно узнал о том, что израильтяне Ася Энтова и Виталий Вовнобой создают в сети объединенный ресурс по еврейской тематике на русском языке. Я предложил им свои заметки, и Ася, и Виталий любезно согласились выделить мне раздел, а Мири Яникова помогла перевести тексты в нужный формат. Так появился мой первый сетевой адрес gjevs.net/berkovich. Я очень благодарен Асе, Виталию и Мири за помощь и поддержку на первом этапе.

Ну, хорошо. В 2000 году твои статьи стали доступны сетевым читателям. Подобных «домашних страничек» в интернете уже сотни тысяч, если не миллионы. Как же из твоего сайта получился сетевой журнал с сотнями авторов, тысячами постоянных читателей?

Мои заметки находили новых читателей, я стал получать письма, отвечал на них, иногда завязывались интересные дискуссии, о которых хотелось поведать другим людям. Так на сайте появилась рубрика «Диалоги и

монологи. Фрагменты интернетовских дискуссий». Затем от авторов стали приходить целые статьи, и я ввел на сайте раздел «В порядке обсуждения». Статей становилось все больше, и публикация их «непрерывным потоком» мне показалась неэффективной. Более привлекательным представлялось выпускать целый сборник статей и объединять их по темам. Так пришла идея периодического сетевого издания. В конце 2001 года я выпустил первый номер журнала «Заметки по еврейской истории». В декабре 2003 года этому изданию исполняется два года.

Срок для сетевого журнала немалый. Я видела, как от номера к номеру «Заметки» становились все объемнее, обрастали новыми рубриками. Мне даже показалось, что выпуски стали слишком большими – я не успевала прочитать все интересное, а уже выходил следующий номер. Сейчас ты нашел, мне кажется, оптимальный размер, хотя «Заметки» все равно выглядят довольно крупным изданием, сравнимым по объему с «толстыми журналами» нашей молодости. Считаешь ли ты структуру журнала уже установившейся?

В общих чертах – да, хотя изменения возможны. Сейчас в журнале четырнадцать основных рубрик. Была еще пятнадцатая: «К 50-летию расстрела Еврейского антифашистского комитета», но она завершилась в августе 2002 года. Внутри каждой рубрики возможны подрубрики, например, в «Былом и думах» часто появляются такие подразделы, как «Наши корни», «Наука в жизни, жизнь в науке», а в рубрике «Философия и культура» стали обычными подрубрики «Читальный зал», «Музыка и мы»... Названия рубрик достаточно ясно говорят об их содержании. Здесь и «Герои, праведники и другие люди. Из истории Холокоста», и «Иудейские древности», и «Смыслы Торы», и «Израильские хроники», и «Евреи в Германии», и «Среди народов». «Былое и думы» и «Философию и культуру» я уже упоминал. Есть еще «Опыты в стихах и прозе», «Иудео-христианский диалог», «Грех антисемитизма», «Иудаика в интернете», «Быть евреем». Имеется и дискуссионный клуб «Свое мнение». В общем, трудно найти тему по еврейской истории, культуре или традиции, которая не подошла бы для

одной из рубрик журнала. Как правило, номера журнала выходят ежемесячно, каждая рубрика содержит одну или несколько статей. Бывают и специальные выпуски, посвященные определенной теме. Обычно в номере 30-40 статей.

Старина – категория качества

Подошло время рассказать и о другом сетевом издании – альманахе «Еврейская Старина». Насколько я знаю, журнал с таким названием выходил в начале двадцатого века и издавал его знаменитый историк Дубнов. Не страшно ли было начинать новый проект с таким именем?

Конечно, ответственность большая. Я стараюсь в каждый выпуск «Старины» отобрать небольшое число (не более десяти) самых лучших, ярких и оригинальных материалов. Критерии отбора выражены в эпиграфе к изданию: «Старина – категория не времени, а качества. Все станет когда-нибудь стариной, если не умрет раньше». Кстати, связь с прежней «Еврейской Стариной» получилась не только по названию. В одном из выпусков нашего альманаха было опубликовано интересное исследование петербургского историка Анатолия Хаеша о письмах читателей в редакцию журнала Дубнова.

И как часто выходит «Старина»?

Первый выпуск альманаха вышел в декабре 2002 года. С тех пор новые номера появляются по мере готовности, их строгая периодичность не предусмотрена, но, как правило, очередной выпуск выходит в свет ежемесячно. Так что практически каждые две недели читатели получают новый номер либо «Заметок», либо «Старины». К октябрю 2003 года опубликованы 33 номера «Заметок» и 10 номеров «Старины».

И оба издания имеют один интернетовский адрес?

Да, ты уже адрес нового сайта называла: www.berkovich-zametki.com. На старом сайте стало тесно, пришлось открыть свою страничку в интернете. Там, помимо свежих номеров журнала и альманаха, находятся архивы

обоих изданий, авторские и тематические указатели, гостевая книга и форумы, музыкальный салон, содержащий уникальные записи еврейских мелодий с советских пластинок тридцатых-сороковых годов прошлого века. Получился своеобразный портал с прежним названием «Заметки по еврейской истории».

Я заметила, что твоя гостевая книга активно пополняется записями. Причем часто острыми, полемичными, некоторые просто на грани приличия, а иные даже за этой гранью, я бы их удаляла безжалостно. Но много и весьма содержательных и поучительных сообщений. Какую роль ты отводишь форумам и гостевой книге?

И форумы, и гостевая книга – важные атрибуты современных информационных изданий, средство оперативной обратной связи или, как теперь говорят, интерактивного общения с читателями. Это характерная черта интернета, в традиционных «бумажных» журналах и газетах такую роль должны были играть разделы «Письма читателей», но ни о каком настоящем диалоге там говорить невозможно. Напротив, на форумах и в гостевых книгах можно немедленно высказать свое отношение к прочитанному, поделиться возникшими мыслями, воспоминаниями, впечатлениями. Форумы позволяют проводить углубленные дискуссии по различным проблемам. Часто темы, поднятые в статьях журнала или альманаха, находят свое развитие в гостевой или на форуме. И наоборот, содержательные сообщения в гостевой или дискуссии на форуме могут переключаться на страницы основного журнала. Активность читателей в гостевой книге и на форумах – верный признак зрелости и успешности сетевого издания. К сожалению, внешняя анонимность интернета и открытость гостевой книги позволяют и сетевым хулиганам «отметиться» на ее страницах. Но, как правило, с этим удастся справиться, если есть здоровое «ядро» сознательных и интеллигентных читателей. А у наших изданий таких читателей большинство.

Раз уж мы заговорили о читателях, что ты о них знаешь? Кто регулярно читает твой журнал и альманах, кто заглядывает в гостевую книгу и на форумы?

Наши издания рассчитаны на тех, кому дороги и интересны еврейские традиции и культура. Как правило, эти люди получили «советское» образование, в котором не было места для религии, а тем более для иудаизма. Политика государственного антисемитизма в СССР ощущалась во многих сферах, немало страниц истории замалчивалось или искажалось. Слово «еврей» считалось если не ругательным, то неприличным. Сейчас люди хотят восполнить пробелы образования, больше узнать об истории еврейского народа, о своих предках. Это основная масса читателей. Но журнал интересен и специалистам. В гостевой книге, на форумах можно найти очень глубокие высказывания и настоящих профессионалов, их участие в дискуссиях невозможно переоценить.

И какова читательская география?

Читатели наших изданий живут по всему миру. У нас систематически ведется статистика посещений всех страниц портала. По устойчивым данным за многие месяцы журнал регулярно читают более чем в 50 странах мира. Конечно, распределение читателей по странам неравномерное. Больше всего их в России, США, Израиле, Германии и Канаде. Но есть наши верные читатели и в Южной Африке, и в Чехии, и в Бразилии, и в Австралии... Подписались на рассылку оглавлений журнала и альманаха более тысячи человек. Ежедневно журнал и альманах читают прямо в сети около трехсот различных читателей. А многие просто «скачивают» новый номер целиком на свой компьютер, чтобы читать его материалы, отключившись от дорогого интернета. За месяц регистрируется несколько десятков тысяч обращений в гостевую книгу. Многие данные статистики говорят о несомненном читательском интересе: «Заметки» устойчиво входят в число самых читаемых сайтов по истории, занимают первые места по читаемости в сети, по динамике роста читательской аудитории и по многим другим показателям. Популярность изданий проявляется и в том, что статьи из них

перепечатываются многими сетевыми и традиционными «бумажными» изданиями: от Нью-Йорка до Москвы, от Иерусалима до Берлина... Часто перепечатывают, не ставя в известность ни автора, ни редактора. Остается утешать себя мыслью, что если воруют, значит, есть что воровать.

А кто твои авторы? Я видела, что авторский каталог насчитывает больше сотни имен. Что ты о них можешь сказать?

Ты права, круг авторов у нас широк, многие регулярно пишут для наших изданий. Среди авторов есть известные всему миру люди, есть и начинающие, опубликовавшие у нас свои первые тексты. Я горжусь, что у нас не раз публиковались нобелевский лауреат академик Валерий Гинзбург, поэты Евгений Рейн, Лариса Миллер, Виктор Каган, Абрам Соббакевич, Борис Шапиро и его однофамилец Виктор, историки Анатолий Хаеш, Геннадий Костырченко, философ и физик Эдуард Бормашенко, поэт и прозаик Александр Бирштейн, специалисты по иудаике Елена Носенко, Александр Львов, Михаил Носоновский, историк религий Юрий Табак, писатель Нина Воронель, журналист и историк Михаил Румер, поэт и эссеист Давид Гарбар, литераторы Василий Пригодиц, Константин Азадовский, Маркс Тартаковский, филологи Надежда Любомудрова, Элла Грайфер, Грета Ионкис, физики и историки науки Геннадий Горелик, Борис Альтшулер, журналисты Виктор Снитковский, Илья Зунделевич, Яков Бердичевский, Григорий Крошин, знатоки интернета Ирина Бузько, Виктор Лихт, музыкант Генрих Нейгауз младший... О своих знаменитых отцах написали Ноэми Рапопорт, Алла Зускина, Татьяна Барлас, Евгений Хенкин. Бесценные воспоминания очевидцев оставили врачи Федор Лясс, Александр Ногаллер, Яков Фарбер, переживший блокаду Ленинграда Иосиф Кременецкий, почетный метростроевец Ханан Абрамсон, профессор Владимир Вайсберг, инженер-изобретатель Виктор Френкель и многие, многие другие. Всех авторов «Заметок» и «Старины» в коротком интервью не перечислишь, но я искренне благодарен каждому из них за

доверие и сотрудничество. Им журнал во многом обязан своей популярностью и успехом у читателя.

Журнал и альманах у тебя по названиям подчеркнута «еврейские». В то же время я заметила, что многие статьи посвящены «общечеловеческим» проблемам, в них мало или вообще нет именно «еврейского вопроса». Это твоя редакторская позиция?

Да, я понимаю «еврейскую историю» достаточно широко. В каком-то смысле вся человеческая история неотделима от еврейской. Границу между ними провести сложно, да и не всегда нужно. И дело не только в том, что современная цивилизация покоится на основных моральных принципах, впервые сформулированных и осмысленных нашими мудрецами. Все проще. Блокада Ленинграда – факт истории Великой отечественной войны. Но, во-первых, и Катастрофа европейского еврейства неразрывно связана со Второй мировой, а для изучения Холокоста надо знать все ее подробности и, во-вторых, ленинградская блокада осталась в судьбе десятков тысяч еврейских семей. Поэтому у воспоминаний очевидца тех страшных лет Иосифа Кременецкого законное место на страницах нашего журнала. В журнале, конечно, важное место занимают специфически еврейские темы: анализ еврейских текстов и толкование Торы и книг пророков, история антисемитизма и проблемы современной израильской политики, осмысление уроков восстания в Варшавском гетто и переводы на русский поэзии Павла Целана... Но и другие темы живут на страницах наших изданий. Не бывает, скажем, «еврейской физики» или «еврейской математики», но судьбы евреев-ученых – часть нашей общей истории. Значит, это тоже тема «Заметок» или «Старины». Языком шуток: музыкальное произведение может быть интересно для журнала не только потому, что основано на еврейских народных мелодиях, не только потому, что у него еврейские авторы или исполнители, но и потому, что у него есть еврейские слушатели... Короче, для еврейского журнала нет «некошерных» тем, связи с еврейской историей, традицией и культурой можно найти в самых неожиданных областях.

Выпускать каждые две недели полноценное сетевое издание – серьезный труд. Как ты находишь на это время и силы, ведь основная работа наверняка занимает почти весь день? Помогает ли тебе кто-нибудь? Заинтересовались ли твоими проектами спонсоры?

На первый вопрос ответ простой: времени не хватает. Задумано значительно больше, чем реализовано. Но это нормально. Пока издание интересно читателям и мне, силы находятся. Хочу подчеркнуть, что весь проект с изданием «Заметок» и «Старины» совершенно некоммерческий. На сайте нет никаких рекламных баннеров, нас не финансируют ни солидные частные спонсоры, ни специальные еврейские организации. Иногда поступают небольшие пожертвования от читателей на развитие сайта. Они мне дороги, прежде всего, как свидетельство того, что «Заметки» нужны людям. Всем, кто материально поддержал издание, моя глубокая признательность и благодарность. Сердечное спасибо и тем коллегам, кто на разных этапах бескорыстно помог в оформлении журнала и альманаха.

Неужели официальные еврейские организации, например, Российский еврейский конгресс, не заинтересованы в развитии «Заметок» и «Старины»?

«Заметки» являются коллективным членом ВЕРО, Всемирной еврейской русскоязычной общины – организации, созданной под эгидой Российского еврейского конгресса (РЕК). Никакой материальной помощи, к сожалению, от этих организаций нет. Похоже, наши сетевые издания для РЕК не интересны. По крайней мере, ответа на письма президенту Евгению Сатановскому я не получил.

Образно говоря, ты и продюсер, и режиссер, и один из главных актеров в популярных сериалах под названиями «Заметки по еврейской истории» и «Еврейская Старина». По Станиславскому каждая постановка имеет свою сверхзадачу. Как бы ты сформулировал ее в твоем случае?

Любые лозунги, конечно, условны. Я, рассчитывая на читателя с юмором, сформулировал бы два: «Еврей – это звучит гордо» и «Быть евреем – это труд».

Банальность добра

Ну, теперь поговорим о твоей новой книге. Ты любезно подарил мне только что вышедший из типографии экземпляр, и не скрою, я прочитала ее на одном дыхании. У нее необычное название: «Банальность добра». Ты как бы споришь с самой Ханной Арендт, давшей своему знаменитому исследованию «Эйхман в Иерусалиме» подзаголовок «Банальность зла». В чем суть этого противопоставления?

«Банальностью добра» я назвал одну свою старую заметку о том, как итальянские фашисты спасали евреев. Эта заметка дала название и новой книге. Парадоксально, но пока фашисты были у власти в Италии, они не допустили уничтожения немецкими нацистами ни одного еврея на всех контролируемых итальянцами территориях во Франции, в Греции, Югославии.

В душах многих людей сохранился определенный порог порядочности, переступить через который они не могли даже по приказу дуче.

Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами для многих итальянцев – от простых солдат до генералов и министров. Мне кажется важным, рассказывая о Катастрофе европейского еврейства, обратить внимание эту сторону истории.

История Холокоста показывает, что человек может не только творить зло, но и с риском для жизни оказывать бескорыстную помощь обреченным людям, совершать героические подвиги, даже в нечеловеческих условиях показывать высокие образцы верности и благородства.

О Холокосте написаны сотни книг, тысячи статей. Что нового ты хотел сказать своей книгой? Ведь она в основном связана с той же темой, второй подзаголовок ее звучит так: «Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста».

Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. М.: Янус-К, 2003

К этим темам, которым в литературе о Холокосте уделяется незаслуженно мало внимания, я и хотел привлечь внимание читателя. Историки выделяют три большие группы людей в годы Второй мировой войны: преступники, жертвы и зрители. Но есть еще и четвертая – герои и праведники, спасавшие евреев во время Катастрофы. Эта группа в сравнении с первыми тремя очень невелика, но без этих людей вся картина трагедии была бы иной.

Первая часть твоей книги названа Сопротивление. Я заметила, что этот термин применяется к очень разным явлениям: ты рассказываешь здесь и о вооруженной борьбе с нацистами, и о демонстрации немецких женщин в центре Берлина против ареста нацистами их еврейских мужей. Конечно, поразительно, что протест женщин увенчался полным успехом и они спасли жизни тысячам обреченных. Удивительна и другая история: еврей в нацистском мундире,

организовавший партизанский отряд, а после войны ставший почетным гражданином освобожденного им французского города. Но одного ли порядка эти события? Как ты понимаешь сам термин «еврейское сопротивление»

Еврейское сопротивление нацистам в годы войны проявлялось в разных формах. В регулярных армиях союзников воевало полтора миллиона евреев. Кроме того, с фашистами боролись тысячи еврейских партизан в Западной и Восточной Европе. Воевали эти люди достойно: многие заслужили высшие военные награды, немало было и тех, кто героически пал на полях сражений. Но кроме военного сопротивления было и другое. Сопротивление на оккупированных территориях Европы носило, как правило, патриотический характер борьбы за освобождение своей страны. Во имя этой цели сражались французы, греки или югославы. Для евреев на оккупированных фашистами землях на первый план выходила задача выжить, спасти себя и своих близких от страшной машины смерти, запущенной нацистами с целью «окончательного решения еврейского вопроса». Поэтому для еврейского сопротивления характерны иные задачи, иные методы ведения борьбы, чем для обычного европейского сопротивления фашизму. И в этом ряду деятельность еврея Вильгельма Бахнера, бежавшего из Варшавского гетто, чудом ставшего управляющим немецким военным предприятием и спасшего от гибели несколько десятков своих родственников и знакомых, тоже становится актом сопротивления, хотя сам он не брался за оружие.

Ты писал о многих Праведниках мира, т.е. о людях, спасавших евреев в годы Холокоста. Такие истории нельзя читать без волнения. Например, как польская женщина спасла и удочерила еврейскую девочку, а потом была вынуждена отдать ее чудом вернувшемуся родному отцу. Но ты не ограничиваешься рассказом отдельных историй, а пытаешься исследовать общие закономерности этого сложного процесса. Какие проблемы ты здесь видишь?

Праведники мира – это в полном смысле слова «солнечное сплетение» моральных проблем. Здесь

благодатное поле исследований для психологов, социологов, историков, философов и богословов. Мартин Гильберт рассказал поучительную историю. Некий польский крестьянин в годы войны прятал у себя Дану Шапиро с матерью. Женщины жили в крошечной темной каморке в коровнике. Однажды в дом крестьянина постучал человек с сыном-подростком на руках. Это был еврей, скрывавшийся в соседнем лесу. Он сказал, что у мальчика гангрена, и просил позвать врача. Но крестьянин пошел в гестапо и сообщил о пришедших. Дана вспоминает, что за донос ему было выдано два килограмма сахара. А еврея с больным ребенком забрали фашисты и расстреляли. Как можно двух человек спасти и двух же предать верной смерти? Что двигало поступками этого крестьянина? Почему в сферу его моральной ответственности попали два посторонних человека, но не нашлось места для четырех? Ответы на эти вопросы невозможно найти, не учитывая обстоятельств времени и места, ибо преследование евреев прошло различные фазы в разных странах и в разные периоды нацистского господства. В главе «Праведники мира в ландшафте Холокоста» я попытался систематизировать эти проблемы.

Что меня более всего удивило, среди людей, спасавших евреев в годы Катастрофы, признанных комиссией Яд-Вашема Праведниками мира и не признанных ими, есть немало немцев, носивших нацистские мундиры. В их числе были и офицеры вермахта. Это ломает представления о немцах, послушно следовавших политике фюрера, противоречит утверждениям таких историков, как Дэниэль Гольдхаген, считающих антисемитизм «врожденным немецким качеством». Как я понимаю, ты такие мнения не разделяешь?

Утверждения о «генетическом антисемитизме» немцев имеют под собой столь мало оснований, как и разговоры о всемирном еврейском заговоре и протоколах сионских мудрецов. Бациллы антисемитизма давно живут на земле. И чума нацизма может поразить любую страну, любой народ. Не все немцы были одинаковы в годы нацистского правления. Берлинский пастор Бернгард Лихтенберг на

следующий день после «Хрустальной ночи» публично молился «о евреях и всех несчастных узниках концлагерей», за что сам погиб на пути в концлагерь. Посмертно признанный Праведником мира ефрейтор Антон Шмид помогал вильнюсским подпольщикам и спасал евреев от расстрела в Понарах. Графиня Мария фон Мальцан в годы войны прятала в берлинской квартире своего будущего мужа еврея Ганса Гиршеля, помогала и десяткам других обреченных людей. Капитан Хозенфельд спас в горящей Варшаве знаменитого пианиста Владислава Шпильмана, а сам погиб в сталинских лагерях. Об этих и других немцах, с риском для жизни противостоявших нацистскому террору, я пишу в книжке.

Мне показались интересными и поучительными примеры «необычных немцев» в твоей книге. Например, история о том, как брат рейхсмаршала Генриха Геринга спасал евреев. Или рассказ о «Первой даме Третьего Рейха» – Магде Геббельс, верной супруге министра пропаганды и гауляйтора Берлина Йозефа Геббельса, пожертвовавшей во имя Гитлера не только своей жизнью, но и жизнью шестерых маленьких детей. Я не представляла, что ее воспитал еврейский отчим, а ее любовником был видный сионист Хаим Арлозоров. Магда даже планировала уехать с ним в Палестину и жить в кибуце.

Да, судьба супруги Геббельса, бывшей в девичестве Магдой Фридлендер, головокружительна. Символична концовка этой истории. Ее внучка, дочка оставшегося в живых сына Магды от первого брака Харальда Квандта, прошла ортодоксальный гиюр и живет в Гамбурге с мужем-евреем.

Отдельная глава твоей книги называется «Заложники Второй мировой». Так же называется твоя статья. Она посвящена принципиальному вопросу, отдавал ли Гитлер приказ об окончательном решении еврейского вопроса и если отдавал то когда. Неужели до сих пор истории это не установили?

Мнения историков на этот счет расходятся. Это легко объяснимо: письменный приказ, о котором идет речь, до сих пор не найден. Данный факт можно интерпретировать по-разному. Например, что приказ мог быть уничтожен, или утерян, или мог быть дан в устной форме. Но теоретически возможно, что никакого приказа вообще не было, то есть уничтожение евреев производилось без специального указания сверху. Мне показалось продуктивным рассмотреть внешнеполитические задачи, стоявшие перед Гитлером на разных этапах мировой войны, в частности, проблему вступления в войну Соединенных Штатов Америки. Оказалось, что именно здесь и можно найти ответы об авторстве и времени возникновения «окончательного решения еврейского вопроса».

Должна сказать, что твоя версия показалась мне достаточно обоснованной. Хорошо бы услышать об этом мнение профессионалов-историков. От исторических исследований обращаюсь к любопытному журналистскому эксперименту, который ты поставил, чем, можно сказать, открыл новый литературный жанр. Я имею в виду твой «Опыт синтетического интервью» с Иосифом Бродским. Собрав вместе высказывания поэта о еврействе и религии, ты как бы нарисовал новый портрет нобелевского лауреата, показал его таким, каким мы его еще не видели. Что из сказанного Иосифом Александровичем тебе особенно близко?

Многие высказывания Иосифа Бродского столь же точны и образны, как его стихи. Мне нравится сформулированный им принцип морального поведения: «Я просто надеюсь, что делаю то, что Он одобряет».

У меня осталось к тебе еще много вопросов, навеянных твоей книгой: и о возможной депортации евреев после «дела врачей» в 1953 году, и о сложностях отношений между иудаизмом и христианством, и о судьбах евреев в современной Германии, и еще о многом другом, о чем говорится в твоих заметках. Но любое интервью должно иметь границы, а наше уже и так неприлично затянулось. Но не задать обязательный вопрос о твоих планах я просто не

могу. Над чем сейчас работаешь? Планируется ли новая книга?

О планах говорить не люблю, лучше поговорим потом о результатах.

Хорошо, ловлю тебя на слове. Итак, точку в интервью не ставлю, а напишу, как часто пишут в твоём журнале: продолжение следует...

Ебж, как любил уточнять Лев Николаевич Толстой. Если будем живы.

Интервью третье. 2006 г.

Елена Минкина
(«Еврейская Старина»)

Вечер вопросов

**Беседа о новом документальном фильме про
немцев, спасавших евреев
в годы Холокоста**

*С*тыдно признаваться в собственной старомодности, особенно в век интернета, но до сих пор любой самой интригующей переписке предпочитаю живое общение. Хоть раз увидеть, как человек слушает, улыбается, отвечает на вопрос или избегает ответа...

Елена Минкина, Евгений Беркович. Ганновер, май 2006

Может быть поэтому, собираясь в Германию провести родственников, так хотела встретиться с редактором «Заметок по еврейской истории» и «Старины». Журналы, где приходилось печататься, но, главное, которые всегда интересно читать! Короче говоря, напросилась в гости.

И вот мы в красивом уютном доме (чуть не сказала «московском»), вспоминаем общих знакомых, студенческие годы, любимые улицы. Невозможно поверить, что

встретились впервые. Но главная тема – фильм¹, который недавно вышел на московской киностудии «Параджаноф фильм» и который только что посмотрели – мы с мужем впервые, а хозяева уже в десятый, наверное, раз. Фильм, снятый по сценарию Евгения Берковича и при его непосредственном участии.

Все, что касается Германии – вызывает много вопросов, иногда очень непростых и болезненных. Но хозяин и автор сценария отвечает заинтересованно и предельно честно. Невольно получился целый вечер вопросов и ответов.

Начало

Женя, титры начинаются с Вашей фамилии. Автор сценария – Евгений Беркович. Вернее, один из двух авторов, но Вы – первый! Работать математиком в серьезной фирме на полной ставке и вести к тому же два профессиональных историко-литературных издания – уже хватит на две жизни. А теперь еще фильм! Откуда и как возникла идея?

Для меня самого участие в съемках оказалось счастливой неожиданностью. Все началось весной 2005 года с электронного письма от московской студии документальных фильмов «Параджаноф фильм». Студия предлагала написать сценарий фильма о Вильме Хозенфельде.

Кажется, это один из героев Вашего очерка «Пианист и капитан резерва», вошедшего в книгу «Банальность добра»²?

Да, эта заметка была написана в 2002 году и быстро разошлась по свету: она появилась в журналах и газетах

¹ «Вопросы к Богу», 26 минут, студия документальных фильмов «Параджаноф фильм», режиссер Александр Андреев, сценарий Евгения Берковича и Бориса Шейнина, оператор Виктор Ёркин, продюсер Мария Семенцова, Москва 2005 год.

² Беркович Евгений. Банальность добра. «Янус-К», М. 2003

России, Америки, Германии, Израиля, Украины... Потом она вошла в книгу³.

И Вы сразу согласились с предложением студии?

Если честно, то да, сразу, почти не раздумывая. Во-первых, это «моя тема»: я много писал о героях и праведниках, с риском для собственной жизни спасавших евреев в годы войны. Во-вторых, после моей первой заметки о Хозенфельде появилось множество новых материалов о нем. Вышел на экраны и быстро обошел весь мир фильм⁴. Романа Поланского «Пианист». Издан, наконец, огромный (1194 страницы!) том⁵ чудом сохранившихся писем Хозенфельда, которые он писал семье с фронта, а после войны из советских тюрем и лагерей для военнопленных, в которых он находился до самой смерти в 1952 году. И, наконец, в-третьих, мне было страшно интересно попробовать себя в новом деле.

Вас не удивила тема фильма, предложенная московской студией? Разве в России, да и вообще в мире, можно заинтересовать зрителя трагедией Холокоста? Мир перегружен трагедиями последнего времени, люди выдохлись, им хочется забыться. Многие мои хорошие знакомые ничего не смотрят, кроме боевиков и комедий. А тут – события 60-летней давности, много раз слышанные и рассказанные?

Действительно, люди, как правило, не любят говорить о Катастрофе европейского еврейства. И объясняют это по-разному. Одни говорят, что все это было в прошлом, «быльем поросло» и не надо ворошить старое. Другие считают, что о Холокосте уже все сказано: сняты сотни фильмов, написаны тысячи книг, десятки тысяч статей... Третьи жалуются, что в той истории все слишком трагично, там одна черная краска,

³ Беркович Евгений. Пианист и капитан резерва. В книге «Банальность добра», стр. 165-176.

⁴ «Пианист» (The Pianist), драма, 148 мин. Режиссер: Роман Поланский, Великобритания, Франция, 2002 год.

⁵ Wilm Hosenfeld. «Ich versuche jeden zu retten». Das Leben eines deutschen Offiziers in Briefen und Tagebüchern. DVA, München 2004.

рассказы о трагедии могут вызвать один только пессимизм и чувство безысходности.

Могила Анны Франк в Берген-Бельзене

Вы с этим не согласны?

Нет. Во-первых, прошлое живет в настоящем и влияет на будущее. Еще живы люди, пережившие Холокост. Раны той трагедии ощущаются практически в каждой еврейской семье. Новые поколения пытаются понять происшедшее, объяснить, как такое могло произойти, и что делать, чтобы подобное не повторилось. Тема Катастрофы по-прежнему актуальна.

Во-вторых, мы далеко не все знаем об истории Холокоста, наши представления о прошлом часто слишком схематичны и упрощенны. Например, вслед за известным историком Раулем Хильбергом принято делить всех участников тех событий на «преступников, жертв и зрителей»⁶. Жизнь сложнее любых схем. В формуле Хильберга отсутствуют, например, люди, спасавшие евреев

⁶ Hilberg Raul. Täter, Opfer, Zuschauer. Vernichten der Juden 1933-1945. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1992

от уничтожения. А без них история Катастрофы была бы не полной⁷.

И, наконец, в страшные годы Холокоста было и героическое сопротивление, и примеры бескорыстной помощи, и спасение жертв в безнадежных, казалось бы, ситуациях. Все это не только трагично, но дарит надежду.

История спасения пианиста Шпильмана капитаном вермахта Хозенфельдом в этом смысле очень показательна.

Но в фильме-то ничего о Хозенфельде не говорится. Что же случилось?

Жизнь, как говорится, внесла свои коррективы. Неожиданно выяснилось, что студии нельзя снимать фильм о Вильме Хозенфельде. Его сын Детлеф Хозенфельд запретил использовать имя его отца в фильмах этой студии.

Странный запрет. По-моему, дети и внуки должны быть признательны людям, рассказывающим о добрых делах их отца и деда. Похоже, за этим стоит какая-то интрига?

Именно так. Оказалось, что первоначально свой сценарий фильма о Хозенфельде предложила студии одна известная журналистка из Санкт-Петербурга. Сценарий студии не понравился и был отклонен. Обиженная журналистка попросила Детлефа Хозенфельда, с которым была знакома, запретить студии снимать какой бы то ни было фильм об отце. И нам тогда пришлось срочно менять планы.

Подготовка

Может, и хорошо, что сюжет фильма изменился?

Я тоже считаю, что все обернулось к лучшему. Я предложил более общую тему – о немцах, спасавших евреев в годы Холокоста и не получивших за это, как, кстати, и Вильм Хозенфельд, никакого общественного признания и благодарности. Рабочим названием фильма было «Невоспетые герои».

⁷ См., например, Беркович Евгений. Праведники мира в ландшафте Холокоста. В книге «Банальность добра», стр. 82-109.

Тема, по-моему, необъятная. Ведь только в Вашей книге «Банальность добра» десятки подобных сюжетов.

Просто сюжета для фильма мало. Это в книге можно рассказать о событии и дать ссылки на соответствующие документы. Кино состоит не столько из слов, сколько из кадров, изображений. Для фильма нужны реальные люди, документы, вещи, воссоздающие прошлое.

Когда студия одобрила общую концепцию будущего фильма, мы вместе с моим соавтором сценария, опытным киножурналистом и драматургом Борисом Соломоновичем Шейниным стали отбирать подходящие эпизоды для фильма.

Режиссер фильма Александр Андреев и соавтор сценария Борис Шейнин. Ганновер, июнь 2005

Предполагалось взять интервью у руководителей еврейской и христианской общин Ганновера, снять сюжет о «камнях преткновения» в Кельне⁸ и ряд сцен в Берлине. В столице Германии много памятных мест, связанных с Катастрофой, там же развивались события, описанные в моих очерках о графине фон Мальцан и женском бунте на улице

⁸ Специальные памятные таблички, устанавливаемые на мостовой в честь евреев, живших неподалеку и погибших в нацистских концлагерях. См. ниже.

Роз. Кроме того, я договорился о встрече в Берлине с крупнейшим специалистом по истории антисемитизма профессором Вольфгангом Бенцем.

Так что мы планировали проводить съемки в трех городах: в Ганновере, Кельне и Берлине. Но надо было еще проработать детали сценария, подобрать необходимые документы, договориться о дополнительных интервью... Все это требовало немалого времени, а у студии его не было – для съемок фильма она получила государственный заказ от Министерства культуры Российской Федерации, и сроки поджимали.

Портрет Хелены Якобс, выполненный Семой Шёнхаузенем.

Оба члены кружка Кауфмана.

Из архива Центра по изучению антисемитизма

Государственный заказ на фильм о евреях? В России?! Звучит очень утешительно. Но почему-то не верится в такой прогресс.

Давайте уточним: фильм, прежде всего, о немцах, спасавших евреев. Но в главном Вы правы. Этот факт, действительно, знаковый. Об этом говорил и профессор Бенц во время нашего разговора.

Вы уже не первый раз упоминаете имя этого берлинского ученого. Интервью⁹ с ним производит сильное впечатление. Четко мыслящий человек, который не боится пойти против устоявшихся мнений. Как повлиял разговор с ним на ваш фильм?

Почетная грамота Яд ва-Шема о присвоении
Хелене Якобс звания Праведник мира

Вольфганг Бенц – удивительный человек. Пишет много и очень содержательно, руководит научным центром по изучению антисемитизма при берлинском Техническом университете. В этом Центре защищаются диссертации, пишутся монографии, ведется уникальный архив...

Проф. Бенц сформулировал несколько принципиальных тезисов об истории Холокоста, которые мы «озвучили» в фильме, и подсказал прекрасный сюжет о спасении Ганса Розенталя, известного в Германии тележурналиста. Этот эпизод тоже вошел в фильм.

⁹ «Вопросы Богу». Интервью с проф. Вольфгангом Бенцем. Альманах «Еврейская Старина», октябрь 2005 (<http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer10/Benz.htm>). См. также газеты «Русская Германия», № 42, 2005 год.

Вы упомянули про архив Центра по изучению антисемитизма. Жутковато представить, что именно он хранит. Но зато для фильма, наверняка, нашлись интересные материалы?

Евгений Беркович, Борис Шейнин, Александр Андреев.
Кельн, июнь 2005

Заведующая библиотекой Центра доктор Марион Найс, с которой нас познакомил проф. Бенц, подобрала специально для фильма уникальные документы из архива. Особенно поразительными были свидетельства о так называемом «кружке Кауфмана», еще мало известном даже историкам-профессионалам.

Члены кружка помогли выжить сотням евреев, ушедших в подполье от преследования нацистов. В фильм вошли кадры о художнике Сёме Шёнхаузене и некоторых его товарищах по кружку Кауфмана, но тема этим, безусловно, не исчерпывается. Предполагаю к ней еще вернуться.

Я, кажется, забежала вперед, слишком многое хочется спросить. Но ведь мы еще не дошли до начала фильма. Итак, принята концепция под рабочим названием «Невоспетые герои». Более или менее определены места съемок и некоторые сюжеты. А что дальше? Стали снимать без сценария и точного плана? Или в документальном кино это не так важно, как в игровом?

Взвесив все «за» и «против», студия решила приступить к съемкам в Германии, не дожидаясь окончательного сценария. Его мы должны были уточнять и развивать в «боевых условиях».

И в один прекрасный день (18 июня 2005 года) съемочная группа из трех человек приземлилась в берлинском аэропорту и добралась на машине до Ганновера. Здесь, в гостинице «Рэдиссон» состоялась наша первая встреча, и я увидел, наконец, своих коллег: режиссера Александра Андреева, оператора Виктора Ёркина и моего соавтора Бориса Шейнина.

После этого и покатился, как в сказке, по немецким дорогам наш путеводный клубок, ведя съемочную группу за собой и преподнося сюрприз за сюрпризом.

Ганновер

Но разве можно начинать съемки без детального плана, без законченного авторского, а потом и режиссерского сценария? Насколько я знаю, бюджет фильма – немалые деньги. Хотя, судя по результату, риск себя оправдал, не правда ли?

Судить, конечно, зрителю, но, думаю, мы оказались подходящей для поставленной цели командой. Мы одинаково понимали идею будущего фильма. Мои коллеги – крепкие профессионалы, каждый из них сделал не один десяток документальных лент. А документов и людей, причастных к теме фильма, в Германии много, нужно только правильно организовать поиск. Ну и, конечно, немного удачи. И здесь мы не можем пожаловаться на судьбу. Ибо она не раз дарила нам неожиданные встречи с незнакомыми людьми, после

чего возникали незапланированные повороты сюжета, и фильм пополнялся новыми документами и фактами.

А что снимали именно в Ганновере?

В нашем городе есть несколько примечательных мест, связанных с еврейской историей. Мы снимали могильные плиты на старом кладбище Штрангриде, где похоронено много евреев, павших на фронтах Первой мировой войны. Они сражались за кайзера и отечество, они были настоящими патриотами Германии. Может быть, им повезло, что они не дожили до гитлеровских времен.

Снимали мы и на территории бывшей еврейской земледельческой школы в районе Алем, где с конца девятнадцатого века готовились будущие поселенцы для Палестины. Эту школу заканчивал замечательный философ и журналист Теодор Лессинг, о котором я писал в своей ранней заметке¹⁰. В годы войны нацисты устроили на месте школы концентрационный лагерь для немецких и польских евреев. В этом лагере работал мой однофамилец из очерка «Человек первого часа»¹¹.

В центре Ганновера у здания оперного театра есть памятник евреям, депортированным в лагеря смерти. Он тоже вошел в фильм.

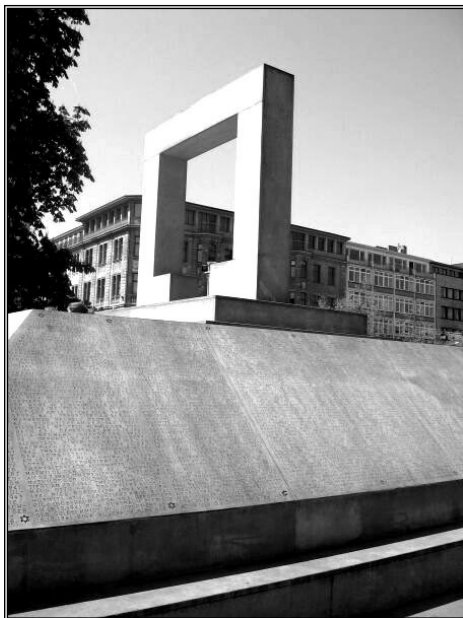
Одно незапланированное событие повлияло на концепцию фильма и даже определило его окончательное название. Незадолго до начала наших съемок в Ганновере проходил съезд евангелической церкви Германии. К этому мероприятию был установлен так называемый «Мемориал вопросов», собравший вопросы к Богу десятков тысяч людей, детей и взрослых. Нам удалось снять этот мемориал до того, как он был разобран.

Кроме того, мы вели съемки в окрестностях Ганновера: на территории бывшего концлагеря Берген-Бельзен, где похоронена Анна Франк, и в старинном сказочном городке Целле, где возле старой синагоги в

¹⁰ Беркович Евгений. Теодор Лессинг – пророк и жертва. В книге «Банальность добра», стр. 254-259.

¹¹ Беркович Евгений. Человек первого часа. В книге «Банальность добра», стр. 254-259

тротуаре установлены упомянутые «камни преткновения», сделанные руками кельнского художника Гюнтера Демнига.

Памятник депортированным евреям в Ганновере

Вы не рассказываете о людях, с которыми беседовали. Ведь никакие памятники и камни не заменяют живого общения с современниками?

Я уже упомянул о двух принципиальных интервью, которые мы взяли у религиозных руководителей ганноверских общин: евангелической и либеральной еврейской. Оба руководителя оказались женщинами, их зовут Ханна Крайзель-Либерман и Ингред Веттберг. Нам было интересно сравнить два взгляда, так сказать, с разных позиций – еврейской и христианской. Тем более что фрау Веттберг знакома с темой фильма не понаслышке: ее девочкой прятали соседи от нацистов. В фильм вошли несколько кадров из этих интервью.

«Камни преткновения», подготовленные
в мастерской Гюнтера Демнига

А темы бесед и интервью как-то планировались заранее? Не было неожиданностей и экспромтов?

Случались и неожиданности. Во время беседы с фрау Крайзель-Либерман в ее кабинет вдруг вошел ее старый друг, бывший пастор, а ныне пенсионер Хуго Цабель. Оказалось, что и для него наша тема не чужая, и несколько его высказываний и воспоминаний вошли в фильм. Но многое осталось за кадром. Например, такой факт его биографии.

В конце войны, весной 45-го, его — четырнадцатилетнего мальчика — отправили на защиту Берлина от наступающих советских войск. Гитлер перед тем, как покончить с собой, приказал стоять насмерть. И все эти, по сути, дети должны были погибнуть, если бы их командир, опытный офицер, потерявший на войне руку, не приказал молодежи сложить оружие и отправляться по домам, спасти своих матерей и сестер от огня войны. Не будь этого приказа, не беседовали бы мы с пастором Цабелем, и не призывал бы он своих прихожан к миру все послевоенные годы.

Кельн

А почему следующим пунктом был выбран Кельн? Вы шли по уже знакомым местам? Или там особенно примечательные памятники?

В Кельне живут мои хорошие знакомые. И они немало помогли нам. Профессор Грета Ионкис, большой знаток еврейской истории и кельнских достопримечательностей, показала нам несколько памятных мест времен Второй мировой войны. В фильме использованы съемки в подвалах здания, где размещалось городское отделение гестапо.

Очень интересен памятник Эдит Штайн, еврейской девушке, ставшей монахиней в кельнском монастыре кармелиток и закончившей свои дни в газовой камере Освенцима. Как сформулировал потом один богослов: «Она осталась еврейкой и стала христианкой»¹². Памятник многозначен, в фильм попал только один его фрагмент.

Честно говоря, мне как-то жутко слышать эту фразу. Если она осталась еврейкой для фашистов, я еще могу понять. Но услышать подобное заявление от богослова? Ведь женщина не просто приняла христианство, она ушла в монастырь, т.е. речь идет о серьезном и глубоком понимании выбранного пути. Почему даже богослов не оставляет за ней права не быть еврейкой?

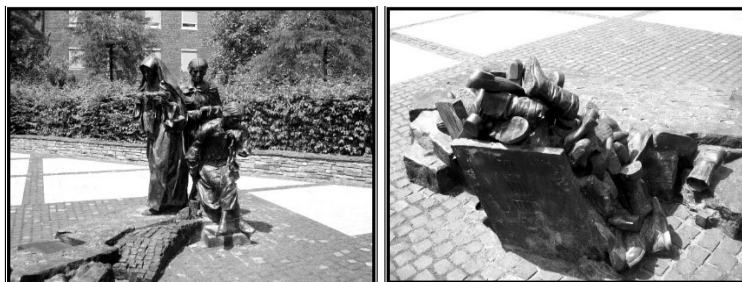
Хотя тут не обойтись без вечного вопроса: еврей это национальность или вероисповедание, боюсь, он уведет нас от разговора о фильме.

Вопрос, действительно, «вечный», но раз уж он поставлен, постараюсь кратко ответить. В словах богослова есть, конечно, лукавство. Правильней было бы сказать: «Она стала христианкой, но осталась еврейкой». По крайней мере, в глазах нацистов.

Однако для справедливости надо сказать, что с точки зрения наших мудрецов крещение не означает прекращения «еврейства». Вот что говорит, например, уважаемый раввин Адин Штейнзальц: «Что касается самой еврейской души, то ритуал крещения ровным счетом ничего в ней не меняет. Ритуал ритуалом, а она остается при этом самой собой – душой, данной еврею Б-гом, – и она неизменна и неистребима

¹² Цит. по статье *Владимира Порудоминского*. Абсолют Эдит Штайн. Сайт People's History.

по сути своей. Еврей остается евреем, что бы с ним в жизни ни происходило»¹³. Кроме того, ведь сказано в Талмуде: «Нет такого греха, который устоял бы перед раскаяньем». В жизни нередки случаи возврата к иудаизму после крещения. Философ Теодор Лессинг, о котором я упоминал, тоже крестился по настоянию семьи в самом конце девятнадцатого века, но в 1900 году вернулся к иудаизму окончательно и бесповоротно.

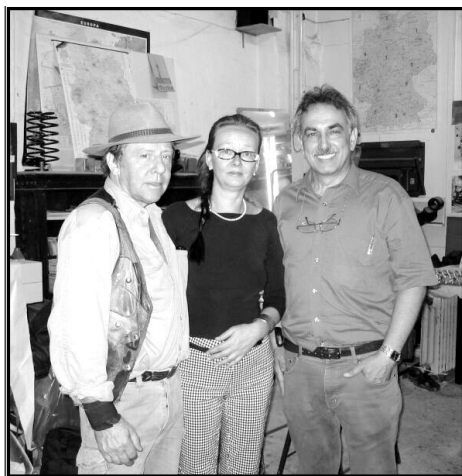

Памятник Эдит Штайн, фрагменты. Кельн, июнь 2005

Есть еще такое понятие «украденные дети» – так Талмуд называет людей, воспитанных в условиях, когда у них не было возможности толком познакомиться с иудаизмом. Талмуд снимает с них обвинения в отступничестве. К этой категории относится большинство «советских евреев». Для многих из них принятие христианства, например, под влиянием проповедей отца Александра Меня, означало не уход от еврейства, а приобщение к духовности, которой так не хватало думающим людям. К слову, Иосиф Бродский всегда считал себя евреем, хотя в его творчестве христианских сюжетов много больше традиционно еврейских¹⁴.

¹³ *Раввин Адин Штейнзальц*. Ответы на вопросы. Сайт Института изучения иудаизма в СНГ.

¹⁴ *Беркович Евгений*. И эллин, и иудей. В книге «Банальность добра», стр. 359-373. См. также вторую часть настоящей книги.

Гюнтер Демниг, его помощница Ута Франке и Евгений Беркович в мастерской художника. Кельн, июнь 2005

Здесь же можно вспомнить страдающего от своего еврейства Бориса Пастернака или легко уживающегося с «хаосом иудейским» Осипа Манделштама, но это, правда, уведет нас далеко в сторону от фильма.

Есть один вопрос, который возник во время нашей поездки по Германии. В сюжете о художнике Гюнтере Демниге показаны его камни-таблички. Такую табличку-памятник мы видели в маленьком городе Целле. А в больших городах, где пришлось бывать на экскурсиях, «камни преткновения» не встречались ни разу.

Гюнтер Демниг рассказывал нам, что хотел бы сделать такие своеобразные памятники для всех городов и городков Германии. Но иногда он встречается с неожиданным сопротивлением городских властей и даже еврейских общин.

Например, в Мюнхене категорически запретили устанавливать его камни. Аргумент такой: имена погибших не следует писать прямо на земле, под ногами прохожих. Сам Демниг считает, что это даже символично, когда имена жертв на медных табличках находятся в гуще городской жизни. Они

не покрываются патиной забвения, ярче горят и лучше напоминают о прошлом.

В Германии я видела множество памятников и памятных знаков, посвященных Холокосту. Можно ли сравнивать маленькие таблички памяти и гигантский Монумент у Бранденбургских ворот?

Именно этот вопрос я задал профессору Бенцу во время нашей беседы в Берлине. Он ответил, что не существует никакой иерархии памятников, нет более важных или менее нужных.

«Камни преткновения» в Берлине

Каждый памятный знак выполняет свою функцию и нужен для своего зрителя и читателя. Важно, чтобы такие напоминания о прошлом не превратились в казенные мероприятия, чтобы они не перестали трогать душу. К самой же истории памятники имеют лишь косвенное отношение, как памятник Пушкину или Гете к литературе.

Гюнтер Демниг нашел свой способ напомнить о трагедии прошлого. Встреча с ним была очень важной для нашего фильма, и вся наша съемочная группа благодарна Грете Ионкис за знакомство с этим замечательным человеком.

«Камни преткновения» в городе Целле

Честно говоря, я ожидала увидеть в фильме больше людей, знакомых по очеркам и статьям в Ваших журналах. Ведь некоторые из них живут в Германии? Есть такие удивительные личности и судьбы!

У нас были съемки в квартире легендарной Мишки – Вильгельмины Салуцкой. О ее необыкновенной судьбе писали в нашем журнале Наталия Кюн, Галина Карасева и Наталья Рапопорт, близко ее знавшие¹⁵.

Мы беседовали с мужем Мишки Наумом Салуцким, так как она сама уже давно ни с кем не общалась. Наум был единственным, кто понимал ее взгляды. Его любовь поддерживала жизнь Мишки до последнего ее дня – она умерла через несколько месяцев после нашей встречи, близкие успели отметить ее сотый день рождения. Из всего разговора с Наумом в фильм вошел только один кадр: его грустные и мудрые глаза зритель, мне кажется, не скоро забудет¹⁶.

¹⁵ Кюн Наталия, Карасева Галина. Мишка – свидетель и дитя своего времени. «Заметки по еврейской истории», № 37 2004. Рапопорт Наталия. Мишка. «Заметки по еврейской истории», № 42 2004.

¹⁶ Наум Салуцкий скончался в августе 2006 года.

Наум Салуцкий, Евгений Беркович, Борис Шейнин.
Кельн, июнь 2005

Многое из того, что было снято, не попало в фильм, так как его размер был ограничен заданным форматом – 26 минут и ни минуты больше. Различных видеоматериалов мы собрали на 27 часов показа. В фильм же вошла только малая часть снятого.

Одну находку мы сделали совершенно случайно. Это был тот подарок судьбы, который выпадает иногда тем, кто ищет.

В Кельне нам довелось познакомиться с замечательным писателем Владимиром Порудоминским, автором многих книг популярной когда-то серии ЖЗЛ – «Жизнь замечательных людей». Он, Вы заметили, автор цитированной мною статьи об Эдит Штайн. Мы записали его рассказ о судьбе сына Макса Планка, казненного Гитлером за участие в заговоре 20 июля 1944 года¹⁷. Сам рассказ не попал в фильм, но один совет, который дал нам Владимир, позволил включить в фильм очень важный сюжет.

¹⁷ *Порудоминский Владимир*. Планк, сын Планка. Фрагмент ненаписанной биографии. «Еврейская Старина», №№ 8,9, 2005.

Это интересно, конечно, но почему «подарок судьбы»?

Не торопитесь, все по порядку. Владимир Порудоминский рассказал нам, что знает в Кельне чету историков, которые тоже занимаются темой спасения евреев в годы войны. Этих историков зовут Вернер и Маргарет Мюллер.

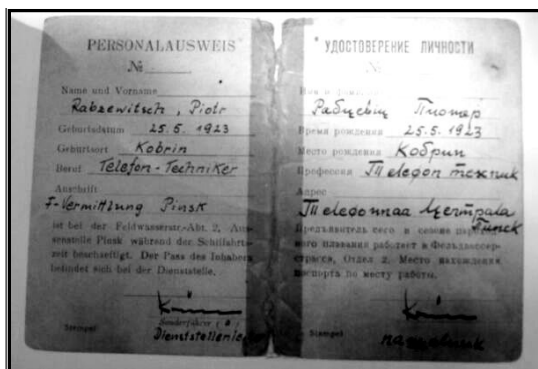
Вернер и Маргарет Мюллер. Кельн, июнь 2005

Вернера Мюллера я знал как одного из авторов замечательного сборника «Гражданское мужество»¹⁸ о немецких полицейских, солдатах и даже эсесовцах, спасавших евреев в годы войны. Но то, что Мюллер живет в Кельне, было для меня новостью.

Получив от Владимира телефон Мюллеров, я в тот же вечер договорился о встрече, и на следующее утро мы уже беседовали с гостеприимными хозяевами в уютном садике при их городской квартире.

Я помню эти кадры. Пара Вернер и Маргарет выглядят замечательно, интеллигентные, дружелюбные и даже немного застенчивые.

¹⁸ *Wette Wofram. Zivilcourage. Empörte, Helfer und Retter aus Wehrmacht, Polizei und SS. Fischer Taschenbuchverlag, Frankfurt am Main 2003.*

Удостоверение личности, выданное Фишлу Рабинову
на имя Петра Рабцевича

Беседа с супругами Мюллер определила одну из важных сюжетных линий фильма. В упомянутой мною книге Вернер Мюллер рассказывает о немецком офицере Гюнтере Крюлле, спасшем узника пинского гетто Фишла Рабинова. Крюлл выписал ему новые документы на имя Петра Рабцевича, прятал его в своей квартире, а потом помог устроиться в Киеве.

Этот случай подробно описывается в фильме, поэтому не буду его пересказывать.

Вернер Мюллер рассказал нам, как он впервые встретился с Петром Рабцевичем, приехавшим в Германию на экскурсию из Киева, и как тот умолял найти следы его спасителя. После этой встречи историк занялся поисками Крюлла, и эти поиски оказались успешными. Они подробно описаны в книге Вернера Мюллера «Вывранный из огня»¹⁹, которую автор любезно мне подарил.

Когда рассказ о спасении Рабцевича подходил к концу, Мюллер неожиданно достал мобильный телефон и предложил: «Хотите поговорить с самим Петром?».

Да, это напоминает интригу голливудского фильма.

Мы были поражены. Такое развитие сюжета заранее невозможно было спланировать. После Германии наша

¹⁹ Müller Werner. Aus dem Feuer gerissen. Dittrich Verlag. Köln 2003.

съемочная группа отправилась в Киев, и кадры воспоминаний Петра Рабцевича о своем спасителе – как он его назвал, «друге, брате, отце», – стали, на мой взгляд, одними из сильнейших в фильме.

Петр Рабцевич с семьей. Киев
(фото из семейного архива Рабцевичей)

Евгений Беркович, Вернер Мюллер. Кельн, июнь 2005

Да, этот отрывок все время стоит перед глазами. Думаю, не только у меня. Но все-таки главная часть снималась в Берлине?

В Берлине можно было бы снять не один фильм о судьбах немецких евреев, ведь там всегда проживала большая часть еврейского населения страны.

Берлин

Здание еврейского музея в Берлине

Памятник «Опавшие листья», фрагмент

О важнейшем для фильма интервью с профессором Бенцем я уже говорил. Мы дважды приезжали в Центр по изучению антисемитизма, расположенный в здании Технического университета Берлина, и сняли там немало интересных документов, показанных потом в фильме.

В Берлине, насколько я знаю, есть и специальный Еврейский музей, равного которому нет ни в одном другом немецком городе?

Руководителя пресс-центра музея Эва Зёндерман выделила нам специального гида-экскурсовода, с его помощью нам удалось сделать несколько кадров, определивших эмоциональный рисунок фильма.

Само здание музея, построенное по проекту знаменитого архитектора Даниэля Либескинда, создает ощущение трагедии, разлома, но одновременно внушает мысль о надежде. Особенно это проявилось в необычном памятнике «Опавшие листья»: глубокий колодец-расщелина, дно которого покрыто металлическими листьями с человеческими ликами. Мрак под ногами и свет над головой, свет надежды.

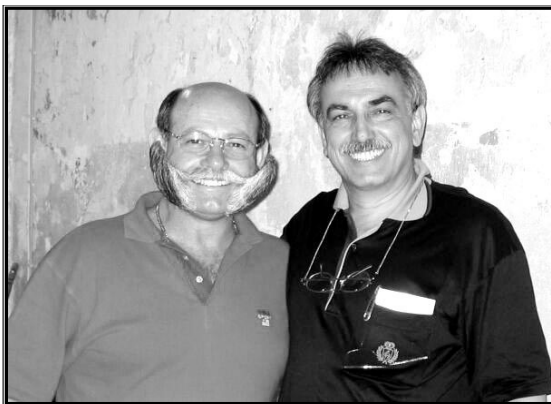
Оператор фильма Виктор Ёркин

Да, фильм начинается с этих металлических листьев, появляется ощущение тревоги и трагедии. Снято неожиданно и профессионально, работа прекрасного оператора! А новый гигантский Мемориал у Бранденбургских ворот в фильм не вошел. Вам не понравилась его необычная архитектура?

Мы снимали и Мемориал погибшим евреям, но в отведенные фильму 26 минут эти кадры не вошли.

Что касается архитектуры мемориала, то я читал и слышал много отрицательных отзывов, но мне самому решение американского архитектора Петера Эйсенмана

понравилось. Создается необходимое ощущение масштаба трагедии. Об истории создания мемориала я писал в давней заметке «История памятника как памятник истории»²⁰. Уже тогда история памятника насчитывала 10 лет. Потом потребовалось еще семь лет, пока мемориал был открыт для посетителей. Скоро без него нельзя будет представить центр Берлина.

Хаим Хофман и Евгений Беркович. Берлин, июнь 2005

В фильме довольно подробно показана история мастерской инвалидов, где в потайной комнате за шкафом прятали от гестаповцев нескольких евреев. Но кто рассказчик? Такие странные усы в пол-лица?

Это директор-смотритель музея Хаим Хофман, израильтянин, уже двадцать лет работающий и живущий в Берлине. Среди спасенных хозяином мастерской Отто Вайдтом евреев была известная сейчас в Германии писательница Инга Дойчкрон²¹, рассказавшая в своих книгах о пережитой трагедии.

В фильме есть еще несколько берлинских сюжетов.

²⁰ Беркович Евгений. История Памятника как памятник истории. В книге «Заметки по еврейской истории», «Янус-К», М. 2004, стр. 127-134.

²¹ Deutschkron Inge. Ich trug den gelben Stern. dtv, 1985.

Да. Например, рассказ о графине фон Мальцан, о которой я писал в очерке «Бей в барабан и не бойся беды»²² или сюжет о «Женском бунте на улице роз»²³.

Макет шкафа, закрывавшего дверь в потайную комнату

В опубликованном ранее интервью с профессором Бенцем что-то говорилось об изменении взглядов историков на это событие?

Честно говоря, для меня эта история с женским бунтом никогда не казалась такой выдающейся, я бы не сравнивала ее с поступком Хозенфельда, например. Одно дело спасать постороннего человека, изгоя и иноверца, зная, что идешь на смертельный риск, а другое – выступить в защиту собственного мужа, да еще коллективно, вместе с другими женищинами. Не хватало, чтобы эти женичины

²² Беркович Евгений. Бей в барабан и не бойся беды. В книге «Банальность добра», стр. 211-220.

²³ Беркович Евгений. Женский бунт на улице Роз. В книге «Банальность добра», стр. 52-69.

спокойно приняли арест своих близких и даже не попытались бороться!

Памятник на Розенштрассе, фрагмент. Берлин

Некоторые историки до сих пор придерживаются точки зрения, что нацистская верхушка испугалась возможных волнений среди немецких родственников евреев, содержащихся в пересылочном лагере на Розенштрассе, и отпустила заключенных домой. Наиболее полно такой взгляд изложен в монографии Натана Штольцфуса «Сопrotивление сердца»²⁴. Об этом и я писал в своей заметке о «Женском бунте».

Согласно такой интерпретации власти освободили евреев из лагеря на Розенштрассе по требованию протестующих берлинских женщин. Более экстравагантное предположение выдвинула режиссер художественного фильма «Розенштрассе» Маргарет фон Тротта. По ее версии

²⁴ *Stoltzfus Nathan*. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstrasse ß 1943. Carl Hanser Verlag, München, Wien 1999.

Геббельс приказал освободить схваченных евреев не только из страха перед беспорядками, но и из-за любовной интрижки с одной из протестующих женщин. Против такой интерпретации резко выступил профессор Бенц, опубликовавший ряд статей с острой критикой фильма фот Тротта.

Отец Эвелины Йохан Шельхаймер.
Из семейного архива Эвелины Шельхаймер

Известно, что было на самом деле?

В недавно опубликованной книге²⁵ Вольфа Грунера, ученика профессора Бенца, весьма убедительно показано, что весной 1943 года в планы нацистов не входила депортация евреев, находившихся в смешанных браках. Были защищены от уничтожения и их дети. Нацистские власти до самого конца войны так и не решились провести насильственный развод супругов, так как против такого развода непримиримо

²⁵ *Gruner Wolf. Widerstand in Rosenstrasse. Die Fabrik-Aktion und die Verfolgung der „Mischehen“ 1943. Fischer Taschenbuch Verlag. Frankfurt am Main 2005.*

возражала католическая церковь. А без развода супругов уничтожение одного из них грозило протестами немецких родственников. Демонстрации женщин на Розенштрассе показывают, что опасения нацистов были не беспочвенны. Поэтому власти решили пока не трогать таких евреев, не депортировать их, а только удалить с военного производства.

Вы все же считаете поведение женщин героическим?

Без всякого сомнения. Вспомните, много ли Вы знаете случаев массовых протестов против сталинских репрессий? То, что женщины на Розенштрассе не знали о том, что их мужьям и детям на этот раз депортация не угрожала, не умаляет их мужества. Как подчеркнул профессор Бенц в нашем разговоре, подвиг не перестает быть подвигом, даже если он не повлиял напрямую на развитие событий.

Нет, меня не убеждает это сравнение. Ведь сталинские репрессии проходили под знаком «враг народа», предполагалась вина арестованного. О каком коллективном бунте могла идти речь? Кроме того, известно, что Сталин пошел дальше – он арестовывал и жен.

Я ни в коем случае не хочу сравнивать репрессии при Сталине с геноцидом при Гитлере. Но и Гитлер представлял евреев «врагами народа», при нем лозунг «евреи – наше несчастье» стал поистине всенародным. Поэтому открыто встать на защиту евреев, пусть даже мужей и родственников, требовало мужества.

От разговора о женах, конечно, трудно оторваться, тем более, женщине, но боюсь, мы совсем потеряем основную тему разговора – фильм. Есть в документальном кино распространенный прием: разговоры с прохожими на улицах. В вашем фильме таких сцен немало – на улицах Берлина, Кельна и Целле. Мне бы хотелось больше послушать, посмотреть в лица этих людей, но, наверное, вы были ограничены размером фильма?

Евгений Беркович и Эвелина Гюнтер-Шельхаймер.
Мотцен, июнь 2005

Да, конечно. В маленьком городке-деревеньке Мотцен под Берлином мы встречались с Эвелиной и Эдгаром Гюнтер-Шельхаймер. Знакомству с ними мы обязаны Грете Ионкис, с которой Эвелина училась в Московском педагогическом институте. Отец Эвелины – Йохан Шельхаймер – был коммунистом, участвовал в антигитлеровском сопротивлении, был казнен нацистами по делу о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Его именем названы площадь и школа в Магдебурге.

Близкой подругой Эвелины была Ева Липпольд, тоже участница сопротивления, помогавшая евреям в те страшные годы.

В фильм вошли всего несколько фраз, сказанных Эвелиной, а разговор с ней и Эдгаром был долгим и содержательным. Эвелина рассказала много интересного о своем детстве при нацистах, о жизни в послевоенной ГДР и в современной Германии. В Восточной и Западной Германии совсем не одинаково понимали борьбу с нацизмом. В ГДР признавали только коммунистическое сопротивление, в ФРГ все ограничивалось «Белой Розой» и кругом людей вокруг

графа фон Штауффенберга ²⁶ . Тема эта большая и заслуживает отдельного разговора.

Финал. Или все же начало?

У меня есть еще несколько вопросов. Во-первых, почему отказались от рабочего названия «Невоспелые герои»?

Название фильма – дело тонкое. Здесь трудно найти единственный вариант, к которому ни у кого не было бы претензий. Слово «герои» в таком контексте часто вызывает обоснованный внутренний протест. Ведь с точки зрения многих людей, совершавших героические поступки, их поведение было нормальным, единственно возможным, правда, происходило это в страшные времена. Вы сами об этом сказали в отношении женщин на Розенштрассе. Нередко люди отказывались от наград и почестей, предлагаемых государством через десятки лет после войны.

Кроме того, помогали евреям в годы Холокоста не только праведники – среди спасителей были и воры, и проститутки, и полицейские, и эсесовцы... Поэтому, хотя термин «Невоспелые герои» и фигурировал в известной акции берлинского сената в шестидесятые годы прошлого века²⁷ было решено изменить название.

Мне тоже больше нравится новое название. И совсем не потому, что нельзя назвать героем проститутку или эсесовца. По-моему, милосердие и умение сострадать – нормальное поведение человека. А ненормальны издевательства и жестокость. Но почему же нормальных людей всегда оказывается так мало?! Конечно, хочется задать вопрос Богу. Хотя, как сказала в фильме Маргарет Мюллер, «Бога нельзя спрашивать, ему можно только жаловаться».

²⁶ Беркович Евгений. Одинокие герои. История покушений на Гитлера. «Еврейская Старина», №№ 15, 16, 2004.

²⁷ Беркович Евгений. Из Данцига в Эйлат: морем к свободе. Густав Пич и спасение евреев Вольного города Данциг. «Еврейская Старина», № 17, 2004.

Еще меня немного смутила заключительная надпись на экране: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир». Точнее не сама надпись, а подпись под ней: «Тора». На эту фразу часто ссылаются как на цитату из Талмуда.

Честно сказать, я тоже удивился, увидев эту надпись в заключительной версии фильма. Это знаменитая цитата из Талмуда (трактат «Сангедрин», глава 4). Она выбита на медалях, вручаемых Мемориальным Центром Катастрофы и героизма «Яд ва-Шем» Праведникам народов мира. Но ведь и Талмуд считается записанной «устной Торой», так что формальной ошибки тут нет.

Все время хочу спросить Вас, как жителя Германии и историка, об отношении самих немцев к «невоспетым героям». Как меняется оценка прошлого со временем?

Сегодня бытует мнение, что немцы поголовно стали праведниками, заклеили собственную историю и почитают евреев и Израиль больше всех других народов. Мне, выросшей на трагедии семьи, почти полностью уничтоженной в Белоруссии, не раз пришлось выслушивать обвинения в узости взглядов и неумении простить «ошибки».

Отношение к невоспетым, или «тихим», как их еще называют, героям менялось весьма заметно. Нынешних школьников, например, учат, что покушение на Гитлера 20 июля 1944 года – символ возрождения демократической Германии. А после войны долгое время граф фон Штауффенберг и его соратники считались многими немцами предателями отечества и нарушителями воинской присяги.

Вдове фельдфебеля Антона Шмида, признанного посмертно Праведником мира, соседи плевали в окна, узнав, что его казнили за помощь евреям²⁸.

Или еще один, более поздний пример. Вилли Брандт в 1933 году эмигрировал в Норвегию, а после ее оккупации в 1940 голу – в Швецию, где работал журналистом и, как мог, боролся с нацистским режимом в Германии. После разгрома гитлеровцев вернулся в 1945 году в Германию, где стал

²⁸ Беркович Евгений. Две минуты тишины. В книге «Банальность добра», стр. 235-242.

активно участвовать в политической жизни страны. В 60-х годах на выборах в бундестаг его политические противники напоминали избирателям «антинемецкую» деятельность Брандта во время войны.

Вдова героя нашего фильма Гюнтера Крюлла при получении Почетной грамоты в Яд ва-Шем сказала, что ничего не знала о том, что ее муж спасал евреев.

К сожалению, меня это не удивляет. Но мои оппоненты, конечно, скажут, что сейчас все изменилось.

Конечно, многое изменилось. Но предрассудки сильны и не так легко исчезают со временем. Совсем недавний случай. В 1997 году Яд ва-Шем наградил Моника М. из города Грайфсвальд на северо-востоке Германии (земля Мекленбург – Передняя Померания) званием Праведник народов мира. Она вместе с родителями Герхардом и Валли Хагеманн прятали в своем доме еврейскую семью Кахане. Во время бомбардировки дом был разрушен, но семья Хагеманн нашла для Кахане новое убежище и заботилась о них до конца войны.

Во время интервью после награждения Моника запретила журналистам ее фотографировать и не назвала свою нынешнюю фамилию. Свое решение она объяснила тем, что боится неонацистских банд, которые снова подняли голову в восточных землях Германии. В списке Праведников она значится под своей девичьей фамилией Хагеманн.

Как странно и горько слышать все это. Особенно из уст человека доброжелательного, объективного и любящего Германию. Значит, и сорока лет мало, чтобы изменить взгляды людей? Вот одна из причин, почему нужны такие фильмы! Когда и как зрители увидят ваше произведение?

Этот вопрос следует адресовать студии «Параджанов фильм». Насколько я знаю, она прилагает усилия, чтобы как можно больше людей фильм увидело.

Фильм наш, конечно, не коммерческий, и пробиться на каналы телевидения ему, возможно, будет не просто. Но не будем терять надежды.

Евгений Беркович и Елена Минкина
у памятника в Ганновере, май 2006

Совместными усилиями нам удалось довести работу над фильмом до конца. Ребенок родился, и теперь у него своя судьба, своя история, которая только начинается. Пожелаем ему и нам удачи.

Интервью четвертое – 2010 г.

Владимир Плетинский
(«Секрет», Израиль)

Десять лет спустя

Наверное, среди русскоязычных пользователей интернета в Израиле, интересующихся еврейской тематикой, нет более популярного виртуального издания, чем сетевой портал «Заметки по еврейской истории» (berkovich-zametki.com). В ближайшее время главный редактор портала Евгений Беркович приезжает в Израиль. Этому его визиту посвящено интервью с моим коллегой.

Евгений, расскажите, пожалуйста, как вы пришли к созданию самого известного русско-еврейского портала и как он развивался, постепенно включив в себя уже несколько журналов.

Если ответить коротко, то получится так: «Само выросло». Но так как читатель вряд ли поверит, то попробую пояснить немного подробнее.

Крупные проекты, будь то сетевой портал или городской сад, возникают, как правило, по плану. У кого-то рождается идея, находится заказчик, разрабатывается проект, в котором до мелочей прописана структура и функции творимого. Изыскиваются ресурсы: деньги, люди, материалы, согласуется план – и вперед! Через какое-то время заказчик может принимать работу – читатели получают новый сетевой портал, а жители города – новый сад.

Но бывает и так: без всякого задания посадит человек на пустыре деревцо, ухаживает за ним, поливает... Через какое-то время дерево вырастает, вокруг него появляются новые побеги. Человек ухаживает и за ними, чтобы случайный прохожий на росток не наступил, прокладывает удобные дорожки, ставит скамейки, беседки, разбивает цветники и, глядишь, на пустыре уже и сквер возник, люди туда потянулись, и жизнь закипела...

Наш портал возник именно так: с пустыря и одинокого деревца. Таким деревцем стала моя первая небольшая книжка «Заметки по еврейской истории», которая вышла в свет в Москве в 2000 году небольшим тиражом в 1000 экземпляров. Эти заметки я поставил в интернет, чтобы их смогли прочитать те, кому книжка не попала в руки. Так возник сайт, который я по имени моей первой книжки тоже назвал «Заметки по еврейской истории». Основное направление сайта определилось сразу – еврейская традиция, культура, история, именно эти темы объединяли заметки первой книги. С тех пор прошло уже десять лет.

Но сайт со статьями одного автора – это еще не журнал. Идея периодического издания возникла на год позже, в декабре 2001 года. К идее выпуска журнала подтолкнула сама жизнь. Дело в том, что на опубликованные заметки читатели стали отвечать письмами, стали присылать мне свои отзывы и мнения, возникли дискуссии, споры, которые я выносил в интернет, кто-то предлагал свои статьи, их я тоже ставил на сайт. Когда количество присылаемых материалов стало заметным, и возникла идея выпускать периодический журнал.

С самого начала я решил не заниматься тем, что так распространено сейчас в различных изданиях, не только в интернете: перепечаткой уже кем-то опубликованного. Вторичность предлагаемых читателю текстов была изначально исключена: зачем публиковать то, на что можно дать ссылку? Мы печатаем только оригинальные работы, присланные авторами в редакцию. Никакого пиратства, права автора – священны! И качество текстов должно отвечать самым высоким редакционным требованиям.

А дальше заработали законы обратной связи. Чем интереснее журнал, тем шире его читательская аудитория, тем больше новых авторов предлагают свои работы, что делает журнал еще интереснее, а это опять увеличивает его известность и расширяет круг читателей и так далее, пока хватает сил...

По мере роста журнала вокруг него стала складываться своеобразная «инфраструктура»: появилась площадка для обсуждения – гостевая книга, форумы,

развиваются различные каталоги – авторский и тематический, отпочковываются новые издания: альманах «Еврейская Старина» и журнал «Семь искусств» (www.7iskusstv.com), создаются современные блоги читателей и авторов. Так что теперь портал «Заметки по еврейской истории» можно уподобить целому городу, что остроумно сделала одна наша читательница Маша Кац в заметке «Градостроитель», известной Вашим читателям.

Насколько мне известно, ваши издания – не коммерческие. Как же вы существуете?

Да, у нас нет никакого «заказчика», «инвестора» или «спонсора». Все расходы по ведению сайтов ложатся на меня. К счастью, в Германии я практически сразу нашел работу по своей основной специальности – математике и информатике – в крупной научно-исследовательской компании, что дало определенную финансовую независимость.

Кроме того, есть читатели и авторы, которые готовы хоть немного материально помочь portalу, ибо ценят в нем то, что помогает людям ощущать себя евреем. Оказалось, что для многих важно верить, что «еврей – это звучит гордо!», а это один из девизов наших журналов. Есть и еще один: «Быть евреем – это труд!».

Помощь друзей журнала важна не только в прямом материальном смысле. Для нас она, прежде всего, знак того, что издания нужны людям, что наши усилия не напрасны.

Конечно, неплохо было бы иметь серьезное внешнее финансирование для развития портала, тогда можно было бы реализовать новые задумки, сделать проект еще интереснее, современнее, богаче. Но каждая медаль имеет две стороны. Внешнее финансирование редко дается «даром», обязательно придется выполнять чьи-то указания и реализовывать чьи-то цели, не всегда совпадающие с твоими намерениями. Так что «мы бедные, но гордые». Хотя нельзя сетовать на бедность, имея около полутора тысяч первоклассных авторов и десятки тысяч верных читателей. Популярный сайт становится в наше время выгодным предприятием. Поэтому мы с надеждой смотрим в будущее.

Наверняка ваши израильские читатели и знакомые не раз попрекали вас тем, что вы живете и творите в Германии – в стране едва не победившего все европейское еврейство Холокоста. А если не попрекали, то удивлялись... Каково это – выглядывать на улицы ставшего вам родным Ганновера и осознавать: «Немцы в городе!»?

Эта проблема мне хорошо знакома, не раз она обсуждалась и на нашем портале. Многие израильтяне, особенно выходцы из бывшего СССР, твердо убеждены, что евреи диаспоры совершают ошибку, не переезжая на Святую Землю, а евреи, живущие в Германии, по их мнению, – все поголовно предатели памяти погибших в Катастрофе.

Часто говорят: «Мир – театр, а люди в нем – актеры». Те, кто с этой максимой согласен, редко относят себя к статистам, считая свою роль одной из главных. Но человек, пытающийся судить, где должны или где не должны жить евреи, замахивается на большее – он берет на себя, если продолжать сравнение с театром, роль режиссера, определяя, где должны находиться и что должны делать другие участники спектакля. Но подобный Режиссер, как известно, один и пути его неисповедимы.

Евреи диаспоры играли и играют важную роль в создании и укреплении государства Израиль. Их миссия далеко не исчерпана. И призывать разрушить один из бастионов, защищающих Израиль, по меньшей мере, недальновидно и преждевременно.

Это касается всей диаспоры, но в ней роль евреев в Германии особая. Полтора-два десятилетия назад начался необычный и очень интересный эксперимент по возрождению еврейской жизни на немецкой земле. Этому эксперименту по злой воле или недомыслию некоторых руководителей еврейских организаций не суждено, к сожалению, завершиться гладко и в полном объеме. Но даже те результаты, которые достигнуты за прошедшие годы, впечатляют и позволяют избавиться от многих вредных предрассудков и заблуждений.

Одним из таких предрассудков является мнение о будто бы врожденном немецком антисемитизме, ставшем причиной Холокоста. У Катастрофы европейского еврейства

были совсем другие причины, а сведение все к якобы «генетической» ненависти немцев к евреям, во-первых, исторически некорректно, во-вторых, создает иллюзию безопасности для евреев в других регионах планеты, что может привести к потере бдительности и новой Катастрофе.

Признание всех немцев, в том числе, родившихся через два-три поколения после войны, ответственными за Холокост, сродни любимой идее Гитлера об ответственности евреев за все зло на земле. На самом деле, не бывает «народов-преступников», как не бывает и «народов-праведников».

Есть еще один немаловажный аспект – образ еврея в глазах жителей Германии и других стран. От того, каким этот образ складывается, во многом зависит и общественное мнение в мире о евреях и об Израиле. Приведу историческую аналогию.

После Первой мировой войны образ побежденной Германии был в глазах ее бывших противников крайне отрицательным. Немцев ненавидели, презирали, боялись... Как раз в начале двадцатых годов двадцатого века Альберт Эйнштейн закончил основные работы по общей теории относительности и начал серию выступлений перед широкой публикой в различных странах.

Лекции физика сделали для сближения недавно враждебных народов больше, чем все усилия дипломатов. Сам облик и манеры ученого разбивали стереотипы «тупого немца-врага».

Немецкие дипломаты сообщали в министерство иностранных дел: «Выступления господина Эйнштейна приносят авторитету Германии громадную пользу». Журналисты тогда называли Эйнштейна «Гинденбургом немецкой науки» – немцам под командованием генерала-фельдмаршала в 1914 году не удалось завоевать Париж, зато это легко сделал после войны остроумный и общительный профессор из Берлина.

Вот и нынешние иммигранты, успешно реализовавшие себя в новой Германии, делают важное дело, создавая и укрепляя в глазах европейцев позитивный образ современного еврея.

Символично, что наше знакомство с Евгением Берковичем состоялось в Берлине на конференции Всемирного конгресса русскоязычного еврейства.

Фото В. Плетинского

Не могли бы Вы немного подробнее рассказать о своем личном опыте? Как проходило Ваше «обретение себя» на немецкой земле?

Когда я начинал работать в крупной немецкой научно-исследовательской компании, специализировавшейся в вопросах финансовой математики и банковской информатики, то среди ее почти тысячи специалистов был первым, кто приехал в Германию из бывшего СССР. Руководство компании даже не рассматривало до меня таких кандидатов, не разбираясь, кто из них русский немец, а кто – еврей. Считалось, что хороших специалистов, удовлетворяющих требованиям компании, среди русскоговорящих быть не может. Через пару лет после того, как я стал руководителем одного научного направления, численность компании удвоилась, и специалисты из России и

Украины стали не редкостью. Многие из них – дети еврейских иммигрантов девяностых годов. Мнение о специалистах из бывшего СССР в компании радикально изменилось.

Конечно, еврейская эмиграция в Германию – крайне непростое и часто противоречивое явление, отличающееся от других «волн» эмиграции. Многие из первого поколения «беженцев» оказались жертвами «сладкой жизни», которую им пытались создать немецкие власти на первых порах. Получив даром все, что нужно для сытой жизни, многие первые иммигранты и не пытались добиться, по крайней мере, того же статуса, который у них был до переезда в другую страну. Потом за эту «сладкую жизнь» приходилось платить беспокойной совестью и стыдом перед детьми за то, что их родители «сели на шею» государству.

Но уже следующее поколение с лихвой выправило все перекосы первого. Сейчас дети иммигрантов девяностых годов по образовательному уровню и месту в общественной жизни страны обогнали своих немецких сверстников, не говоря о детях других иммигрантов: турок, итальянцев и др. Именно эта молодежь определяет теперь лицо современной еврейской иммиграции в Германию. Вот живой пример.

Когда мой младший сын, окончив гимназию, поступил на математический факультет Ганноверского университета, на первых лекциях в зале не хватало мест: на первый курс было принято 450 человек. Через год это число сократилось вдвое, а к защите дипломной работы подошло только 11 человек. Четверо из них, т. е. более трети, – это как раз еврейские дети, родители которых приехали в Германию в девяностые годы.

У каждого человека свой путь становления на новой земле, и эмиграция никогда не бывает легкой. Это знают новые граждане в любой стране, в том числе и в Израиле. Мне тоже пришлось преодолеть немало препятствий, чтобы получить работу в престижной фирме и, главное, закрепиться на новом месте, почувствовать себя членом команды, завоевать уважение коллег и признание руководства. Все это пришло со временем, но в начале задача казалась непосильной. Никому не пожелаю повторить этот путь.

И все же с моральной стороны мне в Германии всегда было комфортно. Интересная работа, атмосфера товарищества в коллективе, коллеги, многие из которых стали друзьями... Работа обеспечивает достойную жизнь семье, дает чувство независимости от государства, наоборот, на налоги от моей зарплаты живут, по крайней мере, три семьи, получающие социальную помощь.

Возвращаясь к проблеме «евреи и немцы», расскажу о человеке, оказавшем на меня большое влияние. Много лет назад мне посчастливилось попасть в мастерскую скульптора, художника и поэта Вадима Сидура. Это сейчас, после его смерти, слава пришла к нему, а тогда художник был в опале у властей. Друзья Сидура приводили к нему своих знакомых, кто мог хоть как-то ему помочь. И вот однажды в мастерской Сидура оказался ученый из Германии Карл Аймермахер, директор института славистики в Бохуме.

Надо сказать, что Вадим Сидур – фронтовик, прошел войну и был тяжело ранен – пуля немецкого снайпера изуродовала ему лицо. По его словам, немцев он ненавидел и готов был видеть их лишь в прицел своей винтовки. После ужаса войны, кошмара Холокоста не то, что подать руку, но и слово сказать гражданину Германии он считал для себя невозможным.

Общение с Аймермахером сломало у Сидура стереотипы, владевшие умами многих, переживших ту войну. По словам художника, как только он стал смотреть на собеседника «не через призму предвзятости и злобы», а освободившись «из самой суровой тюрьмы, находящейся внутри самого себя, разрушив стену страха и недоверия, ограждавшую ее», он почувствовал себя по-настоящему свободным человеком.

Сидур тоже понял, что представление о немце как о вечном враге евреев в чем-то симметрично нацистскому убеждению, еще в девятнадцатом веке сформулированному историком фон Трайчке: «евреи – наше несчастье». Оба суждения ложны!

Я часто вспоминаю это преображение Вадима Сидура, когда разговариваю с людьми, все еще живущими в «суровой тюрьме за стеной страха и недоверия».

Интерес к журналистике у вас давний? Если не ошибаюсь, вы по профессии – математик...

Да, но я бы уточнил, что «математик» – не просто профессия, это и образ мыслей, и взгляд на мир, и состояние души... Как я уже упоминал в одном из интервью, математик – это, скорее, порода, нельзя быть «бывшим математиком», как нельзя быть «бывшим пуделем».

Знаменитый математик Штейнгауз когда-то сказал: если два человека берутся за незнакомое дело, математик сделает его лучше.

Не раз встречал подтверждение этой мысли. Я уже как-то упоминал в другом интервью, что прожил фактически несколько полноценных жизней. Каждая продолжалась примерно десять лет. Вначале была собственно математика, счастливое плодотворное десятилетие с 1965 по 1975 годы. Потом проектирование и внедрение больших информационных систем, генеральный конструктор отраслевого и республиканского уровня, государственные награды и премии. За этим последовал научно-производственный бизнес – директор двух своих процветающих предприятий, участие в международных выставках-ярмарках. Затем вновь финансовая математика, программирование и проектирование, но уже в немецком НИИ, в другой, так сказать, инфраструктуре. И, наконец, то, что Вы назвали «журналистикой».

Я обычно этот термин не использую, хотя как иначе назвать написание статей для газет и журналов, подготовку книг и издание собственных «средств массовой информации»? Для меня первичным все же является разработка исторических тем, распутывание сюжетов, которые создавались самым изощренным сценаристом и драматургом – историей. А когда сюжет со всеми нужными подробностями ложится на бумагу, хочется познакомить с ним читателей.

Написание собственных текстов можно сравнить с игрой музыканта на каком-то инструменте. Но иногда хочется попробовать себя и в роли дирижера. Вот тут и годится работа редактора и издателя. Ведь каждый номер

журнала – это оркестровая вещь, где голоса разных авторов дополняют и усиливают друг друга.

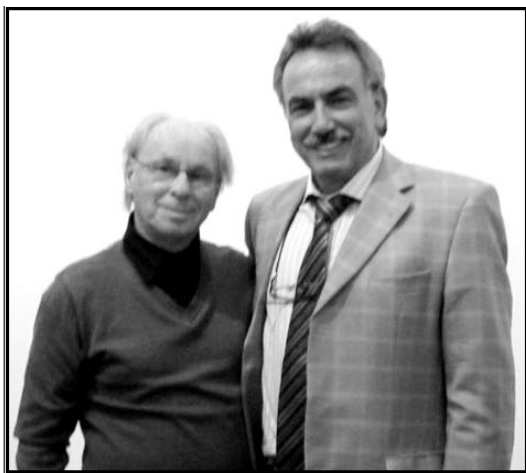

Евгений Беркович с узником Сиона Иосифом Бегуном.
Израиль 2010 год

А как давно вы заинтересовались еврейской тематикой?

Еврейской тематикой я интересовался всегда. Проблема была в том, что «еврейская тема» в любом представлении была в СССР под негласным запретом. Можно было подумать, что для советской власти само слово «еврей» считалось неприличным, его старались лишний раз не произносить и не печатать. Недавно обнаружил, например, такой факт.

Жизнь великого немецкого писателя Томаса Манна неразрывно связана с еврейством: он был женат на дочери профессора-еврея Альфреда Прингсхайма Кате, евреями были его основной издатель, многие литературные друзья и враги... Еврейская тема постоянно присутствует в творчестве автора романа «Иосиф и его братья», по которому не одно поколение советских людей изучало еврейскую традицию.

Евгений Беркович с известным флейтистом Наумом Зайделем.
Израиль 2010 год

Как же отразилась тема «Томас Манн и евреи» в его биографиях? Возьмем, например, одну из лучших, написанную Соломоном Аптом, самым известным переводчиком и биографом писателя. Книга издана в серии «Жизнь замечательных людей» в 1972 году. На ее 352 страницах слово «еврей» и его производные встречается всего... 4 (четыре) раза! Т. е. тема «Томас Манн и евреи» в советское время даже для Соломона Апта оказалась «непечатной».

Историю я любил всегда. Еще в Москве собрал довольно интересную библиотеку по античной, русской и еврейской истории. Писать что-то «гуманитарное» в России, честно говоря, не приходило в голову – хотя писал довольно много на математические и кибернетические темы. Но заметки по еврейской истории стал писать только в Германии. И толчком послужил забавный факт: в Ганновере есть улица Берковича. Для Израиля это не удивительно, а вот в немецком городе такое название редкость.

С очерка «Человек первого часа», в котором я описал историю ганноверских Берковичей, и начались мои «Заметки по еврейской истории». Они открыли большую серию работ, посвященных героям, праведникам и другим людям во

времена Холокоста. Потом они были собраны в книгу «Банальность добра. Заметки по еврейской истории двадцатого века». Книга вызвала и вызывает много споров и дискуссий, в ней совсем с непривычной стороны раскрывается история Катастрофы.

По материалам книги я написал сценарий документального фильма «Вопросы к Богу» о немцах, которые помогали евреям в годы Холокоста. Фильм был снят на московской студии документальных фильмов «Параджанов-фильм» в 2005 году.

Кроме этой темы меня в последние годы очень интересует история науки, прежде всего, математики, роль в этой истории еврейских ученых. И еще одна проблема весьма занимает меня: смятение умов, поражающее интеллектуальную элиту общества в годы исторических сдвигов, например, при установлении диктатуры. Пример Томаса Манна, допускавшего необъяснимые, казалось бы, ошибки в оценке первых шагов нацизма, весьма показателен.

Об этом и о многом другом я собираюсь рассказать во время своих выступлений в Израиле.

Вы приезжаете в Израиль впервые?

Во второй раз. Впервые я был в Израиле десять лет назад, и могу себе представить, какие огромные изменения произошли в стране за эти годы. Конечно, о многом я читал, видел по телевидению, слышал рассказы очевидцев. Но, как известно, лучше один раз увидеть... А еще лучше – не один раз!

Поскольку еженедельник «Секрет» и газета «Новости недели» – давние партнеры ваших еврейских порталов, мы вызвались быть информационными спонсорами ваших выступлений в нашей стране. Сообщите, пожалуйста, тематику, даты, время и места проведения ваших творческих встреч.

Открытых выступлений у меня запланировано три.

15 ноября в Беэр-Шеве, начало в 18:30, в клубе «Мерказ Мория», ул. Авраама Авину 91. Тема: «Неизвестный Томас Манн, или Волшебник, немцы и евреи».

17 ноября в Тель-Авиве, начало в 18:00, в Доме ученых (Доме писателей), ул. Каплан 6. Тема «Наука в тени свастики. Судьбы ученых в Третьем рейхе».

18 ноября в Иерусалиме, начало в 18:30, в Общинном центре, ул. Яффо 36. Тема: «Еврейский университет в Иерусалиме и еврей-математики из Германии».

Евгений, от всей души желаю вам приятных встреч на Святой Земле. И, разумеется, успеха всем вашим начинаниям!

Спасибо! Желаю того же Вашим изданиям и их читателям. Надеюсь, что среди них немало друзей и наших сетевых порталов. Так что будем и дальше дружить и помогать друг другу.

Интервью пятое – 2012 г.

Аркадий Бейненсон
(«Голос России», Москва)

Дорогу осилит идущий

Когда Вы приехали, как вы оказались в стране?

На первую часть вопроса ответить легко: приехали мы в августе 1995 года. А как оказались в Германии? Я бы сказал, случайно, хотя случайным мы часто называем просто непонятное. Видно, пришла пора еще раз начать новую жизнь. Мне в том году исполнилось пятьдесят.

В выборе страны, куда мы попали, случай определенно сыграл свою роль: мы жили тогда в Москве у Воронцовских прудов, под окнами нашего большого дома располагалось немецкое посольство. В начале 90-х годов у ворот посольства начали собираться очереди людей, желавших подать документы на выезд – тогда как раз развернулся уникальный социальный эксперимент: Германия стала принимать у себя евреев из бывшего СССР.

Визовый отдел Посольства Германии в России, Ленинский пр. 95

Скорее из любопытства, чем преследуя какую-то цель, мы отдали в 1992 году в посольство заполненные

анкеты и уже успели про них забыть, как через два года пришло разрешение на въезд в ФРГ. Почти год мы все еще раздумывали, а когда срок разрешения уже подходил к концу, решились. К окончательному шагу подтолкнуло ухудшение моего здоровья – неотложки иногда приезжали по нескольку раз в неделю. Германию я уже немного знал – мое научно-производственное предприятие участвовало в знаменитой ганноверской компьютерной выставке CeBit. Да и жена надеялась найти там родственников – ее отец, обрусевший немец, был офицером-летчиком Красной армии и погиб в годы Великой отечественной войны в воздушном бою с фашистами.

Так в августе 1995 года, собрав необходимые документы и вещи, сели в автобус, отходивший в Германию почти от нашего подъезда, и уехали в неизвестность, в новую жизнь. Через сутки с небольшим мы с женой и тринадцатилетним сыном оказались в Гамбурге, откуда в тот же день добрались до одной северогерманской деревушки, где размещался сборный пункт для приезжавших из Советского Союза людей. С этого дня – 10 августа 1995 года – и пошел отсчет нашего пребывания в Германии.

Как Вас встретила страна? Как вы обустроились, первые шаги, работа, дом?

Первые дни, даже месяцы в новой стране чувствуешь себя туристом, все вокруг необычное, занятное... Помню, как в первый же день поразило обилие и разнообразие птиц вокруг: в Москве мы привыкли видеть только ворон, воробьев да сизых голубей. Удивляла повальная компьютеризация – в Союзе она только начиналась, а тут без компьютера даже в маленьком городке оставался разве что общественный туалет. Восхищали порядок на дорогах, пунктуальность общественного транспорта, соблюдавшего расписание с точностью до минуты, чистота на улицах, улыбки прохожих...

К хорошему быстро привыкаешь, со временем и недостатки становятся заметнее, но первое впечатление было весьма обнадеживающим. Однако долго состояние «туриста»

продолжаться не могло. Нужно было втягиваться в «нормальную» жизнь, решать житейские проблемы.

Технология приема иммигрантов из СССР к тому времени уже была отлажена: приехавшие сразу получали то, что в Америке называется «грин-картой» – право на постоянное жительство в стране и право на работу. Но чтобы последним правом воспользоваться, нужно пройти дистанцию огромного размера, преодолеть массу препятствий. Одно из главных – язык.

Мы приехали, почти не зная немецкого, я перед отъездом взял несколько уроков у частного преподавателя. Всем взрослым новоприбывшим в Германию полагались шестимесячные языковые курсы, а дальше каждый должен был сам решать, что ему делать и как жить.

В отличие от большинства других стран, принимавших эмигрантов из бывшего Советского Союза, немцы платят социальное пособие неработающим приезжим, имеющим право на постоянное проживание в стране, причем эта материальная поддержка платится пожизненно (на разных этапах это пособие называется по-разному, но суть его от этого не меняется). Такой синекурой воспользовались многие наши соотечественники, особенно немолодые. Большая часть моих сверстников, приехавших в Германию, так ни дня и не проработали в этой стране. Причем это не сильно сказывалось на уровне их жизни, особенно для людей, приехавших в девяностые годы. Все семьи обеспечивались просторными отдельными квартирами, за которые платит государство, бесплатным полноценным медицинским обслуживанием, большими льготами при приобретении одежды, мебели, домашней техники, велосипедов... Да и деньги на жизнь платятся регулярно, никто не голодает.

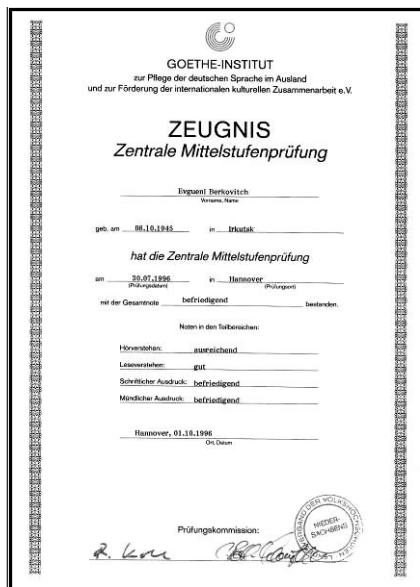
Оправдания для собственной незанятости выглядели убедительно: в Германии безуспешно ищут работу более трех миллионов коренных жителей страны. Где уж тут пробиться пожилому иммигранту с не очень правильным немецким?

Когда мы уезжали из Москвы, я не питал никаких иллюзий относительно возможной работы в новой стране, считал, что моя карьера уже позади. Мечтал на досуге углубиться в литературу, историю и философию, до которых

в Москве не доходили руки. Для будущего самообразования и развития отобрал из своей большой библиотеки и отправил из Москвы в Ганновер два контейнера избранных книг, «Литературные памятники», «Памятники исторической мысли», «Философское наследие»...

Но смириться с пассивным существованием не давал какой-то внутренний протест, а может быть, спортивный азарт.

Специальные языковые курсы для людей с высшим образованием я закончил довольно успешно, получив не просто стандартный сертификат, но так называемое свидетельство о *mittelmittelfe*, т. е. «свидетельство средней ступени».

Свидетельство средней ступени

Мне хотелось найти работу по своей последней специальности — разработчика программных и информационных систем. Именно этой областью я был занят последние двадцать лет, став главным конструктором одной отраслевой автоматизированной системы НТИ. При этом я ясно понимал, что ни иностранный университетский диплом,

ни ученая степень, полученная в другом государстве, не помогут при поиске работы здесь, в Германии. И я решил получить еще один, на этот раз немецкий документ о профессиональном образовании. Только тогда можно было хоть на что-то надеяться при поиске работы.

Но легко сказать – получить еще одно образование! Когда я первый раз завел об этом речь в ведомстве по труду (по-немецки оно называется *арбайтсамт*), то чиновник просто высмеял меня. «О какой учебе вы говорите, – поражался он. – Вам за пятьдесят, какой работодатель даст вам работу? Обучать вас бесполезно, мы не можем впустую тратить государственные деньги».

Все же я был настойчив, пошел на прием к начальнику моего чиновника, потом – к начальнику этого начальника, и, в конце концов, добился хоть какого-то успеха. Нет, меня не послали сразу учиться. Сначала я должен был выдержать специальный экзамен, чтобы доказать, что я в состоянии воспринимать новые знания.

Экзамен состоял из серии психологических тестов, проверявших способность логически мыслить, запоминать и анализировать информацию, умение грамотно излагать свои мысли на немецком языке. К счастью, решать логические задачи я сам учил своих учеников в различных математических кружках – от школьных до университетских, – которыми руководил, когда учился и работал в Московском государственном университете. Благодаря этим навыкам испытание *арбайтсамта* я успешно выдержал и доказал свою способность учиться.

Теперь нужно было найти институт, готовый взять меня на обучение. И это оказалось непростой задачей. Институты так же устраивали тестирование претендентов и неохотно принимали в число студентов немолодых людей. Мне пришлось еще несколько раз проходить экзамены на профпригодность, причем ни один из них не был похож на другой. Запомнился экзамен в Гамбурге, который устраивала знаменитая немецкая фирма «Сименс». Испытания продолжались восемь часов, на решение задачи давалась минута, один тест сменял другой как картинки в калейдоскопе.

Тот экзамен я выдержал, и мне было предложено переезжать в Гамбург с семьей, но на домашнем совете было решено от выгодного предложения отказаться – очень уж не хотелось расставаться с уютным Ганновером, где сын только-только пробился в гимназию, обзавелся первыми друзьями...

Поиски подходящего вуза пришлось продолжить. И они, в конце концов, дали результат. Нашелся институт повышения квалификации программистов и специалистов по банкам данных в Ганновере. Снова пройдя вступительный экзамен, я попал в число студентов.

Обучение было рассчитано на год: десять месяцев продолжались лекции и семинары по различным курсам, периодически проводились контрольные работы и экзамены, а два последних месяца были отведены под обязательную практику на каком-то предприятии. Лекции и контрольные работы не вызывали у меня больших проблем, я ведь сам «в прошлой жизни» был и математиком, и программистом. Первую программу написал еще студентом в 1965 году. Думал ли я тогда, что и через тридцать, и через сорок лет буду заниматься тем же?

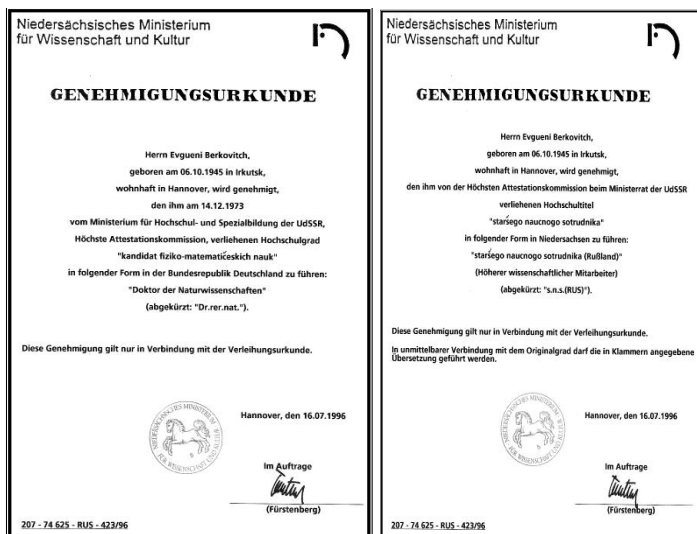
Тридцать лет в программировании – немыслимо большой срок! За это время успели смениться не только несколько поколений вычислительных машин, появились персональные компьютеры, изменились языки программирования... Важнее, что несколько раз менялся сам подход к составлению программ, так сказать, радикально изменялось мышление программистов. Изменить стиль мышления труднее всего, поэтому, как правило, новую компьютерную парадигму осваивает новое поколение. А старые программисты либо уходят на пенсию, либо становятся начальниками.

В последние годы перед отъездом сам я уже не занимался составлением программ: поднявшись по служебной лестнице, только ставил программистам задачи и принимал от них готовую продукцию. Тем интереснее было теперь самому вникать в детали давно знакомого дела.

Восемь месяцев пролетели незаметно, в свидетельстве об успеваемости у меня были только «зер гут», что значит «отлично». Но проблема неожиданно возникла на

заключительном этапе обучения – я никак не мог найти предприятие, готовое принять меня на два месяца практикантом. Зарплата практиканту не полагалась, но никто не рисковал взять даже на такой короткий срок немолодого человека, да еще с докторской степенью.

К этому времени местное министерство науки и образования подтвердило мой диплом кандидата физико-математических наук и присвоило аналогичную немецкую степень «доктора естествознания».

Документы по присвоении докторской степени и звания «старший научный сотрудник»

Здесь надо пояснить, что в Германии к званию «доктор» совершенно особое отношение, не имеющее аналогов в других странах. С момента присвоения это звание сопровождает человека по жизни, словно личный дворянский титул. Оно фигурирует во всех официальных документах, стоит в паспорте и на почтовом ящике, в счетах за свет или в водительских правах. При устном или письменном обращении к человеку, обладающему таким званием, нужно обязательно указывать «господин (или госпожа) доктор». Обратиться просто по фамилии могут только знакомые –

соседи или сослуживцы, а по имени – лишь близкие приятели, например, по спортивной команде.

Я еще не до конца тогда понимал эти тонкости, поэтому был крайне удивлен и раздосадован, когда на десятки моих писем с предложением взять на двухмесячную бесплатную практику неизменно получал вежливые отказы. Никто не предлагал даже встретиться. Но однажды счастье улыбнулось, и директор одной компьютерной фирмы с ничего не говорящим мне названием «Профиль» пригласил меня на собеседование.

С собой я взял, как положено, переведенные на немецкий язык все мои документы об образовании, начиная со школьного аттестата зрелости и кончая дипломом старшего научного сотрудника. Прихватил и свидетельства из немецкого института. Поразившись однообразию оценок – сплошь «зер гут» – и поговорив о моем опыте предыдущей работы, директор вдруг сделал предложение, которого я никак не ожидал. Подтвердив, что взять доктора на практику никак не может, он, тем не менее, предложил принять меня на постоянную работу к себе на фирму.

Я тогда еще не знал всей подоплеки этого решения, поэтому воспринял предложение как необыкновенный подарок судьбы. Действительно, многие ищущие работу считают за счастье даже временный контракт – на год или два. А здесь мне предложили бессрочный договор (на самом деле, как принято в Германии, до достижения пенсионного возраста, тогда это было 65 лет), да еще с очень приличным окладом (по моим тогдашним представлениям, конечно). Мне дали неделю на оформление всех формальностей с институтом, больничной кассой, медицинским освидетельствованием и пр. И в следующий понедельник я должен был к девяти часам прибыть на работу по указанному мне новому адресу.

Я еще не знал, какое испытание готовит мне судьба, поэтому всю неделю провел на седьмом небе от счастья. В назначенный день и час – как сейчас помню, это было 28 июля 1997 года – я стоял у входной двери незнакомого мне предприятия, которое, судя по названию «Финансовая информатика», специализировалось на обработке банковских

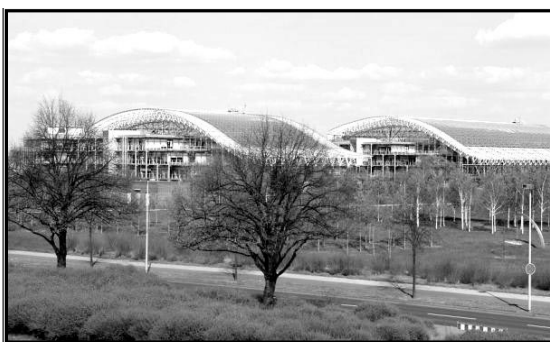
данных (название фирмы несколько раз менялось, я использую одно из последних). Стараясь скрыть волнение, я успокаивал себя тем, что новичку обычно дается время, чтобы войти в курс дела и освоиться в новом коллективе, поэтому и задания ему поручают не очень сложные. Однако все произошло совсем не так, как я себе представлял.

Меня уже ждали, и после короткого знакомства и обычных формальностей провели на первое совещание у руководства компании.

В чем же состояла Ваша работа?

Чтобы дальнейшее стало понятным, я должен пояснить, что стояло за приемом меня на работу в фирму «Профиль» и почему я оказался в «Финансовой информатике» («ФИ»).

Научно-производственная компания «ФИ» уже тогда была одной из крупнейших в немецкой информатике – она обладала самым большим в Европе вычислительным центром и обеспечивала машинную обработку данных всех сберегательных касс (по-немецки *шпаркасс*) севера и востока Германии. В ее штате тогда было более восьмисот высококлассных специалистов – математиков, программистов, экономистов и инженеров (сейчас компания монопольно обслуживает уже все *шпаркассы* Германии, в ней работает пять с половиной тысяч исследователей и разработчиков). И, тем не менее, в том 1997 году время поставило перед компанией задачу, которую ее сотрудники решить не смогли. Речь шла о том, чтобы внедрить в повседневную практику разработчиков модный тогда стиль программирования, называемый «объектно-ориентированным».

Фрагменты здания «ФИ», построенного в 2000 г.

Основу вычислительного центра «ФИ», спрятанного глубоко под землей, составляют супер-ЭВМ фирмы ИБМ. Для подобных «больших» ЭВМ, только на порядки менее производительных, я писал свои первые программы в далеком 1965 году, когда еще никаких языков программирования не было. Банковские операции требуют особой осторожности в обработке данных. Поэтому на ЭВМ компании «ФИ» тогда были официально разрешены к использованию в производственном режиме только относительно старые языки программирования, созданные так давно, когда об объектной ориентированности никто и не думал. Задача, которую хотела решить компания, состояла в том, чтобы совместить несовместимое: на старых языках программирования реализовать особенности нового стиля, которые до того реализовать не удавалось. Ведь именно поэтому впоследствии были созданы специальные «объектно-ориентированные языки», которые на машинах «ФИ» не были допущены в производство.

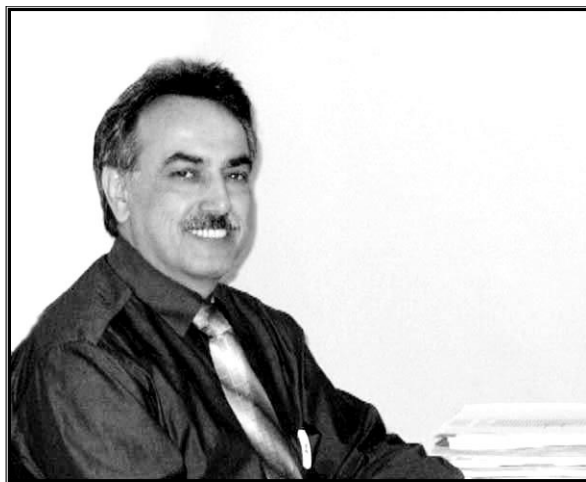
Когда выяснилось, что своими силами с этой задачей справиться не удастся, руководство компании решило пригласить бригаду «варягов» – группу сторонних специалистов на временную работу для решения именно этой проблемы. Учитывая необычность и сложность поставленной задачи, дирекция «ФИ» выдвинула требование, чтобы научным руководителем этой группы был обязательно доктор наук.

Двух молодых ребят, хорошо владевших новым стилем программирования, удалось быстро найти. А вот отыскать подходящего доктора наук оказалось нелегко. Тогда во многие компьютерные компании Германии был отправлен запрос, нет ли у них доктора наук, которого можно было откомандировать в «ФИ» для решения одной интересной научно-технической задачи?

Такой запрос лежал на столе у директора «Профиля», когда он пригласил меня для разговора. У находчивого директора родилась смелая идея – взять так кстати подвернувшегося доктора наук в штат своей фирмы и тут же откомандировать его для работы в «ФИ». Для «Профиля» эта операция сулила определенную прибыль – за доктора «ФИ»

готова была платить немалые деньги. А как будет выкручиваться из этой авантюры несчастный доктор – никого особенно не волновало, на то он и доктор, чтобы решать трудные задачи.

Так опять по воле случая я неожиданно для себя оказался сотрудником двух компаний – постоянным сотрудником «Профиля» и временным сотрудником «ФИ». А о том, что мне предстоит руководить сложным научно-техническим проектом, директор «Профиля» мне предусмотрительно не сказал, об этом я узнал в свой первый рабочий день. Что мне нужно делать, я совершенно не представлял, а срок был поставлен жесткий – через шесть месяцев показать принципиальную возможность и путь решения проблемы.

На рабочем месте

Положение усугублялось тем, что мое знание немецкого языка все еще оставляло желать лучшего. Например, я с трудом воспринимал произносимые вслух числительные. В немецком двузначные числа называются не так, как в других европейских языках – сначала десятки, потом единицы, например, двадцать пять. Немцы это число называют «пять и двадцать». Когда на первых производственных совещаниях докладчик объявлял:

«Откройте документацию на триста семьдесят четвертой странице», я так долго соображал, о какой странице идет речь, что пока я ее открывал, все уже переходили к следующему пункту доклада.

Одновременно нужно было еще привыкнуть к незнакомым мне рабочим условиям, осваивать непривычные электронные средства общения, множество новых программ и процессов. И знакомиться с коллегами, входить в общий рабочий ритм.

Мое психологическое состояние тогда было близким к срыву. Положение казалось безвыходным. Я был похож на спортсмена, который пришел на разминку, а ему поставили непереносимое условие побить мировой рекорд. Рухнули мои надежды в щадящем режиме постепенно войти в курс дела. От меня ждали прорыва в незнакомой для меня области, и времени оставалось немного.

Первые два месяца работы в «ФИ» оказались самыми трудными в моей производственной жизни. Порой я терял надежду, что выберусь из ловушки, в которую попал. И здесь незаменимыми оказались понимание и поддержка семьи. Вообще в эмиграции моральная поддержка близких людей часто играет решающую роль.

Я решил руководствоваться старым и проверенным принципом: делай, что можешь, и пусть будет, что будет. А что я мог? Прежде всего, нужно было погрузиться в суть проблемы, понять, как развивался новый подход, каким путем шли его создатели.

Накупив целую библиотеку книг по объектно-ориентированному проектированию, я после работы до ночи штудировал толстенные тома. И однажды спасительная идея пришла.

Утром мы обсудили ее с моими молодыми коллегами по «бригаде», которые уже истосковались по программированию, но не знали, что именно они должны делать. Теперь появился свет в конце тоннеля. Предложенный подход мы реализовали сначала на нескольких простых моделях, и к концу первых шести месяцев, отведенных нам для работы в «ФИ», стало ясно, что идея работает! Нам продлили договор еще на полгода, а

потом мне предложили перейти в «ФИ» уже в качестве постоянного сотрудника компании. В то время я был чуть ли не единственным выходцем из России, принятым в штат фирмы.

На рабочем совещании

Так я попал в эту крупнейшую в своей отрасли компанию, где проработал еще двенадцать лет вплоть до достижения предельного возраста 65 лет. За это время я занимался разными задачами, предложил и возглавил новое направление в работе компании, связанное с банками данных. Но та первая разработка *«генератора объектно-ориентированных программ»* мне особенно дорога. Она, кстати, до сих пор на вооружении программистов «ФИ», которые сейчас и не подозревают, в какой напряженной обстановке этот генератор создавался.

Как Вас встретили в новом коллективе?

Как в любом коллективе встречают новичка? Сначала немного настороженно, а потом либо принимают, либо нет. Мне повезло, я попал в хороший коллектив, где считалось нормой поддерживать друг друга. Этот стиль взаимоотношений сотрудников, когда они ощущают себя членами одной команды, дорогого стоит! Всегда можно обратиться к коллеге с вопросом, если что-то не получается, но и сам будь готов поддержать товарища.

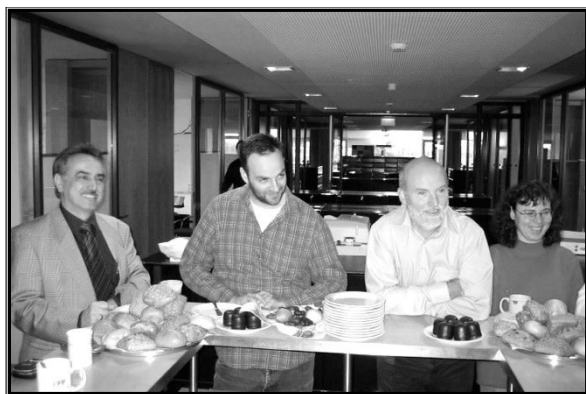

С коллегами

Не могу утверждать, что так обстоит дело везде, слышал и жалобы на то, что в каких-то организациях каждый

думает только о себе и не стремится помогать другим. Но это свойственно, наверно, не одной Германии. Люди, по большому счету, везде одинаковы, и задача руководителя так организовать работу, чтобы поощрять достоинства сотрудников и не давать воли их недостаткам.

Меня с первых дней поражала техническая оснащенность рабочего места, очень, кстати сказать, дорогого. Это одна из причин, почему наша компания первой из всех немецких компаний перешла на совершенно новую организацию работы, внедрила так называемую концепцию «офиса 21», т. е. офиса двадцать первого века.

У каждого отдела есть зона отдыха, где чай и кофе бесплатны

В «офисе-21» сотрудники не имели постоянного рабочего места. Каждое утро они приходили в свой отдел и занимали одно из свободных мест. Как в клубе, где места не закреплены за его членами. Можно было выбрать отдельный кабинет, комнату на двоих, троих или стол в общем зале.

Вначале это было непривычно, но потом выяснились и преимущества. Рабочие места не пустовали, как было раньше, когда сотрудник в отпуске, командировке или болеет. При новой организации легче учесть характер текущего задания: для сосредоточенной работы предпочтительнее отдельный кабинет, для обсуждений проекта лучше двум-трем участникам сесть вместе...

Мероприятия по укреплению коллективизма

Как и во многих советских учреждениях, дни рождения и другие памятные даты отмечались подарками и совместными чаепитиями. Ежемесячно отделом отправлялись на какое-нибудь мероприятие с целью, как это официально звучало, «укрепления коллективизма». Это могло быть посещение зоопарка или катание на лодках по озеру, но заканчивалось оно обязательной дегустацией пива и закусок в каком-нибудь ресторанчике.

В целом, годы работы в «ФИ» можно охарактеризовать универсальной формулой счастья: утром торопишься на работу, а вечером – домой!

Многим ли нашим соотечественникам удалось достичь успеха в новой для них стране, вжиться в новую культуру?

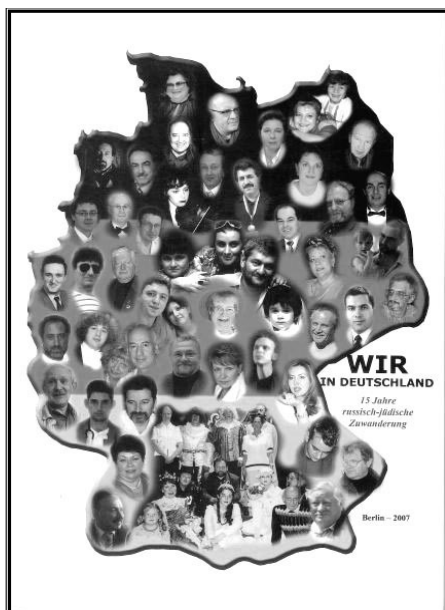
До Катастрофы, которую принес Гитлер Германии и миру, выходцы из России занимали видное место в стране, в начале двадцатого века в ходу было выражение «русский Берлин».

Когда мы приехали в Ганновер, то в местной консерватории тон задавали два профессора из Москвы, попавшие в Германию еще в семидесятых годах. Одним из них был великий пианист Владимир Крайнев, к сожалению, недавно ушедший. Мы были с ним хорошо знакомы.

Но если говорить об иммигрантах девяностых годов, то из них вошли в немецкое общество и заняли достойное место в ее экономике и культуре лишь немногие. По данным социологических исследований, проведенных известным историком Павлом Поляном, в этом контингенте доля лиц, работавших по найму полный рабочий день, составляла в 2005 году всего 18,8 %. Это даже ниже, чем число пенсионеров и лиц пенсионного возраста, находящихся на базовом обеспечении (22,2%). Т.е. постоянную работу смог найти только каждый пятый-шестой человек из числа приехавших. Собственное дело открыло примерно 2,7 % иммигрантов этой волны.

В книге «Мы в Германии», изданной на двух языках – немецком и русском – в 2007 году, к пятнадцатой годовщине начала еврейской эмиграции в Германию, приведены

интервью с сорока представителями этой волны, чего-то добившихся в новой стране. Большинство из них врачи, музыканты или бизнесмены. Служащих мало. Кроме меня, в книгу попали один инженер строительной фирмы, один рабочий-сборщик авиационных двигателей и двое молодых людей, работавших на кафедрах в университетах, которые недавно окончили.

«Мы в Германии»

Но это положение 2007 года. С тех пор многое изменилось. Прошли связку «гимназия-университет» дети людей, приехавших в девяностые годы. И это новое поколение сразу выдвинулось на высокие позиции в самых престижных областях экономики, науки, культуры. Замечу, что процент окончивших университет среди детей еврейских иммигрантов самый высокий в Германии, он выше даже, чем у коренных немцев. Те, как правило, предпочитают более короткий путь к самостоятельной жизни – через производственное обучение, а не через гимназию и университет. Ведь в гимназии учатся на три года дольше, чем

в обычной десятилетке. Да еще 5-6 лет университета! Человек, поступающий на работу после школы и получающий дальнейшее образование без отрыва от производства, начинает приносить домой зарплату на 8-9 лет раньше выпускника университета.

Я упоминал, что был одним из первых выходцев из России, кто попал в штат компании «ФИ». Сейчас число молодых специалистов, приехавших из России детьми и недавно окончивших вузы Германии, исчисляется в компании десятками.

Можно привести и другой пример, который знаю не понаслышке. Мой младший сын, которому было тринадцать лет, когда мы приехали в Германию, окончил гимназию и следом за ней Ганноверский университет, получил диплом по математике. Сейчас работает в математическом отделении крупной страховой компании.

На первый курс математического факультета вместе с ним записалось примерно 450 студентов. Через год половина отсеялась, а к диплому подошли только одиннадцать человек! Так вот, среди этих одиннадцати счастливиц было четверо, родители которых приехали в страну с волной эмиграции девяностых годов. Необыкновенно высокий процент!

Сын сохранил хороший русский язык, надеюсь, что и с внуками можно будет общаться по-русски. Я считаю это важным.

Есть что-то, чего Вам здесь не хватает? Как в духовном, так и материальном плане, может даже гастрономическом?

В век глобализации, когда границы между государствами теряют свое разделяющее значение, трудно придумать желание, которое невозможно выполнить из-за того, что живешь в каком-то определенном месте.

Но когда мы только приехали в Германию и жили несколько месяцев в городе Шверине, я задал себе тот же вопрос, что и вы мне сейчас. И в шутку отвечал себе тогда так: по сравнению с Москвой мне не хватает трех вещей, к которым я привык: кефира на завтрак, фиолетовых чернил для авторучки и радиостанции «Эхо Москвы».

Вопрос с кефиром быстро отпал, так как в магазинах обнаружилось необъятное множество различных сортов этого продукта. После переезда в Ганновер нашлись в больших канцелярских магазинах и фиолетовые чернила, да надобность в них скоро исчезла – моя любимая авторучка с золотым пером уже много лет лежит в ящике стола сухой, компьютеризация сделала рукописи ненужными.

Дольше других продержалась тоска по «Эху Москвы», так как вещает радиостанция на средних волнах, недоступных в Германии, а на коротких волнах ее не было слышно. Но с развитием интернета и эта проблема перестала существовать. Теперь не только сотни радиостанций стали доступными через компьютер, но и десятки российских телеканалов спокойно принимаются из мировой сети.

Правда, одна гастрономическая мечта осталась в Германии неудовлетворенной: ни в одном магазине я не смог найти навагу. В Советском Союзе она была двух видов: североатлантическая и дальневосточная. Здесь же, при обилии разных других видов рыб, навага мне не попадалась никогда. Правда, в последние годы, приезжая в Москву, я и там находил ее с большим трудом.

Есть ли объединения соотечественников в Вашей стране? Вообще, есть ли некое русскоязычное культурное поле в стране?

На оба эти вопроса можно ответить утвердительно. Культурная программа для русскоговорящей публики насыщена так, что иногда кажется, будто российские артисты чаще выступают в Германии, чем дома. В театрах во время выступлений коллективов из России обычно аншлаг. Русские экскурсионные бюро, русские продовольственные магазины, фирмы, внедряющие различные системы российского кабельного и спутникового телевидения, можно найти в любом районе города. Во многих аптеках, мастерских, лечебных учреждениях с клиентами говорят по-русски.

Объединений соотечественников множество. Есть Толстовское общество, разные землячества русских немцев, имеются и еврейские общины, в которых преобладают, естественно, русскоязычные члены. Известный анекдот:

сколько синагог строит еврей на необитаемом острове? Ответ: две. В одной он молится по субботам, а в другую – ни ногой! Так вот, в сравнительно небольшом Ганновере целых четыре еврейских общины.

В Еврейской библиотеке Ганновера, 2009 г.
Фото Татьяны Корсунской

В здании одной из них группа энтузиастов решила создать Еврейскую библиотеку Ганновера. Подчеркну, что не библиотеку общины, чем никого не удивишь, а именно самостоятельную городскую библиотеку, входящую в объединенную сеть немецких библиотек с единым каталогом имеющихся в хранилище книг. Книги собираются на четырех языках, один из которых русский.

Я вхожу в правление этой библиотеки и знаю, каких усилий стоило ее открытие, состоявшееся 10 мая этого года.

В Еврейской библиотеке Ганновера

Этот день я предложил два года назад для открытия не случайно – именно 10 мая 1933 года на площадях Германии сжигали книги, главным образом, еврейских авторов в рамках проводимой национал-социалистическим студенчеством акции «в защиту немецкого духа». Символично, что именно 10 мая открылась еврейская библиотека – нацистам не удалось достичь их целей, а еврейская жизнь в Европе продолжается и развивается.

Подготовительная работа велась три года. Библиотека имеет свое помещение в два этажа с лифтом, рассчитана на

хранение примерно двадцати тысяч книг. Сейчас собрано, обработано и введено в единый компьютерный каталог около пяти тысяч. Из них несколько сотен – на русском языке. Среди книг есть настоящие раритеты.

В библиотеке проводятся различные культурные мероприятия. В частности, я уже два года руковожу Ганноверским семинаром «Еврейская история и культура», занятия которого проходят в помещении библиотеки ежемесячно.

История и культура теперь для Вас не абстрактные понятия, а новая область деятельности. Когда это началось?

Почти сразу после приезда в Германию, как только первые трудности с устройством на работу были преодолены. Историю я любил всегда. Еще в Москве собрал довольно интересную библиотеку по античной, русской и еврейской истории. Писать что-то «гуманитарное» в России, честно говоря, не приходило в голову, сочинял в основном тексты по основной специальности – на математические и кибернетические темы. Исторические очерки стал писать только в Германии. И толчком послужил забавный факт: в Ганновере есть улица Берковича. Для Израиля это не удивительно, а вот в немецком городе такое название редкость.

С очерка «Человек первого часа», в котором я описал историю ганноверских Берковичей, и начались мои «Заметки по еврейской истории». Так называлась моя первая книга, изданная в Москве и в Ганновере в 2000 году. Затем появилась серия работ, посвященных героям, праведникам и другим людям во времена Холокоста. Очерки были собраны в мою вторую книгу «Банальность добра». Книга выходила два раза в Москве (2003 и 2009 годы) и продолжает вызывать много споров и дискуссий, в ней с непривычной стороны раскрывается история Катастрофы.

По материалам книги я написал сценарий документального фильма «Вопросы к Богу» о немцах, которые помогали евреям в годы Холокоста. Фильм был снят

на московской студии документальных фильмов «Параджанов-фильм» в 2005 году.

Кроме этой темы меня в последние годы очень интересует история науки, прежде всего, математики, роль в этой истории еврейских ученых. И еще одна проблема весьма занимает меня: смятение умов, поражающее интеллектуальную элиту общества в годы исторических сдвигов, например, при установлении диктатуры. Пример Томаса Манна, допускавшего необъяснимые, казалось бы, ошибки в оценке первых шагов нацизма, весьма показателен.

К этим писательским опытам отношусь серьезно, и меня радует, что они находят признание профессионалов, их публикуют такие издания, как «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Нева», «Историко-математические исследования» и прочие «толстые» журналы.

С «Заметками по еврейской истории» связан и мой выход в интернет. Сначала я разместил очерки из этой книги на своем сайте (www.berkovich-zametki.com), чтобы их могли прочитать те, кому не досталась книга. Читатели присылали мне свои отзывы, замечания, свои статьи на близкие темы. Тогда и родилась идея периодического журнала, который стал называться, как и книга, «Заметками». Первый номер журнала вышел в декабре 2001. А сейчас число номеров превысило полторы сотни. Кроме «Заметок» также ежемесячно выходит журнал «Семь искусств» (www.7iskusstv.com). И каждый квартал видит свет свежий выпуск альманаха «Еврейская Старина».

Все три издания популярны, привлекают достойных авторов, их читают десятки тысяч читателей из разных стран мира. Тут работают законы обратной связи: чем интереснее журнал, тем шире его читательская аудитория, тем больше новых авторов предлагают свои работы, что делает журнал еще интереснее, а это опять увеличивает его известность и расширяет круг читателей и так далее, пока хватает сил...

Так неожиданно в мой послужной список добавилась новая профессия – главный редактор сетевых журналов. Остается надеяться, что один из основоположников Львовской математической школы Гуго Штейнгауз не

слишком ошибался, когда утверждал: «Если двум людям поручить новое дело, то лучше с ним справится математик».

Русскоязычная пресса Вам встречалась?

Конечно, в Германии издается большое число русскоязычных газет, которые популярны, в основном, у пожилых читателей, не освоивших немецкий язык и не получивших навыков работы в интернете.

Сейчас лидируют в этом секторе рынка два издательских дома – «Русская Германия» Бориса и Дмитрия Фельдманов и «Вернер Медиа» Николая Вернера. При всех различиях выпускаемых ими газет и журналов у них есть много общего: вторичность большинства публикуемых материалов. К сожалению, это свойство почти всех русскоязычных СМИ, выпускаемых вне России. Более половины всей площади любой эмигрантской газеты занимают тексты, либо перепечатанные из российских изданий, либо скопированные из интернета. И это, увы, неискоренимый недостаток подобных изданий.

Их аудитория становится с каждым годом все малочисленней, средств для развития и роста не хватает, вот и приходится экономить на ярких авторах, заменяя оригинальные работы простой копией. Насколько я знаю, несколько лучше обстоит дело с русскоязычной прессой в США и в Израиле, но и там невозможно полностью избавиться от клейма провинциальности и вторичности.

Совсем иная картина наблюдается в интернете. Именно тут по-настоящему расцветают оригинальные издания, здесь простор талантливым авторам. В наших журналах мы не публикуем ни одной работы, которая уже появилась в каком-то сетевом издании, на которую можно просто дать ссылку.

Именно интернет-издания, доступные поверх всех государственных границ читателям всех стран, – вот, по моему мнению, будущее русскоязычной прессы во всем мире.

Вы чувствуете какие-либо перемены в сознании, в менталитете?

Нет, человек мало меняется от передвижений в пространстве. Движение во времени сильнее меняет характер. Но от этого не застрахован никто, где бы он ни жил. А от переезда в другую страну ни трудоголик не перестает быть вечно занятым, ни лентяй не слезет с дивана, пока его не клюнет жареный петух.

Про Вашу страну существует ряд клише, стереотипов, домыслов. Насколько картинка в СМИ отличается от того, что на самом деле? Ваша страна, она какая?

Я расскажу только об одном широко распространенном стереотипе, который я считаю весьма опасным. Речь идет о так называемом врожденном немецком антисемитизме.

Катастрофа европейского еврейства, которую называют Шоа, или Холокост, – незаживающая рана в сердце любого еврея, тем более, в Германии. То, что произошло в течение двенадцати лет двадцатого века, пока Гитлер был у власти, забыть невозможно.

Но и немцы это не забывают. Государство делает много, чтобы память о преступлениях нацистов сохранялась у новых поколений граждан. Уроки истории Холокоста – в обязательной школьной программе. О Катастрофе пишут книги, снимают фильмы, делают телевизионные передачи. Программа приема евреев из бывшего СССР в 1990-2005 годах, – одно из действий немецкого правительства, направленное на восстановление нормальной еврейской жизни в стране.

До сих пор историки спорят о том, в чем причина Холокоста. С легкой руки американского историка Даниэля Гольдхагена широко распространился миф о том, что главной причиной Холокоста был врожденный немецкий антисемитизм. Я считаю это псевдонаучным домыслом, исторически необоснованным и неверным.

Нацизм пришел к власти в результате многих причин. Антисемитизм сыграл тут свою роль, но далеко не главную. Если бы в начале двадцатого века экспертов – историков и социологов – спросили, в какой стране положение для евреев

складывается наиболее неблагоприятно, где опаснее всего им жить, то большинство назвали бы не Германию, а другие страны. Антисемитизм во Франции во времена «дела Дрейфуса» был куда более свирепым, чем у немцев. Погромы в России и в Польше грозили жизни евреям значительно больше, чем антисемитские выходки в Германии.

Пока партия национал-социалистов была немногочисленной группой маргиналов, Гитлер всячески выпячивал свою звериную ненависть к евреям, выставял их источником всех бед Германии. Ведь таким образом он мог привлечь в НСДАП новых членов из таких же, как он, юдофобов. Но вот в 1930 году у нацистской партии впервые появилась возможность завоевать большинство в парламенте. К предвыборной борьбе тщательно готовились, специально подготовили партийный Манифест, составленный при непосредственном участии вождя партии. Сторонникам версии Гольдхагена должно показаться странным, что в этом документе не было ни слова о евреях! А ничего странного тут нет. Когда встала задача завоевать голоса не маргиналов, а простых немцев, хитрый политик Гитлер не стал выпячивать свою ненависть к евреям, понимая, что этим он не только не привлечет массового избирателя, но, напротив, оттолкнет от себя нормальных граждан. Проблемы экономики для рядового немца были куда ближе и понятней, чем расовый антисемитизм верхушки национал-социалистической партии. И именно на этом, а не на врожденной антипатии к евреям, и сыграл Гитлер во время исторических выборов в сентябре 1930 года. Будь концепция Гольдхагена верной, будущий фюрер использовал бы в предвыборном Манифесте совсем другие аргументы.

И еще один исторический пример, опровергающий миф о немецком врожденном антисемитизме: Первой общегосударственной акцией против евреев стал бойкот еврейских предприятий, назначенный на первое апреля 1933 года, через неделю после того, как Гитлер получил права диктатора. К проведению акции был привлечен весь государственный аппарат, все силы национал-социалистической партии. Каков был бы результат «операции», если бы немцы действительно так относились к

евреям, как это описывает Гольдхаген? Только один – всенародная поддержка и безоговорочный успех акции. Что же произошло на деле? Операция фактически провалилась и была свернута в один день, лишь в отдельных местах длилась три-четыре дня.

Но вот о другой антиеврейской акции – всегерманском погроме, получившем название «Хрустальная ночь», с 9 на 10 ноября 1938 года, можно сказать, что он прошел без существенных возражений со стороны немецкого населения. Т.е. пять лет интенсивной и ежедневной антиеврейской пропаганды – в газетах, книгах, журналах, в кино, на радио – сделали свое дело: негативное отношение в народе к евреям было выращено и закреплено.

Этот пример важен еще одним своим следствием: он показывает, как легко в тоталитарном государстве «промываются мозги», как быстро можно изменить так называемый «менталитет народа». Из других социальных экспериментов, поставленных историей, мы знаем, что немецкий народ тут не исключение.

Миф о врожденном немецком антисемитизме я считаю чрезвычайно опасным, так как он уводит внимание от истинных причин Катастрофы и делает возможным ее повторение в других местах.

Конечно, никто не может дать стопроцентную гарантию, что нацисты снова не придут где-нибудь к власти. Но в Германии, уже переболевшей коричневой чумой, рецидив болезни менее вероятен. Немцы очень внимательно следят за нацистской угрозой, и на демонстрацию нескольких десятков неонацистов выходят с протестом на улицы тысячи людей.

Признание всех немцев, в том числе, родившихся через два-три поколения после войны, ответственными за Холокост, сродни любимой идее Гитлера об ответственности евреев за все зло на земле. На самом деле, не бывает «народов-преступников», как не бывает и «народов-праведников».

Что бы Вы сказали тем, кто собирается покинуть Родину? Может быть, от чего-то предостеречь, что-то посоветовать?

Внешне эмиграция в развитую страну выглядит заманчиво: вокруг высокий уровень жизни, цивилизация, комфорт... На самом деле, эмиграция – тяжелое испытание, и нужно обладать немалым запасом жизненных сил, упорства и настойчивости, чтобы преодолеть различные «барьеры» на пути в новое общество. В стране родного языка значительно проще реализовать себя, не испытывая страшных «перегрузок».

По поводу благ, открывающихся в эмиграции, мне вспоминается старый анекдот про Золотую рыбку, которая была готова выполнить любое желание. «Хочу быть Героем Советского Союза», – попросил однажды человек. Рыбка махнула хвостом, и человек оказался в окопе, в руках гранаты, а на него шел немецкий танк.

Кто думает, что эмиграция сама по себе обеспечивает красивую жизнь, ошибается. Но кто готов испытать себя в непростых условиях, кто готов начать новую жизнь, должен верить: дорогу осилит идущий.

Интервью шестое – 2015 г.

Ирина Чайковская
(«Чайка», США)

Дюжина вопросов Евгению Берковичу, или Старые песни о главном

Дорогой Евгений, ваша редакторская работа в интернете – издание журналов «Семь искусств», «Еврейская старина» – принесла Вам успех. Сколько читателей, если это не секрет, посещает ваши издания ежедневно? Ожидали ли Вы, когда начинали это дело, что оно примет такой широкий оборот? В чем Вы видите причину такой популярности?

Позвольте, прежде всего, уточнить Ваш вопрос, чтобы наш разговор был предметным. «Еврейская Старина» – не журнал, а альманах, как и его знаменитый предшественник-тезка, издававшийся в начале двадцатого века выдающимся историком Шимоном Дубновым. Кроме упомянутых Вами изданий, мы с 2001 года выпускаем в свет «Заметки по еврейской истории» – один из старейших сетевых журналов этой тематики, и сравнительно новый и не совсем обычный продукт – журнал-газету «Мастерская». В общей сложности во всех наших четырех изданиях в месяц публикуются более сотни оригинальных, серьезных статей на самые разные темы.

Вы правы, издания пользуются популярностью, вокруг них сложился достаточно широкий круг постоянных читателей, с каждым номером растет число авторов, которых насчитывается уже более двух тысяч. Среди них есть люди, впервые взявшиеся за перо, но большинство – известные мастера своего дела, ведущие специалисты в той или иной области.

Что касается числа читателей, его по-разному оценивают различные счетчики, установленные на сайте. Например, счетчик mail.ru дает в среднем полторы тысячи читателей в день и около тридцати пяти тысяч в месяц. Статистика у нас открытая, так что каждый, кто захочет,

может в любой момент получить точные числа. Должен подчеркнуть, что я никогда не придавал количеству читателей особого значения. Этот показатель для меня не играет определяющей роли. Главным является **репутация** изданий, а посещаемость сайта – это не цель, а побочный результат: с ростом репутации растет число серьезных читателей.

Евгений Беркович, 2015. Фото Михаила Галяна

Что Вы понимаете под «репутацией»?

Репутация – это трудно определяемая, но большинству людей понятная категория. Для меня важно, чтобы журналы и альманахи отвечали своим целям и соответствовали высоким требованиям интеллигентных посетителей портала. Это определяет и отбор материала, и требования к авторам. Обязательным условием является оригинальность присланной работы, она не должна быть уже опубликованной в том же виде в другом сетевом издании. Зачем повторять то, на что можно просто дать ссылку?

По мне репутация важнее посещаемости. Наш читатель знает: то, что он найдет в «Заметках» или в «Семи

искусствах», это оригинальные работы, присланные в редакцию авторами. Потом уже наши статьи появятся на сотнях сайтов, в личных блогах и журналах, в социальных сетях. Чаще всего, даже без ссылки на первоисточник, а то и без указания автора. Тут трудно что-либо поделать, в русскоязычном интернете понятие «авторского права» пока не прижилось. Остается утешаться старой истиной: «плохое не воруют».

С друзьями-студентами физфака МГУ, 1967 год

Получается, что Вы един в нескольких лицах, – ученый-математик, руководитель проекта в крупной немецкой компании, публицист, писатель, издатель. Когда Вас спрашивают про род вашей деятельности, что Вы отвечаете? Кем Вы сами себя воспринимаете в первую очередь?

Называть себя «ученым» или «писателем», с моей точки зрения, дурной вкус. Это все равно, что говорить «мое творчество» или «я кушаю». Лев Давыдович Ландау возмущался, когда кто-то называл себя «ученым». «Это кот бывает ученым, а мы научные работники», – говорил он.

Собственно математикой я активно занимался в первое десятилетие своей самостоятельной жизни, учась и работая в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Это были счастливые и продуктивные годы. Мне удалось получить несколько новых результатов, сейчас я их

в двух словах перечислю, не пугайтесь ученых терминов: построил общую теорию аппроксимации экстремальных задач, предложил и исследовал ряд моделей принятия оптимальных решений в условиях неопределенности, разработал методы их численного решения... Опубликовал несколько десятков статей в серьезных научных журналах, защитил диссертацию на факультете Вычислительной математики и кибернетики МГУ, читал спецкурсы для студентов и аспирантов-математиков, лекции на факультете повышения квалификации инженеров.

В турпоходе в Пушкинские горы, 1968 г.

Не знаю, к сожалению или к счастью, но остаться на всю жизнь исследователем-математиком и преподавателем не получилось, сказала усилившаяся тогда после войн на Ближнем Востоке 1967 и 1973 годов кампания государственного антисемитизма в Советском Союзе. Оглядываясь назад, поражаюсь, в каком театре абсурда мы участвовали, в каком кафкианском мире жили! Современной молодежи трудно объяснить, почему серьезная научно-исследовательская организация всеми силами стремится избавиться от своего молодого научного сотрудника, который ни в чем не провинился, имеет только благодарности и премии за хорошую работу. Кроме того, он кандидат физико-математических наук, победитель трех конкурсов

молодых ученых в МГУ, автор многих научных работ, переведенных на иностранные языки и многократно цитируемых... И мой случай далеко не единственный. Подобное происходило повсеместно, в каждом академическом НИИ, в ведущих ВУЗах. Тогда усиленно проводилась установка партии: очистить от евреев три ключевые отрасли народного хозяйства: фундаментальную науку, высшее образование, оборонную промышленность. О пользе дела никто не задумывался. Какая экономика выдержит такое «рачительное» отношение к кадрам?

Короче, после года безуспешных усилий продолжать работу в университете, пришлось уйти и начать новую жизнь, теперь уже разработчиком больших информационных систем. Этим я занимался и в Москве, и в Ганновере, после переезда в Германию в 1995 году.

Вы и сейчас работаете в той же немецкой фирме, куда попали после приезда в новую страну?

В Германии во всех государственных компаниях по достижении пенсионного возраста (тогда он был 65, сейчас 67 лет) контракт с работником прекращается. И я стал пенсионером после почти 15 лет работы в крупнейшем немецком научно-исследовательском институте, занимающемся разработкой информационных банковских систем и моделей финансовой математики. Так что этот период деятельности для меня закончился.

Сказать то же самое о математике я не могу, ибо математика – это нечто большее, чем профессия. Мне нравится выражение, которое я не раз повторял в разных интервью: «математика – это порода, нельзя быть бывшим математиком, как невозможно стать бывшим пуделем». Сталкиваясь с новой жизненной ситуацией, я невольно в голове строю ее математическую модель. Так мне легче с ней разобраться.

Математика вносит в мир порядок и понимание.

Теперь о других видах деятельности, которые Вы назвали. «Публицист» ко мне плохо подходит, я не откликаюсь регулярно в печати на актуальные проблемы современности, хотя мои статьи выходят иногда в толстых

журналах в рубрике «Публицистика». Чем я, действительно, сейчас занят, помимо издательской и редакторской деятельности, это история.

В научно-исследовательском институте финансовой математики,
Ганновер, 2003

В научно-исследовательском институте финансовой математики,
Ганновер, 2003

Меня интересуют некоторые страницы новой и новейшей истории, в частности, истории науки и литературы. Мои исследования жизни и творчества Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, других известных ученых и литераторов в

контексте истории публикуются в таких серьезных «толстых» журналах, как «Иностранная литература», «Нева», «Вопросы литературы», «Человек» и др. Этим темам посвящены и мои последние книжки «Одиссея Петера Прингсхайма» (2013) и «Антиподы. Альберт Эйнштейн и другие люди в контексте физики и истории» (2014).

Вот таким длинным получился ответ на Ваш такой простой с виду вопрос.

Вы человек поздний. Имею в виду, что, приехав в Германию в 50 лет и начав практически с нуля, Вы добились того, что стали в своей области не последним человеком. Это своего рода феномен. Ведь известно, что активность с годами снижается, математики, как правило, совершают открытия в молодые годы. Но есть и исключения. Мой знакомый московский математик Александр Рабинович и в возрасте за 60 продолжает осваивать новые пласты науки, стараясь внести в них свой вклад. То же желание вижу у Вас. А как же физиология? Склероз? Быстрое забывание? Более медленная работа мозга? Утомляемость? Обычно люди на это ссылаются...

Ох, какие сложные вопросы Вы задаете! Над ними бьются медики, физиологи, психологи и другие специалисты

уже не одну сотню лет. По своему опыту могу сказать, что резкая смена занятий иногда заметно омолаживает. Взгляните на людей, у которых родился поздний ребенок, или начавших работать в зрелом возрасте в другой стране... Для тренировки мозга врачи рекомендуют разгадывать кроссворды. Поверьте мне, ежедневная работа с десятками авторов, пишущих на разные темы, дает нагрузку на память и сообразительность не меньшую. А если при этом нужно для собственных исследований перелопатить еще десятки источников на разных языках, то тренировка мозга оказывается весьма интенсивной. Это все, что можно противопоставить неумолимым законам природы.

Я филолог, но всю жизнь интересуюсь наукой. Помню, что в моей юности было много познавательных книг типа «Охотников за микробами» или «Когда человека не было», которые живо и увлекательно рассказывали о разных науках. Такие писатели-фантасты, как Конан Дойль с его «Затерянным миром», Иван Ефремов с «Лезвием бритвы» и «Туманностью Андромеды», умели заразить юных интересом к палеонтологии, к космосу, к наукам о человеке... А что сейчас? У меня ощущение, что популяризацией науки мало кто озабочен. Если говорить о России, там сейчас популярная профессия – чиновник.

Я сейчас не часто бываю в России, поэтому не берусь оценивать сегодняшнее положение российской науки. Регулярно читая газету «Троицкий вариант», вижу озабоченность многих ученых результатами реформы Академии наук. В то же время нельзя не отметить и усилия по поддержке науки со стороны некоторых меценатов, общественных организаций. Взять хотя бы конкурс «Просветитель», на котором уже не один год отмечаются авторы лучших книг, популяризирующих гуманитарные и естественные науки. В этом году, например, среди победителей конкурса – книга Бориса Штерна о новых открытиях в физике «Прорыв за край мира». В число финалистов этого конкурса нередко попадают постоянные авторы наших журналов, например, в прошлом году – Борис Тененбаум, в этом – Павел Полян...

Тяжело говорить о положении науки в России. А если взглянуть в глобальном масштабе. Да, интернет, да, удивительные возможности коммуникации людей. Но вот есть ли сейчас в европейской или американской науке гении, подобные Эйнштейну, о котором Вы много пишете? И вопрос, к этому примыкающий. Эйнштейна, как мы знаем, поддержал Макс Планк. Читала у Вас, что в Англии была группа экспериментаторов, стремившаяся найти подтверждение гипотезам молодого гения. Видите ли Вы у сегодняшних ученых такое же безудержное желание служить науке, а не своей карьере? Не считаете, что инерция среды, недоброжелательность, косность, а порой и зависть коллег задерживают появление новых эйнштейнов?

А самому Эйнштейну разве среда помогала? После окончания Цюрихского политехнического института ему, единственному с курса, не нашлось места ассистента в каком-нибудь учебном или исследовательском заведении, чтобы заниматься наукой, так сказать, на рабочем месте, а не урывками после работы в патентном бюро или в выходные дни. Тем не менее, этот патентный советник второго класса опубликовал в 1905 году в журнале «Анналы физики» три статьи, совершившие революцию в науке. Значение этих работ столь велико, что автор даже одной из них был бы признан научным сообществом гением и навсегда вписал бы свое имя в историю физики. А тут один автор на все три работы! Не зря биографы Эйнштейна и историки науки называют 1905 год «годом чудес». Вы думаете, что теперь-то началось всемирное признание ученого? Ничего подобного! Ни одна из этих великих работ не была принята ни одним университетом в качестве диссертационной – ведь великий физик к моменту публикации своих эпохальных работ не имел даже первой ученой степени! Это ли не издевательство? Пришлось Эйнштейну писать еще одну работу, чтобы получить звание «доктора» и сравняться по положению в научной иерархии со своими однокурсниками, уже давно защитившими свои диссертации.

А дальше, Вы думаете, началась его нормальная научная работа в каком-нибудь университете или институте? После публикации гениальных статей Эйнштейн еще целых

четыре года ходил на далекую от науки работу в Патентное бюро Берна. Только в 1909 году он написал заявление об увольнении в связи с переходом на работу экстраординарным профессором в Цюрихский политехникум. Директор Патентного бюро вначале даже посмеялся над этим заявлением, посчитав его шуткой: еще никто из его подчиненных не становился профессором, пусть не «полным», а только «экстраординарным».

И дальше судьба не слишком благоволила к автору теории относительности. Ни один университет Германии не пригласил его на достойную такого ученого профессорскую должность. Полным (ординарным) профессором его впервые сделал Немецкий университет в Праге в 1911 году. Альберту даже пришлось для этого принять австрийское гражданство, Прага тогда относилась к Австро-Венгрии, а профессор – это государственный служащий. Лишь в 1914-м усилиями Макса Планка и некоторых его берлинских коллег Эйнштейн получил место профессора в Прусской академии наук, где он работал вплоть до прихода Гитлера к власти.

Так что гениям всегда трудно, и я не вижу сейчас существенных отличий от начала двадцатого века. Талантливая молодежь рождается постоянно, и в России всегда есть кто-то, кто готов повторить подвиг Эйнштейна. Другое дело, что оформлять и развивать свои результаты ему придется, скорее всего, в какой-то другой стране, уж очень неблагоприятна сейчас к ученым российская экономическая и политическая обстановка.

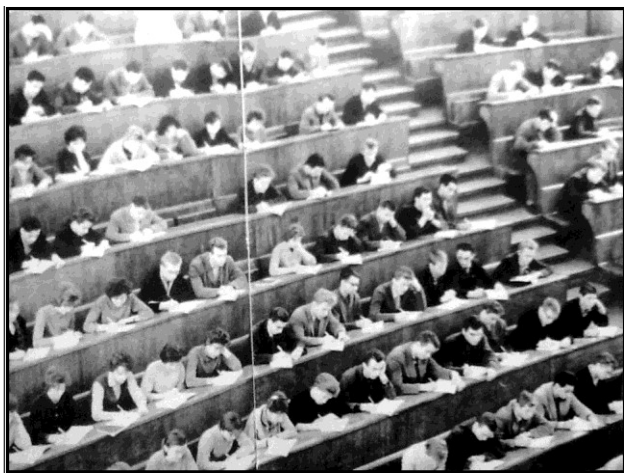
Можете привести пример?

Пожалуйста: Максим Концевич, талантливейший математик, получивший самые престижные научные премии, причем не только по математике, но и по физике. Он учился в той же математической школе № 91 в Москве на улице Воровского (теперь она, как и раньше, Поварская), что и мои старшие дети, у того же замечательного педагога Владимира Мироновича Сапожникова, светлая ему память! Максим – победитель международных математических олимпиад, а студентом МГУ он стал только после вмешательства академика Колмогорова, приемную комиссию смущала

национальность абитуриента. После окончания мехмата Максим проработал несколько лет в Институте проблем передачи информации, а потом оказался на научной конференции в Бонне, где ему пришла в голову идея, как решить задачу, над которой уже не одно десятилетие бились математики. Когда он там же рассказал о ней коллегам, ему сразу предложили остаться в Германии и поработать над диссертацией. Результаты оказались поразительными: он решил эту задачу, открыв, по сути, новое научное направление. В 1997 году Концевича награждают премией Пуанкаре за выдающийся вклад в математическую физику, в следующем году он удостоивается высшей награды для молодых математиков – Филдсовской премии. Через десять лет – в 2008 году – Концевич получает шведскую премию Краффорда «за вклад в математику из современной теоретической физики». Но и это еще не все. В 2012 году Концевич получил сразу две престижнейшие премии. Одну, премию Шао, называют Нобелевской премией Востока. Ее вручают в Гонконге за работы, оказавшие «существенное положительное влияние на человечество». Вторая награда – недавно учрежденная Премия по фундаментальной физике, по размеру почти в три раза больше Нобелевской премии. И наконец, в этом, 2014 году Максим получил самую крупную математическую премию мира – Премию за прорыв в математике. Ее учредили три миллиардера: российский владелец mail.ru Юрий Мильнер, создатель социальной сети фейсбук Марк Цукерберг и один из авторов Гугла Сергей Брин, тоже выходец из Советского Союза.

Сейчас Максим Концевич – член Французской академии наук, постоянный профессор престижнейшего Института высших научных исследований под Парижем, основанного по образцу Института перспективных исследований в Принстоне, где до конца жизни работал Альберт Эйнштейн.

Вот так выпускник московской школы №91 и мехмата МГУ вошел в число «бессмертных», как со времен кардинала Ришелье называют французских академиков. Чем не символ нынешнего состояния дел в российской и мировой науке?

Лекция на физфаке МГУ, 1962 г.

Как Вы думаете, наш век будут называть веком какой науки?

Когда я был еще студентом физфака МГУ, на одной встрече с академиком Игорем Евгеньевичем Таммом ему задали этот же вопрос. Он, к разочарованию студентов-физиков, сказал: грядущий век будет веком биологии.

Думаю, этот ответ сохраняет свою силу и сегодня, но я бы все же добавил: и веком физики. Мне кажется, что физики сегодня очень близки к фундаментальному прорыву в понимании устройства Вселенной, ее возникновения и развития. Если удастся объединить квантовую механику с общей теорией относительности Эйнштейна, другими словами, физику микромира с космологией, то будет осуществлен грандиозный прорыв в познании мира. Тем самым будет подтверждено, что будущее науки определяется не узкими специалистами, знающими «все ни о чем», а людьми с широким научным кругозором.

Обучение становится все более техническим, удаленным от гуманитарного знания. Вас это не тревожит? С ужасом думаю о том, что могут натворить с миром молодые энергичные технократы...

Я не вижу здесь какой-то особенной новизны – эта опасность существовала всегда, разве что возможности разрушения мира сейчас многократно возросли. Мне кажется, не число молодых энергичных технократов должно нас беспокоить, а уровень образования и зрелости общества в целом, наличие в нем демократических институтов. Только тогда общество может быть противовесом власти и не допустить опасных экспериментов и злоупотреблений знаниями.

В тоталитарных государствах общество в указанном смысле неэффективно, власть фактически формирует нужное ей общественное мнение. Весь ход истории двадцатого века подтверждает, что у «абсолютной власти» всегда найдутся рычаги, способные повернуть общественное мнение на 180 градусов. Этого за считанные годы добивалась и коммунистическая пропаганда в СССР, и нацистская пропаганда в Третьем Рейхе, когда еще не было такого мощного инструмента влияния на умы, как телевидение. Вспомните, как в 1933 году бесславно провалился объявленный первого апреля всегерманский бойкот еврейских предприятий. Народ в целом не поддержал эту антисемитскую акцию, проводившуюся нацистскими властями. Но уже через пять лет, в ноябре 1938 года всегерманский еврейский погром, известный как Хрустальная ночь, прошел при почти полной поддержке населения Германии. Пяти лет непрерывной «промывки мозгов» оказалось достаточно, чтобы общественное мнение развернулось в нужную нацистам сторону, и народ стал поддерживать гитлеровские инициативы.

Вот о том, чтобы власть не была абсолютной и одной пропаганде всегда могла быть противопоставлена другая, и должны заботиться неравнодушные и ответственные люди.

Вы, я знаю, человек книги. Перевезли с собой из Москвы огромную библиотеку. А как сейчас? Читаете бумажные книги? Каким видите будущее бумажных изданий?

Бумажные книги, конечно, читаю, но в основном в связи с моими историческими и литературоведческими

штудиями. Домашняя библиотека, хотя и продолжает пополняться, давно достигла естественных физических пределов, накладываемых ограниченным объемом квартиры и подсобных помещений. Регулярно передаю часть книг в разные библиотеки, но не могу удержаться и продолжаю покупать новые.

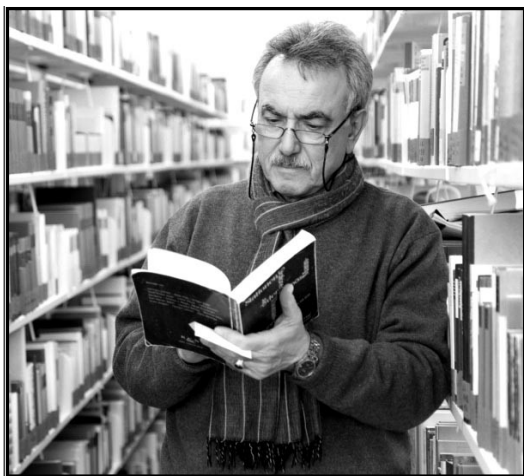
Всего, что нужно для работы, конечно, не купишь, и тут выручает прекрасно организованная библиотечная система Германии. Я активно пользуюсь университетской библиотекой Ганновера и Центральной библиотекой земли Нижняя Саксония. Фонды у них значительные, но не это главное. Все серьезные библиотеки страны связаны между собой единой сетью, позволяющей искать нужную книгу сразу по всей стране. А если ты знаешь, какие страницы книги тебе нужны, можешь прямо через интернет заказать бумажную копию.

Библиотечные книги, которые я в данный момент использую в работе, размещаются у меня в специальном книжном шкафу, где, как правило, собираются вместе более сотни томов.

А книгами из интернета Вы не пользуетесь?

Четкая работа библиотек в Германии отчасти компенсирует трудность поиска книги в немецком интернете. В этом его существенное отличие от интернета российского. Читатель русского сектора мировой сети имеет в распоряжении десятки открытых электронных библиотек, содержащих сотни тысяч наименований книг. Авторское право еще не стало серьезным тормозом в получении нужной книги. Не задумываясь, любой школьник за секунды найдет в сети любой том русской классики, хоть Пушкина, хоть Толстого или Достоевского.

В Германии не так. Здесь книги, например, Томаса Манна, охраняются законом об авторском праве и не могут быть свободно выложены в сети для всеобщего пользования. Приходится либо покупать электронные версии, либо обращаться в традиционные библиотеки.

В университетской библиотеке Ганновера

К слову, Еврейская библиотека Ганновера, в создании которой я активно участвую, вошла в общегерманскую библиотечную сеть, так что весь ее фонд доступен для поиска любому пользователю интернета.

Бумажные книги, по моему мнению, еще долго будут верно служить читателям.

Какая, на ваш взгляд, самая большая опасность для человечества? Может оно деградировать и от компьютеров снова перейти к палке-копалке?

Об опасности я уже сказал: это тоталитарный режим в любой стране, где есть ядерное оружие, но отсутствуют или слабы демократические институты.

Вы много пишете о Холокосте, о праведниках, спасавших евреев. Между тем, Вы живете на территории Германии, страны, породившей «расовые законы против евреев», душегубки, крематории. Насколько я знаю, антисемитизм в Германии имеет давние корни. Сейчас, когда на ее территории снова сконцентрировалось порядочно евреев, не кажется ли Вам, что «инстинкты» у немецкого населения могут проснуться? У нас с Вами были на эту тему споры. Давайте вынесем их на люди.

В Еврейской библиотеке Ганновера

Этот вопрос мне задают практически в каждом интервью. Мои ответы есть в интернете, так что я не буду повторяться. Добавлю несколько общих соображений.

Человек живет в мире стереотипов. В принципе, стереотипы – это средство, позволяющее справиться со сложностью нашей действительности. Ведь самому разобраться во всех деталях каждой ситуации – человеку не хватит жизни. А придерживаясь того или иного стереотипа, он экономит время и силы, полагаясь на «общее мнение». Жить в мире стереотипов уютно и комфортно, не нужно самому мучиться с запутанными конфликтами, искать решения сложных проблем. Вот почему человек с большим трудом расстается с привычным стереотипом. Вспомните, как долго человечество верило, что Земля плоская.

Сам по себе стереотип может быть и хорош, и плох, все зависит от того, какое мнение он выражает. Если оно правильное, верно отражает действительность, то стереотип – полезен. Если же мнение ложно, то стереотип называется «предрассудком» и может стать причиной серьезных ошибок.

В 1907 году Томасу Манну, как и ряду других писателей и деятелей культуры, предложили высказаться о проблемах эмансипации и ассимиляции евреев. Ответ писателя вылился в эссе «Решение еврейского вопроса». Это название не имело тогда того зловещего смысла, который мы вкладываем в него сейчас, после Холокоста.

В первых же строках этого эссе Томас заявляет: «я убежденный и бескомпромиссный филосемит». В это легко можно было бы поверить, зная, что совсем недавно Томас взял в жены Катю Прингсхайм из известного в Мюнхене еврейского дома Прингсхаймов. Однако непосредственно после признания в филосемитизме автор начинает использовать в отношении евреев такие выражения, которые взяты, скорее, из лексикона антисемитов. Здесь и «безусловно деградировавшая и обнищавшая в гетто раса», и типичные для евреев, по мнению автора, такие черты, как «жирный горб, кривые ноги и красные, постоянно жестикулирующие руки, наглость и хитрое поведение»...

Очевидно, что автор «Будденброков» находится в плену господствовавших тогда антисемитских стереотипов. Не зря он за несколько лет до этого работал со старшим братом Генрихом в откровенно антисемитском журнале «Двадцатый век». И не избавился от этих предрассудков до конца жизни. Например, в своем последнем законченном романе «Доктор Фаустус», рисуя путь Германии к Третьему Рейху, персонажем, высказывающим откровенно фашистские, антигуманные взгляды выступает отвратительный тип, еврей доктор Хаим Брейзахер. Не нашлось у нобелевского лауреата по литературе в палитре красок, чтобы нарисовать иной образ типичного нацистского пропагандиста. Вот какова сила стереотипов, когда они выступают в роли предрассудков.

Это, конечно, очень интересно, но хотелось бы ближе к проблеме Холокоста.

Ваш «инстинкт немецкого населения» – точно такой же предрассудок, только зеркально отраженный. С таким предрассудком, действительно, легче жить, проще объяснить страшную Катастрофу европейского еврейства. Ибо иначе она представляется совершенно необъяснимой. Как могла самая цивилизованная в то время нация, давшая миру великих философов, композиторов, ученых, дойти до геноцида другого народа?

Германия до Гитлера занимала ведущее положение во многих областях человеческой деятельности. Рассмотрим, хотя бы, науку. Многие открытия, заложившие основу

современной цивилизации, были сделаны в конце девятнадцатого и в начале двадцатого веков учеными, говорившими на немецком языке. Вильгельм Конрад Рентген открыл лучи, носящие теперь его имя, а Филипп Ленард исследовал катодные лучи, позволившие Дж. Дж. Томпсону открыть электрон, а Альберту Эйнштейну объяснить законы фотоэффекта. Фриц Габер синтезировал аммиак из воздуха, Макс Планк стал одним из создателей квантовой механики, Альберт Эйнштейн заложил фундамент теории относительности. основополагающие результаты были получены и в социологии (Макс Вебер), и в психологии (венская школа Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Альфреда Адлера), и в философии (Мартин Хайдеггер). Этот список можно было бы значительно расширить. Через двадцать лет после учреждения нобелевских премий более половины всех лауреатов по физике, химии, биологии и медицине составляли немцы.

Как же получилось, что страна Гёте и Гегеля, Гаусса и Гильберта, страна с таким славным культурным прошлым и с таким мощным интеллектуальным потенциалом смогла в двадцатом веке опуститься во мрак средневековья и потрясти мир кошмаром Холокоста? Над этой загадкой до сих пор бьются историки и литераторы, социологи и режиссеры, философы и юристы... Этой теме посвящены сотни научных монографий и документальных фильмов, тысячи статей, рассказов, повестей и романов... А убедительного ответа нет.

И тут появляется мнение, что все дело во врожденной немецкой ненависти к евреям. Или, как Вы выразились, «инстинкте». И все стало просто и ясно. Историк Даниэль Гольдхаген даже написал об этом солидный труд «Добровольные палачи Гитлера», ставший бестселлером, переведенный на десятки языков. Этой версии придерживаются очень многие люди, судя по всему, и Вы тоже.

Если что-то облегчает жизнь, делает ясной запутанную проблему, то почему бы и не согласиться? Ответ прост: такой подход неверен и может привести к непоправимым ошибкам. Если бы гипотеза Гольдхагена была бы верна, то проблему «нового Холокоста» можно было бы

решить просто: изолировать немцев от остального человечества, и дело сделано! У других же нет этого «инстинкта». Не напоминает ли это Вам попытки гитлеровцев решить «еврейский вопрос»?

На самом деле, причина Катастрофы совсем не в немцах. Ненаучность книги Гольдхагена уже доказана историками.

Бациллы антисемитизма давно живут на земле. И чума нацизма может поразить любую страну, любой народ. Все дело в состоянии общества, в стечении особых обстоятельств. В тридцатые годы прошлого века такой несчастной «заболевшей» страной оказалась Германия. «Коричневая чума» на двенадцать лет поразила все немецкое общество и принесла неисчислимые беды другим народам.

После разгрома Гитлера и падения Третьего Рейха начался нелегкий процесс выздоровления. В результате на карте Европы появилась обновленная демократическая Германия. Выздоровление принесло и иммунитет: ни одна страна мира так не заботится о том, чтобы страшное прошлое не повторилось. Об этом можно было бы говорить много, но рамки беседы заставляют ограничивать себя.

Сейчас антисемитизм вновь поднимает голову во всем мире. Теракты, направленные против евреев, совершаются не только в Израиле, но и в Нью-Йорке и Брюсселе, Париже и Бомбее... Антиизраильские демонстрации с откровенными антисемитскими лозунгами проходят во многих европейских городах. На общем фоне Германия выглядит сейчас единственной страной, где решительно пресекаются антисемитские акции. И если на марш неонацистов выходит пара сотен человек, то тут же на антимарш собираются несколько тысяч антифашистов. Конечно, никакой иммунитет не может гарантировать, что болезнь не повторится, тем более, со времен окончания Второй мировой войны родились уже три поколения. Поэтому нигде нельзя терять бдительности. Трагедия вновь может повториться в любом месте, если люди не научатся ее предотвращать.

Урок, который человечество должно было извлечь из случившейся в XX веке Катастрофы европейского еврейства,

состоит вовсе не в том, что особый «немецкий инстинкт», врожденная ненависть к евреям рано или поздно делает немцев «народом-преступником», виновным в гибели миллионов людей. То, что произошло в Германии в тридцатых-сороковых годах прошлого века, учит другому. А именно: если власть в любой стране захватывает диктатор-негодяй, то через небольшое число лет почти вся нация с промытыми тотальной пропагандой мозгами становится нацией негодяев. «Немецкий инстинкт» тут ни при чем.

Долгие годы все, что было связано с еврейской тематикой, редакциями российских журналов отклонялось. В 1980-1990-х годах я написала три повести, в которых звучала еврейская тема. Тогда их не взял ни один журнал. Сейчас Вы напечатали одну из них в своем интернет-издании. Очень Вам благодарна, но все же спрошу: какие у Вас резоны? Поезд вроде бы ушел...

В советское время слово «еврей» было если не всегда ругательным, то уж точно не вполне приличным. Его трудно было произнести, не повышая или не понижая голоса. Это слово произносили или излишне громко, с вызовом, когда хотели кого-то оскорбить, или, наоборот, шепотом, как бы извиняясь, что приходится касаться больных тем. В печати старались употреблять это слово как можно реже.

Вот показательный пример. В 1972 году в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет прекрасная биография Томаса Манна, написанная блестящим знатоком творчества писателя и переводчиком его основных произведений на русский язык Соломоном Аптом. В этой книге 372 страницы, а так как она есть в электронном виде, то нетрудно посчитать общее число слов – их в книге более 170 тысяч. Так вот, среди всех этих слов «еврей» встречается всего ...три раза, да и то по далеким от главной тематике. И это в книге об авторе тетралогии «Иосиф и его братья», описывающей истоки еврейской истории. Это в биографии писателя, посвятившего «еврейскому вопросу» десятки очерков и статей. Это в жизнеописании Томаса Манна, у которого евреи были литературными друзьями и соратниками (например, издатель Самуэль Фишер или

критик Самуэль Люблинский), но были также и непримиримые литературные враги-евреи (например, Теодор Лессинг или Альфред Карр).

На семинаре «Еврейская история и культура», Ганновер, 2015

Одна из целей, которую я себе ставил, начиная издание «Заметок», состояла в том, чтобы вернуть слову «еврей» его нормальное значение, чтобы люди перестали его стыдиться. Одним из девизов журнала стал слоган: «Еврей – это звучит гордо!». Правда, он должен быть неразлучен с другой максимой: «Быть евреем – это труд!».

Можно сказать, что сейчас положение во многом изменилось. Еврейская тема – уже не такая острая экзотика, толстые журналы перестали, как огня, ее бояться. Например, мои большие статьи об отношении Томаса Манна к еврейскому вопросу опубликованы такими солидными столичными изданиями, как «Иностранная литература» и «Вопросы литературы»... Хотя во многих издательствах по-прежнему к еврейской тематике чувствуется предубеждение, основанное на предрассудках.

Поэтому мы будем продолжать стратегическую линию «Заметок по еврейской истории» и «Еврейской Старины» и стараться представить интеллигентному читателю все стороны богатой еврейской истории, традиции, культуры.

Замечу при этом, что журнал «Семь искусств» и журнал-газета «Мастерская» не связаны напрямую с

еврейской тематикой, они, так сказать, «общечеловеческого» содержания.

Если вернуться к Вам, чего бы Вы хотели себе пожелать в ближайшем и в отдаленном будущем?

Когда долго и настойчиво занимаешься какой-то темой, то волей неволей возникают новые идеи, предложения, проекты... Чем глубже вникаешь в предмет, тем яснее понимаешь, что еще необходимо сделать. В последние два десятка лет я опубликовал немало работ по истории физики и математики, изучал историю антисемитизма в Европе, писал о жизни и трудах Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, других европейских интеллектуалов... Естественно, что с этими направлениями у меня связано множество новых задумок. Но, как известно, «если хочешь насмешить Бога, то расскажи ему о своих планах». Поэтому от рассказа о задуманном я воздержусь, а себе пожелаю, чтобы и дальше мне было так же интересно заниматься своим делом, как было до сих пор.

Спасибо за Ваши вопросы.

Часть вторая
«Вопросы к Богу»

Интервью с профессором Вольфгангом Бенцем

«Невоспетые герои»

«**А** продается еще на улицах Москвы квас?» — неожиданно спросил профессор Бенц. Так начался наш разговор в его кабинете на девятом этаже высотного здания Технического университета в центре Берлина.

Для людей, интересующихся новейшей историей, представлять моего собеседника нет нужды. Профессор Вольфганг Бенц, пожалуй, самый известный из ныне действующих немецких специалистов по истории евреев в Германии, директор Центра изучения антисемитизма, автор множества книг и статей в различных журналах и сборниках. Только в моей домашней библиотеке почти два десятка томов, на обложке которых стоит его имя.

С проф. Вольфгангом Бенцем в Центре изучения антисемитизма.
Из личного архива автора

Встретиться и поговорить с профессором Бенцем мне посчастливилось во время съемок документального фильма¹, в основу сценария которого легли некоторые эпизоды из книги «Банальность добра»².

Мой первый вопрос касался темы нашего фильма.

Мы хотим рассказать о «невоспетых героях» Второй мировой войны – людях, спасавших евреев в годы Холокоста. Сейчас часто вспоминают о немцах, боровшихся с нацизмом. Их было немного, и после войны они стали символами возрождения новой немецкой демократии, как в Западной Германии, так и в Восточной. Широко известны участники покушения против Гитлера 20 июля 1944 года во главе с полковником фон Штауфенбергом³, студенты-антифашисты «Белой Розы», где главную роль играли брат и сестра Шолль⁴ коммунисты-подпольщики «Красной капеллы»⁵. Однако немцы, помогавшие преследуемым евреям, почти неизвестны. Почему, как Вы думаете?

Во-первых, людей, которые помогали евреям в годы войны, было совсем мало. Во-вторых, о таких людях не любят вспоминать, потому что устоявшееся мнение гласит: «Сопротивляться диктатуре невозможно». А люди, помогавшие евреям, доказывали обратное. Поэтому о них и не хотят ничего слышать.

¹ Фильм «Невоспетые герои», студия документальных фильмов «Параджанов-фильм». Режиссер Александр Андреев, авторы сценария Евгений Беркович и Борис Шейнин, оператор Виктор Еркин, М., 2005.

² Беркович Евгений. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по еврейской истории XX века. Изд-во «Янус-К», М. 2003.

³ См., например, Беркович Евгений. «Одиноким героям», альманах «Еврейская Старина», №№ 15,16, 2004,

⁴ Benz Wolfgang, Pehle Walter (Hrg.). Lexikon des deutschen Widerstandes. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 2001, S. 316.

⁵ Benz Wolfgang, Pehle Walter (Hrg.). Lexikon des deutschen Widerstandes. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 2001, S. 281.

Но, тем не менее, история «тихих героев» чрезвычайно поучительна.

Естественно. Эти люди своими поступками отчетливо показали, что человек может остаться верным своим убеждениям и чувствам, даже если диктатура их запрещает.

А насколько опасно было для немцев помогать евреям? Знаете ли Вы случаи, когда немцы пострадали из-за этого?

Вопреки распространенному убеждению, немцам не грозила смертная казнь за помощь евреям. Никто, ни один немец не был приговорен за это к смерти. Известен только один смертный приговор немцу в Польше, но там помощь евреям сочеталась с нарушениями еще нескольких законов военного времени.

Конечно, за помощь евреям можно было угодить в концентрационный лагерь или в тюрьму. Но это было, скорее, исключением. Опасность наказания за помощь преследуемым нельзя, безусловно, недооценивать, но и переоценивать ее не следует. Вся мощь национал-социалистического режима была направлена против евреев, им определенно грозила смертельная опасность на каждом шагу. Но власть вовсе не хотела создавать представление, что у врагов национал-социализма есть много помощников и сочувствующих. Гитлеровская пропаганда постоянно подчеркивала единство фюрера и немецкого народа.

Помогая евреям, можно было попасть в руки гестапо за другие преступления: подделку документов, нарушение предписаний военного времени и т.п. Но наказаний именно за помощь евреям в законе предусмотрено не было.

Это звучит парадоксально. Известно много случаев немедленных расстрелов за помощь евреям в Польше, на Украине, в Белоруссии...

Между Польшей и оккупированными землями Советского Союза, с одной стороны, и Германией, с другой, существует огромная разница. В первом случае за помощь евреям, действительно, мог последовать расстрел на месте. Но в Германии все было иначе. Серией расистских законов

евреи были выведены из поля немецкой юстиции, ими практически не занимались немецкие суды, евреи были полностью отданы во власть полиции и других служб безопасности. В отношении же остальных немцев судебная система продолжала действовать. Процессы против немцев, помогавших евреям, могли привлечь к этому внимание и интерес общества, что не входило в планы гитлеровских властей. Поэтому такие суды в гитлеровской Германии не проводились.

Сопrotивление режиму или жест милосердия?

Почему некоторые люди в годы Холокоста спасали евреев? Чем они руководствовались? Было ли для спасителей важно, что они помогают именно евреям?

Люди обычно не интересовались национальностью тех, кого они спасали, для кого рисковали своей свободой. Для спасителей было важно, что кто-то находится в опасности и нуждается в помощи. Надо подчеркнуть, что человек, помогавший преследуемому, в определенной мере противопоставлял себя правящему режиму.

То есть спасение евреев можно рассматривать как акт Сопrotивления нацизму? А можно ли усилия самих евреев спасти себя от уничтожения рассматривать как форму Сопrotивления?

Несомненно. Защита евреев от уничтожения, в том числе, и спасение евреев самих себя, было формой Сопrotивления нацистскому режиму, так как эти действия были направлены против целей национал-социалистического государства. Ведь все знали, что власть преследовала евреев, более того, с какого-то времени стремилась их физически уничтожить. И тот, кто протягивал руку гонимым людям, вступал в конфликт с государством. Неважно, какой была помощь – большой или маленькой. Любая помощь была актом Сопrotивления нацизму.

Правда, есть еще один аспект проблемы – не всякая помощь была бескорыстна. В некоторых случаях за помощь требовали плату.

Поэтому, наверно, многие из тех, кто помогал евреям, не получили звания «Праведник народов мира», которое присваивается мемориалом Яд-Вашем в Иерусалиме?

Не только поэтому. В присвоении звания «Праведник народов мира» немалую роль играют политические моменты. Как, например, при присуждении Нобелевской премии по литературе. То ее должен получить какой-то африканский прозаик, за ним – восточно-европейский драматург и т. д. И присвоение звания «Праведник народов мира» тоже во многом определяется политическими мотивами, и его часто не получают те, кого в действительности следовало наградить.

Поясню это на таком примере. Сенат Западного Берлина в течение 10 лет проводил акцию награждения людей, помогавших евреям в годы войны. Эта акция называлась, как и ваш фильм, «Невоспетые герои»⁶ Была создана комиссия, определившая, кто достоин награждения. Комиссия постановила: кто брал деньги за свою помощь, не может считаться героем. И за бортом награждения оставались многие достойные люди. В частности, тот, кто сдавал евреям комнату даже за небольшие деньги, не мог получить звание «Невоспетый герой» и полагающиеся к нему материальные льготы. Даже если сдававший комнату сам нуждался в деньгах или покупал на эти деньги еду для скрывавшихся у него евреев. Ведь у людей на нелегальном положении продовольственных карточек не было, и еду для них можно было купить только на «черном рынке».

Далее, комиссия установила еще одно ограничение: награжденный не должен был иметь судимостей, его моральный облик должен быть чистым. Значит, если евреев спасали, например, вор или проститутка (что случалось

⁶ См., например, статью *Беркович Евгений*. Из Данцига в Эйлат. Альманах «Еврейская Старина», № 17 2004.

довольно часто), то Берлинский Сенат отказывал таким людям в награждении.

И еще один политический штрих к сказанному. Если кто-то спасал евреев, но после войны жил в Восточном Берлине или был членом коммунистической партии, то он автоматически исключался из числа кандидатов на награждение.

Вильм Хозенфельд, 1944 год

Действительно, были случаи, когда члены национал-социалистической партии помогали евреям, но не могли стать «Невоспетыми героями». Широко известный по фильму Романа Полански «Пианист» капитан резерва Вильм Хозенфельд, спасший Владислава Шпильмана в горячей Варшаве, не получил даже посмертно звание «Праведник народов мира», так как служил офицером вермахта и был осужден военным судом СССР на 25 лет лагерей⁷.

⁷ См., например, Беркович Евгений. Пианист и капитан резерва. В кн. «Банальность добра», [2].

Эсэсовцы или полицейские не могли быть награждены Берлинским Сенатом, хотя они и помогали евреям в годы войны. Такие случаи помощи и спасения стали известны через много лет после войны.

Моральных проблем здесь очень много. Например, евреи, которые были завербованы гестапо для поиска и выдачи властям других евреев, прячущихся в подполье. Но некоторых людей, которых такие «еврейские ищейки» хорошо знали, они предупреждали об опасности и даже прятали у себя. Есть точные доказательства, например, что известная в Германии Стелла Кюблер и Рольф Изаксон⁸ спасли нескольких своих школьных друзей-евреев. И с этой точки зрения они могли бы считаться «героями». Но триста человек они передали в руки гестапо для уничтожения. Так что, скорее, их можно отнести к преступникам.

Спасение в колонии «Троица»

В банке данных Вашего Центра по изучению антисемитизма задокументированы почти две с половиной тысячи случаев спасения немцами евреев. Какие истории Вы считаете особенно поучительными?

Действительно, есть много поразительных историй о спасении евреев, но особенно я ценю помощь от совершенно простых, как говорится, «маленьких» людей. Они не учились в университетах, не изучали философию или историю, это были совершенно простые люди. И они были готовы помочь гонимым, они на деле проявили гуманизм, они оказались человечнее тех, кто разбирался в философии, знал историю, кто легко мог сделать большой доклад о гуманизме.

Очень характерен в этом смысле случай фрау Яух. Она была простой женщиной, эдакой «матушкой» из народа. Жила в крохотном летнем домике на две комнатки в садовом товариществе (называемом здесь «колонией»), расположенном прямо в черте Берлина. В этом домике она прятала 18-19-летнего юношу.

⁸ Benz Wolfgang (Hrsg.): Überleben im Dritten Reich. Juden im Untergrund und ihre Helfer; C.H. Beck Verlag, München 2003.

Два года скрывавшийся от нацистов парень жил в одной из комнат ее домика. Она абсолютно бескорыстно делала для него все: доставала еду, выносила за ним горшки, лишь бы его никто не заметил. Помогать нуждающемуся человеку было правилом жизни этой порядочной женщины из народа.

Ганс Розенталь, 80-е годы

Эта история имела неожиданное продолжение.

В августе 1944 года фрау Яух неожиданно заболела и умерла. Юноша остался совершенно один, и соседка – фрау Шёнберг – взяла его к себе в такой же маленький летний домик. Положение осложнялось тем, что ее сын был нацистом. Но она убедила его не сообщать ничего в гестапо. И еще одна соседка помогала беглецу, чем только могла. Уже после войны стало известно, что многие жители этой колонии знали о скрывающемся еврейском юноше. Но никто никого

не выдал, значит, все считали такое поведение сердобольных женщин совершенно естественным.

Вот такую помощь я ценю больше всего.

Вы рассказали действительно потрясающую историю о спасении Ганса Розенталя, ставшего после войны известным журналистом и телеведущим. Символично, что «колония» называлась «Троица», будто в честь трех женщин, спасших Ганса⁹.

Именно так.

«В Германии антисемитом быть невыгодно»

Надо признать, что гораздо чаще отношение соседей к тем, кто помогал евреям, было совсем другим. Ведь помогать евреям – значило выступать против «законного порядка». Показателен случай с фельдфебелем Антоном Шмидом, казненным за помощь евреям и литовским партизанам. Его посмертно признали «Праведником народов мира»¹⁰. Так вот, соседи, узнав о приговоре Шмиду, разбили окна в его доме, так как считали его предателем. Многие знакомые перестали общаться с его вдовой.

Для объяснения этого явления можно было бы сослаться на традиционный немецкий характер, на любовь немцев к порядку и уважение законов. Но я думаю, что в этом случае «народный характер» немцев мало отличается от характера других народов. Если кто-то нарушает установленные правила, будь это в России, в Польше, во Франции, то большинство сразу пугается. Большинство везде настроено оппортунистически, оно склоняется к тому, чтобы предать и выдать властям меньшинство, которое следует голосу справедливости и совести.

⁹ Rosenthal Hans. Zwei Leben in Deutschland. Bergisch-Gladbach, 1980.

¹⁰ Беркович Евгений. Две минуты тишины. В кн. «Банальность добра»[2].

Именно поэтому помогать евреям было опасно: большинство немцев было убеждены гитлеровской пропагандой, что евреи – враги, что евреи плохие, они «наше несчастье». И любимое государство станет сильнее, если выдать гестапо тех, кто евреям помогает.

Центр, которым Вы руководите, занимается исследованием антисемитизма. Актуальна ли эта проблема для послевоенной Германии? Стал ли сейчас антисемитизм острее, чем раньше?

Нет. Журналисты все время говорят, что антисемитизм стал острее, но это не так. В газетах часто пишут, что на дорогах каждый год гибнет все больше людей, но, в целом, положение меняется мало. Постоянно имеется небольшой процент людей, настроенных враждебно к евреям. Но это есть во всех странах. И в Германии этот процент меньше, чем во многих других европейских государствах.

В Германии невыгодно быть антисемитом. Здесь это может серьезно повредить карьере. После того, что произошло в нашей истории, тот, кто объявляет себя антисемитом, выступает против сложившейся политической культуры.

В других странах это не так. Например, в Польше имеется гораздо больший антисемитизм, в том числе и в кругах католической церкви. В России тоже есть традиционный антисемитизм, который и после конца советской системы не исчез, а стал, пожалуй, отчетливей.

Трудно понять, почему «Протоколы сионских мудрецов» на русском языке опять свободно продаются в центре Москвы, как и сто лет назад. Почему книга Адольфа Алозиевича¹¹ Гитлера «Моя борьба» в русском переводе продается в Москве, что всем известно. Эта книга в Германии запрещена. И не в последнюю очередь именно потому, что на ее страницах антисемитизм расцвел пышным цветом.

Я не хочу сказать, что немцы лучше. Мы должны быть благодарны жесткой политике союзников, сразу после войны взявших эту проблему под контроль. И ситуация с тех пор

¹¹ Именно так по-русски произнес проф. Бенц имя фюрера.

постоянно отслеживается властями. Не буду говорить о том, что и у американцев антисемитизм был в то время достаточно высок. Для меня важнее подчеркнуть, что, несмотря ни на какие меры в Германии, как и в других странах, нацизм опять может поднять голову. Поэтому борьба с антисемитизмом не перестает быть актуальной.

Памятники и память

Вы правы, сводить проблему нацизма только к «наследственному» антисемитизму немцев не только неверно, но и опасно. Ибо притупляет бдительность, и коричневая чума может вспыхнуть в любом другом месте. Немцы же получили в результате произошедшей трагедии определенный иммунитет, что помогает удерживать антисемитизм на относительно низком уровне.

Теперь хотелось бы коснуться другой темы. Почти в каждом немецком городе есть памятники жертвам нацизма. Как Вы считаете, нужно ли все время напоминать о прошлом? Нужно ли о нем часто говорить?

Да. Заметьте, памятники – это только символы, их функция, в основном, ритуальная. И когда мы говорим о прошлом, роль памятников не очень значительна. Памятник Гете имеет весьма скромное отношение к литературе. И памятник Пушкину тоже не выполняет никакой литературной функции. Но эти памятники нужны, так как напоминают об общественной договоренности: мы не хотим забывать наших классиков. Но по-настоящему о поэтах помнят, если о них говорят, об их стихах делают доклады, их книги издают и читают. Памятники жертвам Холокоста играют подобную общественную роль: они свидетельствуют о договоренности не забывать уроки прошлого.

Во время известной речи по случаю присуждения ему литературной премии в 1998 году, писатель Вальтер Вальзер заявил, что пора под прошлым подвести окончательную черту и не размахивать «моральной дубиной Освенцима». Как Вы считаете, Вальзер прав?

Нет, это, конечно, неправильно, так как совершенно невозможно подвести под прошлым черту. Мы, немцы, не можем просто сказать: «Сожалеем, что в сентябре 1939 года мы напали на Польшу, но теперь мы хорошие друзья, и не будем больше говорить об этом». Мы можем и должны с друзьями говорить о том, что произошло. Это не означает, что мы обязаны все время чувствовать себя виноватыми. Я, например, ни в чем не виноват, я родился в тот год, когда Германия напала на Советский Союз. Но я должен знать, что было. И я не имею права уходить от разговора со словами: «это меня не интересует, мне это неприятно, я ничего не хочу больше об этом слышать». Ситуация здесь вовсе не такая, как, например, в налоговом ведомстве, где через десять лет все дела прекращаются, и уже неважно, был ли ты тогда честным человеком или нет.

Мемориал у Бранденбургских ворот

Это, безусловно, болезненный процесс, но пока в России, Белоруссии, на Украине, в Польше живут люди, которых немцы забирали на принудительные работы в Германию, или узники немецких концлагерей, я должен с ними беседовать, обсуждать и разбираться, что наши отцы и деды совершили. Я не имею права уходить от разговора только потому, что мне это неприятно.

Во время съемок нашего фильма мы видели множество различных памятников жертвам Холокоста: от

гигантского Монумента у Бранденбургских ворот до маленьких камней-напоминаний, вмонтированных прямо в мостовую или тротуар. В этом разнообразии есть ли более важные и менее важные памятники и памятные знаки?

Нет, никакой иерархии по важности у памятников нет. Нельзя сказать, что огромный Монумент у Бранденбургских ворот важнее других памятников, более скромных по размерам. Он важен для туристов, для телевидения, для гостей из России и из Америки, чтобы показать: мы помним о прошлом. Это официальная позиция Бундестага, который и оплатил монумент. Однако он не заменит другие памятники, например, те же камни-напоминания¹²

Камни-памятники на улице Берлина

Они есть плод усилий многих людей. Кто-то, часто какой-нибудь школьник, разыскал имена людей, живших по соседству и погибших в годы нацизма. Биографии этих людей восстановили, и теперь каждый может прочитать, что, например, здесь жила семья Кон с двумя детьми, и отсюда они все были депортированы в Освенцим. И мы, кто живет сейчас в этом квартале города, не хотим об этом забыть. Хотя мы, персонально, не виноваты в случившемся и не несем

¹² См., например, *Ионкис Грета*. Споткнись и вспомни! Сетевой журнал «Заметки по еврейской истории», № 7(56), 2005.

никакой юридической ответственности. Тем не менее, мы не желаем показаться «беспамятными».

Поэтому все памятники – и огромный монумент у Бранденбургских ворот, и маленькие «камни напоминания» – являются знаками того, что люди не потеряли свою память.

Камень-памятник в Кельне. Посвящен геноциду цыган

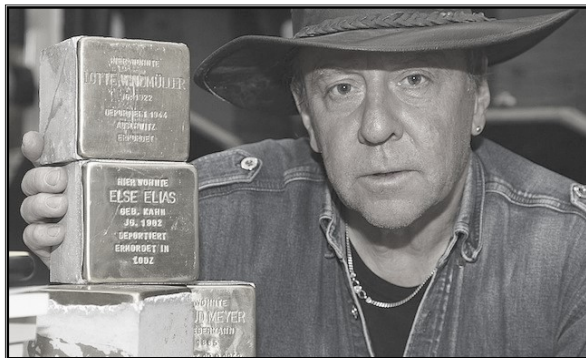
Мы делаем фильм по заказу Министерства культуры России. Как Вы думаете, зачем российскому правительству понадобился фильм о том, как некоторые немцы спасали евреев? Почему для России важно поднять эту тему?

Я думаю, что тема Холокоста еще не так широко известна в России, как в других странах, особенно в Германии, где ей уделяется много внимания. В России есть потребность больше узнать о евреях и их трагической судьбе, лучше понять, что произошло в годы Второй мировой войны. Тем более что Россия не была главной сценой, где разыгрывалась трагедия Холокоста.

И, учитывая все разрастающийся антисемитизм в российском обществе, было бы справедливо и разумно еще раз рассказать о судьбах евреев – жертв гитлеризма.

Кроме того, я тоже считаю совершенно естественным показать, что у народа, из которого вышли основные военные преступники, были и другие представители.

Такой разговор помогает еще раз задуматься о том, почему это все произошло, и сделать все, чтобы подобное не повторилось.

Гюнтер Демниг и его «камни преткновения»

Надо ли извиняться за прошлое?

В мае 2005 года широко отмечалось 60-летие со дня окончания Второй мировой войны в Европе. В Москву съехались руководители многих стран. Но президент Латвии не приехала: она требовала от России извинения за оккупацию Прибалтики. Как Вы считаете, может ли народ быть виноватым? И надо ли народу извиняться за прошлое?

Народ не может быть преступником. Эта категория здесь не применима. Однако если президент или премьер-министр страны от имени народа скажет, что сожалеет и признает, что в прошлом его страна совершила ошибку, этого будет вполне достаточно. Думаю, советская оккупация Прибалтики была не самым страшным событием мировой истории. Японцы, например, имеют гораздо больше оснований извиняться перед китайцами за то, что они сделали в 1937 году в Нанкине.

Еще драматичнее были события между Турцией и Арменией в 1915 году. Сейчас нет никаких сомнений в том, что массовое убийство армян в Турции планировалось и тщательно готовилось. Однако сегодняшняя Турция не хочет нести ответственность за происшедшее 90 лет назад, она не считает себя правопреемницей Османской империи. Почему

они отказываются признать, что тогда был геноцид армян, а теперь они готовы жить с ними в мире и дружбе? Признав это, турки продемонстрировали бы явный жест доброй воли.

Случившееся в 1915 году до сих пор для армян – серьезная травма. И эту травму можно было бы, по крайней мере, немного смягчить, если бы турки заявили: «Да, мы не виноваты в случившемся, но мы сожалеем о том, что тогда произошло, и мы признаем, что трагедия в прошлом, действительно, была».

Графиня Мария фон Мальцан

Да, это давно следовало бы сделать.

Мы, немцы, понимаем это особенно остро. Когда я приезжаю, например, в Варшаву, я все время ощущаю стыд. Хотя я и родился после нападения Германии на Польшу, и мой отец не был нацистом. В моей биографии нет такого, чего бы я стыдился. Но как немец я чувствую свою вину. То же самое происходит, когда я приезжаю в Освенцим, Минск или Ленинград. Это мучает меня. То, что делалась от имени немецкого народа, касается и сегодняшнего меня. И я бы потерял уважение к себе, если бы не осудил блокаду Ленинграда, которая была страшным преступлением.

Нападение на Советский Союз тоже было, безусловно, преступлением. И если я это не признаю, я не освобожусь от груза прошлого.

Памятная доска у дома, где жила графиня фон Мальцан во время войны. Фото автора

Знаете ли Вы историю графини фон Мальцан¹³?

Да.

Она спасла в годы войны несколько евреев, в том числе своего будущего мужа. Но когда комиссия Яд-Вашема собралась наградить ее званием «Праведник мира», она отказалась. Как объяснить этот отказ?

Причина отказа графини Марии фон Мальцан лежит, вероятно, в особенностях ее темперамента, ее характера. Она всю жизнь не признавала никаких авторитетов.

Однако было много других людей, которые не хотели, чтобы их превозносили за то, что они делали в годы войны. Эти люди просто не могли вести себя тогда иначе. И им нелегко принимать почести за то, что они делали, тем более, через много лет после случившегося.

И это я могу понять. Сразу после войны человек, возможно, и принял бы награду как доказательство того, что

¹³ См., например, *Беркович Евгений*. «Бей в барабан и не бойся беды!». В книге «Банальность добра» [2].

он не был нацистом. А когда ему 65 лет, когда ордена и медали получают почти все участники войны, согласиться на честование только за то, что был в те годы честным человеком, – это не соответствовало бы представлениям о порядочности, сложившимся в нации.

Существует ли ген альтруизма?

В событиях Второй мировой войны можно выявить множество закономерностей, найти их причины, построить, так сказать, «теорию» происшедшего. Но спасение евреев, в том числе, немцами, с трудом укладывается в какую-то общую схему. Слишком непохожими были мотивы, способы и обстоятельства спасений. Вы согласны?

Совершенно верно. Каждый случай спасения евреев отличался от других столькими индивидуальными особенностями, что попытки построить какую-то общую «теорию», выявить типичные причины и решающие факторы спасения обречены на неудачу. Не удастся связать спасение евреев с уровнем религиозности или образованности спасителей.

А как же «альтруистическая личность», как назвали свою книгу¹⁴ Олинер и Пирл? Существуют ли, так сказать, «гены альтруизма»?

Нет никакого такого гена, как нет и особенных «альтруистичных» людей.

Играла ли религия какую-то роль в спасении евреев?

Абсолютно никакую! Можно, конечно, вывести готовность к спасению людей из христианской «любви к ближнему», но это не выдерживает критики. Убийцы тоже воспитывались в религиозных семьях, в Освенциме палачи и охранники были религиозными.

В то же время, спасали евреев и люди, которые к религии не имели никакого отношения.

¹⁴ Oliner, Samuel P., Pearl, M. The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Occupied Europe. New York 1988.

Как Вы оцениваете поступок немецких женщин, выступивших в 1943 году на Розенштрассе в защиту своих мужей-евреев¹⁵? Было ли это тоже актом Сопротивления?

Безусловно, это был пример Сопротивления. Вы, наверное, имеете в виду мою полемику с госпожой фон Тротта о ее фильме, который я назвал слащавым и пошлым¹⁶. Недавними исследованиями историков, в том числе, моего ученика Вольфа Грюнера¹⁷, доказано, что не выступления женщин спасли от смерти схваченных евреев. Но женщины не знали, что их мужей немцы не собирались уничтожать, а держали в качестве заложников. И «женский бунт» на Розенштрассе был настоящим сопротивлением режиму. Женщины продемонстрировали гражданское мужество и смелость.

Сопротивление остается сопротивлением, даже если оно не привело к ожидаемому результату. Не всякое сопротивление оказывается успешным, но оно не перестает от этого быть сопротивлением.

Почему памятник на Розенштрассе был установлен так поздно, почти через полвека после тех событий?

¹⁵ См., например, *Беркович Евгений*. «Женский бунт на улице Роз». В книге «Банальность добра» [2].

¹⁶ О полемике Вольфганга Бенца и Маргарет фон Тротта много писали немецкие газеты. См., например, статью «*Что же в действительности произошло на Розенштрассе?*» в газете «Швабише Тагблатт».

¹⁷ *Gunter Wolf*. Widerstand in der Rosenstraße. Fabrik-Aktion und die Verfolgung der 'Mischehen' 1943. Fischer Taschenbücher, Frankfurt a. M. 2005.

Фрагмент памятника на Розенштрассе

А почему Монумент жертвам Холокоста был установлен у Бранденбургских ворот только четыре недели назад, а не первого сентября 1945 года? Все это в большой степени вопрос конъюнктуры.

Каждое поколение открывает для себя историю заново. Тот же случай «женского бунта» на Розенштрассе стал достаточно широко известным в 70-е годы. Но сама улица лежала на территории ГДР, чьи власти не имели, по-видимому, никакого желания устанавливать памятник женщинам, выступившим против диктатуры. Нелишне напомнить, что споры вокруг постройки Мемориала жертвам

Холокоста у Бранденбургских ворот длились более семнадцати лет.

Указатель Розенштрассе. Берлин

Фрагмент памятника на Розенштрассе

Вопросы Богу

Что самое главное, по Вашему мнению, мы должны сказать в своем фильме, о чем ни в коем случае нельзя забыть?

Это роль индивидуума. Персональная ответственность человека за свои поступки. Человек должен сам решать, нужно ли приспосабливаться к системе власти или противостоять ей. Это должно вытекать из его личных представлений о добре и зле, из его этических установок. Вот, по-моему, самое главное послание, которое должен нести рассказ о «невоспетых героях» и их «тихой помощи» преследуемым евреям. И не забывать, что людей, оставшихся верными своей совести, было непростительно мало.

Памятник Эдит Штайн в Кельне

Некоторое время назад в Ганновере проходили «Дни евангелической церкви Германии». В рамках этого крупного мероприятия (в Ганновер съехалось тогда несколько сотен тысяч человек со всех концов страны) был открыт «Монумент вопросов». Любой человек мог задать вопрос Богу или миру, его записывали на специальную ленту, и потом

тысячи разноцветных лент подняли на высоту двадцать метров. Если бы Вам пришлось задать вопрос Богу, чтобы Вы спросили?

Я бы спросил: «Бог, ты есть? Есть ли Ты после всего, что мы знаем об Освенциме?». Я знаю, что многие еврейские мыслители говорят, что Освенцим – доказательство того, что Бога нет. Но другие утверждают, что Освенцим был еще одним испытанием веры в Бога. Все это очень индивидуально.

А Вы знаете ответ на этот вопрос?

Нет, я не знаю.

Потом было знакомство с небольшой, но тщательно подобранной библиотекой Центра, работа с уникальными документами в его обширном архиве, и только к вечеру я сообразил, что так и не поинтересовался, чем же профессору запомнился квас на улицах Москвы.

Опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским: «И эллин и иудей»

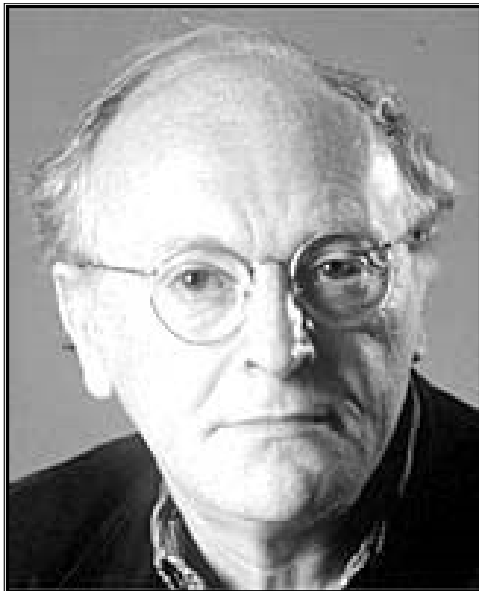
«Еврей ли вы?»

Остап Бендер со знанием дела говорил, что у пророка Самуила всегда спрашивают одно и то же: «Почему в продаже нет животного масла?» и «Еврей ли вы?». Последний вопрос нередко задавали и Иосифу Бродскому, особенно после его вынужденного отъезда на Запад в 1972 году. Практически ни одно выступление поэта перед русскоязычной аудиторией в Америке не обходилось без настойчивых расспросов о его религии и национальности. Бродский не любил рассуждать на такие темы, но полностью уйти от них все же не мог. В своих многочисленных интервью нобелевскому лауреату приходилось касаться и этих предметов (см., например [1-4]).

О «еврействе» и «христианстве» Бродского написано немало. Отмечу статью Шимона Маркиша в сборнике «Иосиф Бродский: труды и дни»[3] и главу «Проблемы пятого пункта» в книге Людмилы Штерн «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph»[5]. Возможно, кому-то будет интересно узнать, что именно говорил и писал об этом сам поэт.

Вниманию читателя предлагается опыт воображаемого, своего рода «синтетического» интервью, содержащего реальные ответы Иосифа Александровича Бродского на реальные вопросы, которые задавали ему разные люди в разное время. Как видно из названия, материал составлен в форме единого интервью. Вопросы выделены курсивом. Ответы на них иногда незначительно сокращены, а в некоторых случаях, если вопросы сходны между собой, сведены воедино. В остальном вопросы и ответы точно соответствуют опубликованным текстам интервью.

«Я был воспитан вне религии»

Иосиф Александрович Бродский

Расскажите немного о семье, об отце и о вашей связи с ним.

По образованию он был журналист, вернее, у него было два диплома: один – географического факультета; но потом, когда он понял, что как географу ему не придется путешествовать, поскольку он еврей, то он окончил Институт красной журналистики и работал фотографом.

Затем, уже после войны, он два или три года работал в Военно-морском музее, куда я часто ходил. Потом вышло постановление Жданова о том, что лица еврейской национальности не должны обладать высокими воинскими званиями, и отец демобилизовался. Некоторое время он был без работы, и мы жили на зарплату матери – она работала в бухгалтерии местного ЖЭКа¹.

¹ Евгений Рейн. – Журнал «Арион», 1996, № 3

Ваши родители были ортодоксальными евреями?

Вовсе нет. Я был воспитан вне религии, но не мог не знать, каково быть евреем: это вроде отметины. Люди называют тебя «жид», тебя преследуют антисемитские замечания; в какой-то степени человек становится изгоем. Но может, это и хорошо: тем быстрее привыкаешь не зависеть ни от чьего мнения².

Понимание того, что я еврей, пришло ко мне довольно рано. Мою семью ничто не связывало с иудаизмом, абсолютно ничто. Но у системы был способ заставить человека осознать свою этническую принадлежность. В Советском Союзе есть удостоверяющий документ – паспорт, в котором указываются ваши имя, фамилия, место рождения и национальность. Отступление от этого правила может караться законом. Так что антисемитизм в России в значительной степени порождается государством.

В школе быть евреем означало постоянную готовность защищаться. Когда меня называли «жидом», я лез с кулаками. Я вообще довольно болезненно реагировал на подобные «шутки», воспринимал их как личное оскорбление. Меня задевало, что я – еврей. Теперь не нахожу в этом ничего оскорбительного, но такое отношение пришло позже³.

Когда я работал на заводе, даже когда сидел в тюрьме, я удивительно мало сталкивался с антисемитизмом. Сильнее всего антисемитизм проявлялся у литераторов, интеллектуалов. Вот где к национальности действительно относятся болезненно, ведь от пятого пункта зависит карьера...

Что вы делали после того, как ушли с завода?

Пошел работать в морг местной больницы. Я подумывал о таком еврейском поприще, как профессия врача, но хотел заранее узнать ее малоприятные стороны⁴.

² Мириам Гросс. – Газета «Observer» от 25 октября 1981 г.

³ Джейн В. Кац. – Из книги “Artists in Exile”. N.Y., 1983.

⁴ Мириам Гросс. – Газета “Observer” от 25 октября 1981 г.

После школы вы хотели продолжить образование?

Когда я был ребенком, я много чего хотел. Во-первых, я хотел стать военным моряком или, скорее, летчиком. Но это отпало сразу, потому что по национальности я еврей. Евреям не разрешали летать на самолете. Потом я решил пойти в училище для моряков-подводников. Мой отец во время войны служил на флоте, и я был влюблен в морскую форму. Но это тоже отпало, по той же причине... Постепенно я начал писать⁵.

А как люди относились к вам в ссылке?

Очень хорошо, они думали, что я попал туда по религиозным мотивам. Никто у меня ничего не спрашивал, и я никому ничего не говорил – народ там неразговорчивый. И не было никакого антисемитизма, это чисто городское явление⁶.

Вас воспитывали как еврея или как русского?

Хорошо воспитанный человек не спрашивает, кто ты есть. Впрочем, все и так сразу определяют, еврей ты или нет. Русские прекрасно умеют это различать. Когда меня спрашивали про мою национальность, я, разумеется, отвечал, что я еврей. Но такое случалось крайне редко. Меня и спрашивать не надо, я «р» не выговариваю⁷.

«Когда предрассудок становится частью системы»

Когда вы впервые столкнулись с антисемитизмом?

В школе. В классном журнале записаны твоё имя, фамилия, год рождения, национальность. Я еврей. Стопроцентный. Нельзя быть евреем в большей степени, чем я. Папа, мама не вызывают ни малейших сомнений. Без

⁵ Thomas D.M. Interview with Brodsky. "Quarto", December 1981.

⁶ Джованни Буттафава. – Журнал "L'Espresso", декабрь 1987 г.

⁷ Адам Михник. – Журнал "Magazin" (приложение к газете "Wyborczaj"), 1995, № 3 (20 января 1995 г.).

всякой примеси. Но думаю, я еврей не только поэтому. Я знаю, что мои взгляды отличает некий абсолютизм.

В вопросах антисемитизма следует быть очень осторожным. Антисемитизм – это по сути одна из форм расизма. А мы все в какой-то степени расисты. Нам не нравятся какие-то лица, какой-то тип красоты.

А идеология появляется уже позднее. Ведь что такое предрассудки, в том числе и расовые? Это способ выразить недовольство положением человека в мире. Проблема возникает, когда предрассудок становится частью системы. Посмотрите на Германию: каковы корни немецкого антисемитизма? Тридцатые годы. Страшная экономическая катастрофа после Первой мировой войны. Разумеется, кого-то надо невзлюбить. А кого можно не любить, если не любить нельзя? Будем ненавидеть евреев – у них такие длинные носы.

Когда умер Сталин, вам было тринадцать. Вы помните этот день?

Помню, и очень отчетливо. Всех евреев должны были выселить из Ленинграда. Из Ленинграда и Москвы. Только что прошло дело врачей. Хотя процесс и не состоялся, но были все эти ужасные обвинения и антисемитская кампания в прессе. Помню, однажды я заметил, что родители как-то странно смотрят на меня, и спросил их, в чем дело. Они ответили: «Да знаешь, мы решили продать наше старое пианино». Надо сказать, что на нем никто никогда не играл. Я удивился, и они сказали, что нам надо переезжать. Я спросил: куда? Тогда они попытались объяснить, что происходит. Но через несколько дней по радио объявили новость, которая отменила наше путешествие: умер Сталин. Если бы процесс состоялся, врачей обязательно признали бы виновными. В газетах собирались опубликовать письмо, подписанное выдающимися людьми еврейской национальности, в котором они должны были признать, что евреи скомпрометировали себя и должны уехать, чтобы искупить свою вину. Была уже выделена автономная область возле границы с Китаем. Это не произошло только благодаря смерти Сталина.

А всех московских и ленинградских евреев должны были выслать?

Насколько я помню, высылке подлежали все евреи из европейской части Советского Союза. Отец показал мне копию письма, которое должно было появиться в «Правде». Я просто не хочу называть имена людей, подписавших это письмо, потому что многие из них до сих пор пользуются чрезвычайным уважением на Западе⁸.

«Верующий ли вы?» – «Ещё нет»

Простите за интимный вопрос: вы человек религиозный, верующий?

Я не знаю. Иногда да, иногда нет. Не церковный, это точно. Я ни в чем сильно не убежден. Человек отвечает сам перед собой за все. То есть он сам до известной степени свой Страшный Суд. На каком-то этапе я понял, что я сумма своих действий, поступков, а не сумма своих намерений⁹.

Я не верю в бесконечную силу разума, рационального начала. В рациональное я верю постольку, поскольку оно способно подвести меня к иррациональному. Когда рациональное вас покидает, вы на какое-то время поддаетесь панике. Но именно здесь вас ожидают откровения – в этой пограничной полосе, на стыке рационального и иррационального. По крайней мере дважды или трижды мне пришлось пережить такие откровения, и они оставили ощутимый след.

Все это вряд ли совмещается с какой-то четкой, упорядоченной религиозной системой. Вообще я не сторонник религиозных ритуалов или формального богослужения. Я придерживаюсь представления о Боге как о носителе абсолютно случайной, ничем не обусловленной воли. Я против торгашеской психологии, которая пронизывает христианство: сделай это – получишь то. Или и

⁸ Петр Вайль. – «Независимая газета» от 21 декабря 1991 г.

⁹ Беркович Евгений. Две истории об отцах и детях, или кого считают евреем в Израиле и Америке. В кн.: Заметки по еврейской истории. М., «Янус-К», 2000.

того лучше: уповай на бесконечное милосердие Божие. Ведь это, в сущности, антропоморфизм. Мне ближе ветхозаветный Бог, который карает...

безосновательно...

...нет, скорее непредсказуемо. Меня не слишком интересует зороастрийский вариант верховного божества, самый жестокий из возможных... Все-таки мне больше по душе идея своеволия, непредсказуемости. В этом смысле я ближе к иудаизму, чем любой иудей в Израиле. Просто потому, что если я и верю во что-то, то в деспотичного, непредсказуемого Бога.

Я не получил религиозного воспитания, в меня не вложили в готовом виде основы веры. Все это я осваивал самоучкой. Библию впервые взял в руки в двадцать три года. И остался, так сказать, без пастыря.

Я вырос в обстановке суровой антирелигиозной пропаганды, исключавшей всякое понятие загробной жизни¹⁰.

Из ваших стихов явствует, что вы – человек верующий. Это вам дано от рождения, как совесть или порядочность, или вера пришла с годами от пережитого, от страданий?

Я бы не сказал, что я такой уж верующий человек.. Вообще об этих делах говорить не следует, это дело всегда сугубо личное... Тот же Карл Проффер, когда его кто-то спросил в моем присутствии: «Верующий ли вы?» – сказал: «Еще нет»¹¹.

Остаются ли у вас воспоминания о еврействе, даже если вы не были воспитаны в еврейских традициях?

У меня никаких воспоминаний нет, потому что в семье, среди родственников этого совершенно не было. Я был

¹⁰ Свен Биркертс. – Журнал “Paris review”, 1982, № 836.

¹¹ Виталий Амурский. – Газета «Русская мысль» от 19 января 1990 г.

в синагоге только один раз, когда с группой приятелей зашел туда по пьяному делу, потому что она оказалась рядом¹².

А каково ваше отношение к христианству? У вас ведь есть и рождественские стихи?

Черт его знает?! Мне сложно об этом говорить. В свое время, когда мне было года двадцать четыре-двадцать пять, у меня была идея – и я пытался ей следовать, – на каждое Рождество писать по стихотворению. И некоторое время я соблюдал это правило, но потом обстоятельства, что ли, встали поперек дороги... Хотя я до сих пор пытаюсь это делать. Вот, собственно, в этом и заключается мое отношение к христианству (смеется)... если угодно¹³.

Правда ли, что вы, приехав на Запад, обратились к христианству?

Это абсолютно бредовая чушь! У меня нет времени. Я плохой еврей. Думаю, что человек должен идентифицировать себя более точно, чем по расе, вере или национальности. Сначала нужно понять, каков ты: труслив, честен, бесчестен. Идентичность человека не должна зависеть от внешних критериев¹⁴.

А как же крест, который на вас надет на одной из фотографий, сделанных сразу после отъезда?

Это был 1972 год. В то время я относился к этому более, так сказать, систематически. Потом это прошло. Опять же, если хотите, здесь связь с Пастернаком. После его «стихов из романа» масса русской интеллигенции, особенно еврейские мальчики, очень воодушевилась новозаветными идеями. Отчасти такова была форма сопротивления системе, с другой стороны, за этим стоит замечательное культурное наследие, с третьей – чисто религиозный аспект, но с последним у меня отношения всегда были не слишком благополучными.

¹² Анни Эпельбуэн. – Журнал «Странник», 1991, выпуск 1.

¹³ Бенгдт Янгфельд. – Газета “Svenska Dagblatt” от 10 декабря 1987 г.

¹⁴ Хелен Бенедикт. – Журнал “Antioch Review”, 1985, № 1.

В принципе систематическая сторона любого дела, как правило, имеет неприятный оттенок, и если уж всерьез говорить о том, что я выбрал в духовном отношении – хотя, может быть, скорее надо говорить об отношении интеллектуальном, – то я, конечно, Новому Завету предпочитаю Ветхий. Метафизический горизонт, метафизическая интенсивность Ветхого Завета, на мой взгляд, куда выше, чем метафизика Нового. Сама идея грандиознее – идея верховного существа, которое не оперирует на основании этических, то есть человеческих, категорий, а исходит из собственной воли, в основе которой лежит произвол. В этом смысле иудаизм для меня несколько более привлекателен, чем новозаветное христианство¹⁵...

Какое значение для вас имеет тот факт, что вы еврей? Идентифицируете ли вы себя каким-то образом с этим наследием, с этой традицией?

Я абсолютный, стопроцентный еврей, то есть, на мой взгляд, быть евреем больше, чем я, уже нельзя. Здесь все – и мать, и отец, и т. д., и т. п. Но я не получил специфически еврейского воспитания, и пишу я по-русски. Но у меня нет никакого чувства идентификации и с православием. Дело просто в том, что Россия принадлежит христианской культуре, и потому, хочешь не хочешь, христианство в моих стихах существует, христианская культура видна в самом языке. Поэтому же, я полагаю, очень незначителен элемент чисто еврейских тем в том, что я пишу. Впрочем, это не так интересно. Я думаю, обращаясь к себе, человек должен прежде всего спрашивать, насколько он честен, смел, не лгун ли он, правда? И только потом определять себя в категориях расы, национальности, принадлежности к той или иной вере. Это, по-моему, вопросы не первого, а третьего плана. Это с одной стороны.

А с другой стороны, если уж говорить, еврей я или не еврей, думаю, что, быть может, я даже в большей степени еврей, чем те, кто соблюдает все обряды. Я считаю, что взял

¹⁵ Бенгдт Янгфельд. – Газета “Svenska Dagblatt” от 10 декабря 1987 г.

из иудаизма – впрочем, не столько считаю, сколько это просто существует во мне каким-то естественным образом – представление о Всемогушем как о существе совершенно своевольном. Бог – своевольное существо в том смысле, что с ним нельзя вступать ни в какие практические отношения, ни в какие сделки – например, я сделаю то и за это получу это, совершу какое-то количество добрых дел и попаду в Царствие Небесное. Это то, что мне в христианстве кажется в высшей степени неадекватным, по меньшей мере весьма сомнительным. Моя любимая книга в Ветхом Завете – Книга Иова, ну, может, не любимая, а такая, которую я действительно понимаю¹⁶.

Я должен был сделать выбор. И я его сделал – в пользу иудаизма, или скорее даже христианства... Что касается христианства, то я воспринимал его с лирической точки зрения, поскольку иудаизм говорит «мы», а христианство – «я». И это весьма любопытно, поскольку тут есть параллель с Древней Грецией, где до Пелопоннесской войны Перикл тоже говорил «мы, афинский народ», а после войны Сократ говорил «я»... Итак, я решил: «Это мой мир»... Поэтому, написав «Исаака и Авраама», я не совсем понимал, о чем пытаюсь сказать. Мне просто понравилась эта история, она была жутко интересной, и я решил описать ее. Вы знаете, для русского человека нет большой разницы между Ветхим и Новым Заветом. Для русского человека это, по сути, одна книга с параллельными местами, которую можно листать вперед-назад. Поэтому, когда я оказался на Западе, я был поражен (вначале, по крайней мере) строгим разграничением на евреев и неевреев. Я думал: «Ерунда! Чушь собачья! Ведь это лишает их перспективы!».

Как убеждение христианство не слишком удовлетворяет меня, оно мне не очень интересно... Знаете, я открыл принцип, на котором держится эта ментальность. Как в продуктовой лавке – платишь столько-то, получаешь столько-то. Меня же (может быть, тут все дело в существе моего темперамента, но не только в нем одном) куда больше привлекает идея непостижимости божественного...

¹⁶ Ежи Иллг. – Журнал “Tygodnik Powszechny”, 1988, № 6.

Если в моем стихотворении и есть христианский подтекст, то лишь потому, что я любил эту историю. Мне, например, по душе девяносто процентов всего того, что я знаю об Иисусе, но десять процентов для меня лишние... Это тот же Гамлет, если хотите, – и в этом нет ничего плохого. Но когда какой-то местный Яхве говорит мне, что это для меня невозможно, а то и недостижимо, и что нельзя по-настоящему возлюбить бога Авраама, и Исаака, и Иакова, но только Иисуса, я отвечаю: «Чушь собачья!»... Вот почему я не люблю организованных форм – потому что организация со временем всегда становится важнее (мягко говоря) тех, с кем она работает, не говоря – самого адресата¹⁷.

«Все поэты – жида»

Можете ли вы что-то сказать об отношениях между христианством и современной культурой?

Отношения между Богом – или христианством, или религией – и современной культурой вполне ясные: это, если угодно, отношения между причиной и следствием. И если в моих стихах есть что-то в подобном роде, то это просто попытка следствия отдать дань причине. Вот так все просто. Я не то чтобы религиозен, вовсе нет. К счастью или к несчастью, уж не знаю. Не думаю, что я принадлежу к какому-то вероучению. Скажу вам, что когда в больнице мне задали этот критический вопрос – ведь все может случиться, – я был в затруднении¹⁸.

Знаете ли вы, что в Бостонском университете ваши стихи входят в список обязательного чтения по курсу «Новейшая еврейская литература»?

От души поздравляю Бостонский университет! Не знаю, право, как к этому отнестись. Я очень плохой еврей. В свое время меня в еврейских кругах корили за то, что я не поддерживаю борьбу евреев за свои права. А еще за то, что в стихах у меня слишком много евангельских тем. Это, по-

¹⁷ Дэвид Бетеа. – В книге – [4].

¹⁸ Ева Берч и Дэвид Чин. – Журнал “Columbia”, весна – лето 1980 г.

моему, полная чушь. С моей стороны тут нет никакого отказа от наследия предков. Я просто хочу следствию дать возможность засвидетельствовать свое низжайшее почтение причине – вот и все.

Входящий в число глубоко читаемых вами поэтов Осип Мандельштам, по утверждению его вдовы Надежды Яковлевны, несмотря на свое еврейское происхождение, глубоко принял православие и был «христианским поэтом».

Ну, я бы не сказал, что высказывание, которое вы процитировали, справедливо... Что касается меня – в возрасте двадцати четырех лет или двадцати трех, уже не помню точно, я впервые прочитал Ветхий и Новый Завет. И это на меня произвело, может быть, самое сильное впечатление в жизни... Разумеется, я понял, что метафизические горизонты, предлагаемые христианством, менее значительны, чем те, которые предлагаются иудаизмом. Но я совершил свой выбор в сторону идеалов христианства, если угодно... Я бы, надо сказать, почаще употреблял выражение иудеохристианство, потому что одно немыслимо без другого. И в общем-то это примерно та сфера или те параметры, которыми определяется моя если не обязательно интеллектуальная, то, по крайней мере, какая-то душевная деятельность¹⁹.

Скажите, вам нравится, когда о вас говорят как о русско-еврейском поэте? Посмотрите, как странно все выходит – стопроцентный еврей Мандельштам был в одиночестве среди ортодоксальных акмеистов, а потом, в шестидесятые, вокруг Ахматовой образовалась группа неоакмеистов, и все они – за исключением Бобышева – были евреями. Как вы расцениваете статус еврея в русской культуре?

Давайте начнем с конца. Я стопроцентный еврей, у меня еврейская кровь. Так что для меня вопросов не существует. Но в течение жизни я как-то мало обращал на это внимания, даже будучи молодым человеком, хотя в России

¹⁹ Виталий Амурский. – Журнал «Континент», 1990? № 62.

молодым еврейским людям напоминают об их происхождении каждые пять минут. Мне к тому же совсем не повезло, я картавлю, что выдает мое еврейство с потрохами. Так оно и было, за тем исключением, что я не обращал большого внимания... Как бы это сказать? Я, в сущности, до конца не осознавал себя евреем... Мне было интересным то, что было труднодостижимо, то, что не лежало на поверхности. А еврейский аспект моего бытия был, так сказать, «под рукой»... И потом, я всегда верил, что человека определяет не раса, религия, география или гражданство. Прежде всего человеку нужно спрашивать себя: «Трус ли я? Или благородный человек? Или я лжец?» И тому подобное. Так что для меня еврейство мало что определяло. И на самом деле мое еврейство стало чуть более заметным для меня здесь, где общество построено с учетом строгого разграничения на евреев и неевреев...

Я опять отвлекаюсь от прямого ответа на ваш вопрос, но я хочу сказать вот что. С течением лет я чувствую себя куда большим евреем, чем те люди, которые уезжают в Израиль или ходят в синагоги. Происходит это оттого, что у меня очень развито чувство высшей справедливости. И то, чем я занимаюсь по профессии, есть своего рода акт проверки, но только на бумаге... То, что касается идеи высшей справедливости в иудаизме, довольно крепко привязано к тому, чем я занимаюсь. Более того, природа этого ремесла в каком-то смысле делает тебя евреем, еврейство становится следствием...

«Все поэты – жида...» – именно поэтому она [Цветаева] так сказала. Ремесло обязывает. Или ты просто плохой ремесленник.

Давайте вернемся назад.

Если бы вопрос формулировал я, если бы я хотел сделать его полнее, я бы обязательно добавил к Мандельштаму Пастернака. И еще многих... Дело в том, что русская литература изрядно проперчена еврейским присутствием. Как минимум пятьдесят процентов из тех, кто в этом веке считал себя поэтом, были евреями. Великие поэты русского конструктивизма... Сельвинский, например,

Багрицкий, вся одесская школа, Бабель, если хотите, – если продолжать, список будет слишком длинным. Они были евреями. Как это расценивать? Говоря коротко, это происходит оттого, что мы – народ книги. У нас это, так сказать, генетически. На вопрос о том, почему евреи такие умные, я всегда говорил: это потому, что у них в генах заложено читать справа налево. А когда ты вырастаешь и оказываешься в обществе, где читают слева направо... И вот каждый раз, когда ты читаешь, ты подсознательно пытаешься вывернуть строку наизнанку и проверить, все ли там верно...

«Народ книги»... Отчего так происходит? Оттого ли, что нужно хранить культуру, или есть другие причины?

Я не люблю громких слов вроде «сохранение культуры»... Мы защищали культуру, но в самом общем смысле слова, не русскую или еврейскую культуру, а просто – цивилизацию от варваров.

То есть вы переживали свое еврейство не так, как, скажем, Мандельштам или Пастернак?

Мы переживали его внутри семьи, не больше. Вряд ли Рейн или Найман ходили в синагогу. Я помню только один случай, когда я попал в синагогу. Думаю, что я чаще бывал в православных соборах, особенно в детстве, когда просто играл во дворе собора, бегал туда-сюда²⁰.

А Пастернак, кем он ощущал себя?

Для Пастернака его еврейство было очень сложной проблемой. Как известно, он крестился. Это с него началось массовое обращение в православие. Особенно еврейской интеллигенции. Множество людей со времени «Доктора Живаго» приняло православную веру. Побуждало к этому, наверное, чувство, что коль скоро русская культура вскормлена православием, а ты принадлежишь русской культуре, то нет иного выхода, как окунуться в православие.

²⁰ Дэвид Бетеа. – В книге – Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., «Захаров», 2000.

Поэтому и обращаешься к Церкви, не говоря уж о том, что это еще и форма оппозиции²¹.

Конечно, естественна была реакция читателя на стихи из «Живаго», когда после всей идиоматики изящной словесности времен Сталина вы вдруг слышали человеческий голос, а он еще, этот человеческий голос, вам повествует действительно о чуде и о Христе. Но Пастернак сам говорил, что когда человек обращается (он еще говорил, между прочим: когда еврей обращается) в православие, он очень сильно нервничает. И зачастую я слышу эту нервность и желание неопита доказать, что он – более православный, чем Патриарх Всея Руси...

Что касается Мандельштама, когда он пишет о преодолении хаоса, то там идет речь скорее о попытке побега из удушливой атмосферы семьи. Если бы это был хаос, я бы только стремился к нему²².

А что означают слова Цветаевой, что все поэты – евреи?

То, что их ситуации не позавидуешь. Что они изгнанники. Что они не нужны. Отчужденные²³.

А как насчет «Еврейского кладбища около Ленинграда»? Что это было?

Это было стихотворение. Серьезное стихотворение, потому что это кладбище... в общем, это место довольно трагическое, оно впечатлило меня, и я написал стихотворение... Не помню особых причин, просто на этом кладбище похоронены мои бабушка с дедушкой, мои тетки и т. д.²⁴.

²¹ Адам Михник. – Журнал “Magazin” (приложение к газете “Wyborczaj”), 1995, № 3 (20 января 1995 г).

²² Наталья Горбаневская. – Газета «Русская мысль» от 3 февраля 1983 г.

²³ Адам Михник. – Журнал “Magazin” (приложение к газете “Wyborczaj”), 1995, № 3 (20 января 1995 г).

²⁴ Дэвид Бетеа. – В книге [4].

Что Вы испытывали, когда писали это стихотворение?

Не помню, мне было тогда восемнадцать лет. Это было одно из первых написанных мною стихотворений. Думаю, что печаль. Печаль и сострадание к этим людям. Теперь я понимаю, что оно плохо написано²⁵.

Вы не согласны с Сартром, считавшим, что литература способна заменить религию?

Думаю, что в человеке есть некое пространство, требующее религиозного переживания, и потому заменить религию литература не может²⁶.

«Я надеюсь, что делаю то, что Он одобряет»

Считаете ли вы себя человеком, чей голос имеет моральный авторитет у людей?

Я себя таковым не считаю. Ну и, кроме того, меня никто не будет слушать, поскольку я еврей²⁷.

А как вы переживали свое еврейство?

Я мало задумывался об этом хотя бы потому, что всегда старался, может быть, самонадеянно, определить себя жестче, чем допускают понятия «раса» или «национальность». Говоря коротко, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и русский я плохой, да и американец вряд ли хороший. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я – писатель²⁸.

Кем вы себя чувствуете – гражданином мира, русским или американцем?

Я чувствую себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединенных Штатов Америки. Я

²⁵ Анн-Мари Брамм. – Журнал “Mosaic”. Том VIII, № 1, осень 1974 года.

²⁶ Божена Шеллкресс. – Из книги “Reszty nie Trzeba”. Катовице, 1993.

²⁷ Майкл Главер. – Журнал «Экономист» от 13 октября 1990 г.

²⁸ Мириам Гросс. – Газета “Observer” от 25 октября 1981 г.

считаю, что лучшего определения я для себя придумать не в состоянии.

Мне кажется, что библейская тема в ваших стихах постепенно сходит на нет, во всяком случае Ветхий Завет. Если это так, то почему?

Вы знаете, я в этом не уверен, она никогда не была доминирующей и раньше²⁹.

Не то чтобы со мной плохо обходились, но с тех пор, как я приехал сюда, меня все время отождествляют с еврейством, а меня это обижает. Люди на Западе не могут должным образом принять, что в России христианство и иудаизм не настолько разделены. В России мы рассматриваем Новый Завет как развитие Ветхого. Все, что произошло с Иисусом, каким-то образом было изображено пророками. В каком-то смысле мы оба Завета скорее изучаем, а не поклоняемся им, по крайней мере я³⁰.

В чем, по-вашему, основная разница между американцами, теми, кто родился и вырос в Америке, и русскими, родившимися и воспитывавшимися в России?

Разница, видимо, существует. Я думаю, не следует ее для себя формулировать. Я думаю, относиться к людям надо так, как ты к ним относишься. То есть если что-то нравится, это не надо объяснять национальными культурами, обстоятельствами. Так же, как если кто-то тебе неприятен, не надо сваливать на географию и историю³¹.

А важна ли свобода для вас лично?

Как еврей, я, видимо, принадлежу к типу, который способен не то что адаптироваться, но выживать при любой ситуации. За исключением газовой камеры. Или концлагеря³².

²⁹ Арина Гинзбург. – Газета «Русская мысль» от 4 ноября 1988 г.

³⁰ Хелен Бенедикт. – Журнал “Antioch Review”, 1985, № 1.

³¹ Ответы Иосифа Бродского на вопросы после выступления 2 апреля 1995 г. в Манхэттенском центре этнической культуры. Журнал «Огонек», 1995, № 21 (май).

³² Томас Венцлова. – Журнал «Страна и мир», 1988, № 3.

Когда вы думаете о Всемогущем, чего вы обычно просите для себя?

Я не прошу. Я просто надеюсь, что делаю то, что Он одобряет³³.

У меня есть твердое убеждение, даже не убеждение, а... В общем, мне кажется, что моя работа по большому счету есть работа во славу Бога. Я не уверен, что Он обращает на нее внимание... что я Ему любопытен... но моя работа, по крайней мере, направлена не против Него. Не важно, что я там провозглашаю и насколько это Ему по душе. Главное, каким образом ты пытаешься понравиться Всевышнему и как ты рассчитываешь свои возможности. Я думаю, именно это нам зачтется, и пусть меня изжарят на сковороде, но я уверен, что наша работа в наших областях куда больше значит, чем стандартная набожность³⁴.

Кстати, ваше имя фигурирует в справочнике «Знаменитые евреи»...

Здорово! Вот это да! «Знаменитые евреи»... Я, выходит, знаменитый еврей! Наконец-то узнал, кто я такой... Запомним!

Говорят, что вы утрачиваете свою русскость...

Если ее можно утратить – грош цена такой русскости³⁵.

Что самое важное для вас в жизни?

В первую очередь каждый человек должен знать, что он собой представляет в чисто человеческих категориях, а потом уже в национальных, политических, религиозных.

Что вы цените выше всего в человеке?

³³ Дмитрий Радышевский. – Газета «Московские новости» от 23 июля 1995 г (№ 50).

³⁴ Дэвид Бетеа. – В книге [4].

³⁵ «Грош цена русскости, которую можно утерять», пресс-конференция Бродского в Хельсинки в августе 1995 г. Газета «День за днем» (Тарту) от 8 сентября 1995 г.

Умение прощать, умение жалеть³⁶.

«Еврей – тот, кто на это согласен»

Когда Иосиф Бродский прилетел в Стокгольм получать Нобелевскую премию, один журналист прямо в аэропорту спросил его: «Вот вы американский гражданин, живете в Америке, и в то же время вы русский поэт и премию получаете за русские стихи. Кто же вы – американец? русский». – «Я еврей», – ответил Бродский.

К своему еврейству поэт относился спокойно и естественно. Ему не нужны были чужие одобрения, он не боялся косых взглядов. У него не найти ни ужаса Мандельштама перед «хаосом иудейским», ни нервозности Пастернака, призывавшего евреев «разойтись», исчезнуть, чтобы не мешать счастью человечества. Кажется, со своей поэтической интуицией Иосиф Бродский ближе других подошел к разгадке тайны, мучающей многих людей на протяжении столетий: какова роль еврейского народа в истории и что такое еврей? (см., например, [6, 7]). Александр Исаевич Солженицын, которого многие упрекали в антисемитизме (а после выхода в свет двухтомного труда «Двести лет вместе» [8] многие еще будут упрекать), в интервью главному редактору «Московских новостей» сказал: «У меня разгадки нет. Это метафизический вопрос, самый сложный. Это не дано человеческому разуму в полном измерении. Непонятно. Что-то загадочное все равно остается» [9].

Галахическое определение еврея («рожденный еврейкой или перешедший в иудаизм») своими корнями уходит в глубокую древность. Остроумное высказывание раввина Штейнзальца: «Еврей – тот, у кого внуки евреи» – напротив, обращено в туманное будущее. Для таких людей, как Иосиф Бродский, больше подходит афоризм писателя Юрия Марковича Нагибина: «Еврей – тот, кто на это согласен».

Литература

³⁶ Юрий Коваленко. Газета «Неделя», 1990, № 9.

1. Бродский Иосиф. Сочинения. Тома 1-5. СПб., Изд-во Пушкинского фонда, 1992-1999.
2. Волков Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским. М., «Независимая Газета», 1998.
3. Иосиф Бродский: труды и дни. М., «Независимая Газета», 1998.
4. Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., «Захаров», 2000.
5. Штерн Людмила. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., «Независимая Газета», 2001.
6. Штейнзальц Адин. Что такое еврей? М., Институт изучения иудаизма, 1999.
7. Беркович Евгений. Две истории об отцах и детях, или кого считают евреем в Израиле и Америке. В кн.: Заметки по еврейской истории. М., «Янус-К», 2000.
8. Солженицын А. И. Двести лет вместе. 1795-1995. М., «Русский путь», 2001.
9. Интервью А.И. Солженицына Виктору Лошаку. Газета «Московские новости», № 25, 19-25 июня 2001 г.

Евгений Беркович

Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах

Составитель Владимир Плетинский

при участии Изабеллы Побединой

Семь искусств, Ганновер 2015, 200 стр. с илл.

ISBN 978-1-326-42682-8

© Евгений Беркович (текст)

© Изабелла Победина (оформление обложки)

© Владимир Плетинский (составление, предисловие)

Компьютерная верстка Изабеллы Побединой

197 стр., 6,6 а.л.

Семь искусств
Ганновер 2015